

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RGGU BULLETIN

№ 14(57)/10

Scientific journal

Law Series

Moscow 2010

ВЕСТНИК РГГУ
№ 14(57)/10

Научный журнал

Серия «Юридические науки»

Москва 2010

УДК 340(07)
ББК 67я43

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д.П. Бак

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Главный художник
В.В. Сурков

Редакционный совет серии «Юридические науки»

А.З. Арсенян
Н.И. Архипова
П.А. Астахов
Н.И. Ветров
А.А. Вихров
Н.И. Косякова
В.В. Минаев
А.Д. Селюков
О.И. Тиунов

Редакционная коллегия серии «Юридические науки»

Н.В. Бандурина
В.О. Бежанов
В.Н. Белоновский
Л.И. Глухарева – заместитель ответственного редактора серии
С.В. Жучков
В.Ф. Калина
И.Н. Крапчатова
Г.Ю. Курскова
А.В. Милохова
Ю.С. Сидорович
С.В. Тимофеев – ответственный редактор серии

ISSN 1998–6769

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы теории государства и права

<i>И.Л. Честнов</i>	
Социальное конструирование правовой идентичности в условиях глобализации	15
<i>С.И. Глушкова</i>	
К вопросу о новых подходах в исследовании прав человека	21
<i>Е.М. Крупеня</i>	
Правосознание субъекта статусного публичного права: теоретические аспекты	30
<i>Л.И. Глухарева, Е.И. Тимина</i>	
Государственное участие в формировании общества экономики знаний	40
<i>Н.И. Косякова</i>	
Совершенствование межотраслевых связей юридических лиц в современных экономических условиях	54

История государства и права

<i>А.А. Дорская</i>	
Развитие юридической науки российскими специалистами церковного права	66
<i>В.Н. Белоновский</i>	
Юридическая ответственность по нормам Положения о выборах в Учредительное собрание	74
<i>И.А. Коссов</i>	
Формирование института защиты в первых народных судах РСФСР (1917–1918 гг.)	83

<i>А.А. Турыгин</i>	
Формы легитимации королевской власти в средневековой германской истории	88

Проблемы публичного права

<i>Е.С. Ланатухина</i>	
Особенности организации законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации	97

<i>Ю.А. Куликова</i>	
Институт президентства в Российской Федерации и странах СНГ: из истории вопроса	103

<i>Н.Ф. Попова</i>	
О функциях исполнительной власти	111

<i>В.О. Бежанов</i>	
К вопросу о необходимой обороне в административно-деликтном законодательстве Российской Федерации	119

Экологическое право

<i>А.Г. Нецветов</i>	
Правовое регулирование использования природных ресурсов в Российской Федерации	125

Гражданское право и процесс

<i>В.П. Бугорский</i>	
Правовая работа в области декларирования соответствия качества товаров и услуг	132

<i>А.В. Милохова</i>	
Проблемы правового регулирования обязанности по возмещению вреда лицом, не являющимся причинителем вреда	138

<i>И.В. Воробьева</i>	
Защита средств индивидуализации в сети Интернет	147

<i>П.М. Владимирова</i>	
Правовые аспекты привлечения к ответственности за нарушение законодательства о защите конкуренции	155

<i>Ю.В. Тихомирова</i>	
Понятие и сущность особого производства в гражданском процессе	163

Финансовое право

<i>Н.В. Бандурина</i>	
Некоторые вопросы правового положения государственных корпораций в современных условиях	169

<i>С.В. Тимофеев</i>	
Применение разрешительных процедур в правовом регулировании предпринимательской деятельности банков с иностранными инвестициями в России	175

<i>Ю.С. Сидорович</i>	
Проблемы правового регулирования проведения выездной налоговой проверки: теоретический и практический аспекты	182

Семейное право

<i>Е.Ю. Князева</i>	
Институт усыновления в семейном праве России: теоретический аспект	191

Проблемы взаимодействия международного и национального права

<i>П.Е. Земскова</i>	
Понятие «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями»	200

<i>И.Н. Крапчатова</i>	
Роль европейских стандартов защиты участников уголовного судопроизводства в развитии уголовной политики	206

Трибуна молодого ученого

Н.Е. Рыжков

Две формы контроля за финансовой деятельностью кандидатов и избирательных объединений: к вопросу о возможности отмены института избирательных фондов на выборах 213

А.А. Веденин

Правовое понятие «комплекс имущества» в системе гражданского права Российской Федерации 220

М.М. Ильичева

Некоторые вопросы оспаривания сделок, в совершении которых имеется заинтересованность 229

М.С. Ноздрин

Становление и развитие института компенсации морального вреда индивидуальному предпринимателю в России 239

Е.Б. Воронцова

Правовой механизм выбора управляющей организации в жилищной сфере 244

Е.В. Матвеева

К вопросу об информационной защите несовершеннолетних 253

Персоналии

В.Н. Белоновский

Сергей Андреевич Муромцев – юрист, исследователь, государственный деятель 259

Л.П. Муромцева

Общественно-политическая деятельность С.А. Муромцева 263

Рецензии

Р.М. Валеев, Н.Е. Тюрина, Г.Р. Шайхутдинова

Рецензия на книгу О.И. Тиунова, А.А. Каширкиной и А.Н. Морозова «Международные межведомственные договоры Российской Федерации» (М.: Норма, 2008. 247 с.) 279

Научная жизнь

<i>Г.Ю. Курскова, А.А. Макеева</i> Муромцевские чтения: Эффективность законодательства в современных социально-экономических условиях. X Международная научная конференция	284
<i>В.В. Селюкова, В.О. Бежанов</i> Проблемы совершенствования народного представительства в современной России. «Круглый стол», посвященный году учителя	288
<i>Н.В. Бандурина, С.В. Тимофеев</i> Экономические и правовые проблемы банковского кризиса в России 2008–2009 гг. «Круглый стол»	290
Abstracts	292
Сведения об авторах	304

CONTENTS

Problems of state and law theory

<i>Chestnov Ilya</i> Social designing of legal identity under the globalization	15
<i>Glushkova Svetlana</i> To the matter of new approaches to human rights research	21
<i>Krupenya Elena</i> About content of conscience of the status public law subject: theoretical aspects	30
<i>Glukhareva Liudmila, Timyna Elena</i> State Participation in the Society of the Knowledge-Based Economy Development	40
<i>Kosyakova Natalia</i> The improvement of inter-branch relations of legal entities in the modern economic conditions	54

State and law history

<i>Dorskaya Alexandra</i> The contribution of Russian experts in church law to the development of judicial science	66
<i>Belonovskiy Vyacheslav</i> Legal liability for the norms of the Elective constitution to the Constituent Assembly of Russia	74
<i>Kossov Ivan</i> The formation of institution of the defense of the accused in people's courts of the RSFSR 1917–1918	83

<i>Turygin Alexander</i>	
Forms of the royal authority legitimation in the medieval German history	88

Public law problems

<i>Lapatukhina Ekaterina</i>	
Peculiarities of parliaments of the regions of the Russian Federation	97

<i>Kulikova Julia</i>	
Presidency institute in the Russian Federation and the CIS countries from the historical background	103

<i>Popova Natalia</i>	
About the functions of executive power	111

<i>Bejanov Valeriy</i>	
The problem of protection needed in administrative tort law in the Russian Federation.	119

Ecological Law

<i>Netsvetaev Alexander</i>	
Legal regulation of natural resources utilization in the Russian Federation	125

Civil Law and Process

<i>Bugorski Vladimir</i>	
Legal work in the field of declaring Conformity of quality of goods and services	132

<i>Milokhova Anna</i>	
Problems of legal regulation of damage compensation by a non-tortfeasor	138

<i>Vorobyova Irina</i>	
Internet Copyright protection	147

<i>Vladimirova Polina</i>	
Legal accountability for violations of legislation on protection of competition	155

<i>Tikhomirova Julia</i>	
The determination and essentiality of peculiar procedure in civil procedural law	163

Finance law

<i>Bandurina Natalia</i>	
Some questions of a legal status of the state corporations in modern conditions	169

<i>Timofeev Stanislav</i>	
Application of allowing procedures in legal regulation of enterprise activity of banks with foreign investments into Russia	175

<i>Sidorovich Julia</i>	
The problems of legal regulation of exit tax check carrying out: theoretical and practical aspects	182

Family law

<i>Knyazeva Elena</i>	
Institute of adoption in family law of Russia in a theoretical perspective	191

Problems with international and national law cooperation

<i>Zemskova Polina</i>	
The conception of «general principles of law recognized by civilized nations»	200

<i>Krapchatova Irina</i>	
The role of European standards in the development of criminal policy in the sphere of protection of participants of criminal proceedings	206

Young Scientists' forum

<i>Ryzhkov Nicolay</i> Two forms of the control over financial activity of candidates and electoral associations. About a possibility of cancellation of institute of electoral funds	213
<i>Vedenin Alexander</i> Legal concept «a property complex» in system of civil law of the Russian Federation	220
<i>Ilyicheva Marina</i> Some questions of contest of transactions in which fulfilment there is an interest	229
<i>Nozdrin Mikhail</i> Formation and development of the institute indemnification for moral harm to the individual entrepreneur in Russia	239
<i>Vorontsova Ekaterina</i> Legal mechanism of choice of the management company in the housing sphere	244
<i>Matveeva Elena</i> To a question about juvenile protection of information	253

Persons

<i>Belonovskiy Vyacheslav</i> Muromtsev Sergey – a lawyer, a statesman, a scientist	259
<i>Muromtseva Ludmila</i> Social and politics activities of S.A. Muromtsev.	263

Reviews

<i>Valeev Revol, Turina Nataly, Shaihutdinova Gulnara</i> Review on the book of O.I. Tiunov, A.A. Kashirkina, A.N. Morozov «International interdepartmental treaties of the Russian Federation»	279
--	-----

Science activity

<i>Kurskova Galina, Makeeva Anna</i>	
Muromtsev conference: The efficiency of law in modern social-economic situation. X th International science conference	284
<i>Selukova Valentina, Bejanov Valeriy</i>	
Improvement of nation representing problems in modern Russia. «Round table conference» dedicated to the Teacher's year	288
<i>Bandurina Natalia, Timofeev Stanislav</i>	
Economic and legal problems of banking crisis of 2008–2009 year in Russia. «Round-table conference»	290
Abstracts	292
General data about the authors	304

Проблемы теории государства и права

И.Л. Честнов

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье излагается культурологический подход к правопониманию. Основное внимание уделяется проблеме социального конструирования правовой идентичности субъекта права – основы правовой системы в условиях глобализирующегося мира.

Ключевые слова: правопонимание, субъект права, правовая идентичность, конструирование, культура, глобализация.

Право – это явление культуры, ее аспект, сторона. Изучение права, как и любого социокультурного явления, возможно только с позиций контекста, выступающего метаоснованием права. В этом смысле сущность, назначение права не могут находиться и быть обнаруженными в нем самом, как предполагают сторонники «аналитической юриспруденции»¹, а существуют в социокультурном, историческом контексте – в социуме, находящемся на определенном этапе своей эволюции.

Такой – антрополого-культурологический – подход к онтологии и гносеологии права не размывает юриспруденцию, не подрывает ее статус самостоятельной научной дисциплины, но является единственно обоснованным². Догматический позитивистский подход, продолжающий господствовать в юриспруденции, особенно в отраслевых дисциплинах, исходит из недоказуемой в ее рамках (догматической, самодостаточной, замкнутой системы права³) либо воли законодателя (элиты), либо мифической основной нормы. В первом случае все равно приходится выходить за рамки права и юриспруденции в социальный (политический, прежде всего) контекст, а во втором – доказывать априори задаваемую «основную

норму» в метасистеме. Только научная критика догмы права, которая, безусловно, должна при всех условиях соблюдаться и исполняться, дает возможность оценивать и вовремя изменять действующее законодательство. С другой стороны, что-либо новое можно открыть в любой науке только выйдя за ее рамки – с позиций опять-таки метасистемы.

Антрополого-культурологический подход к изучению права⁴ предполагает не только анализ догмы права, но и ее конкретизацию в рамках обычного права, постоянную изменчивость права, его воспроизведение ментальными образами и практическими действиями, обусловленными контекстом культуры, конкретных индивидов.

Наиболее важными проблемами, требующими своего решения в рамках антрополого-культурологического подхода к исследованию права, являются:

- социальное конструирование правовой реальности, механизм ее воспроизводства;
- правовая идентичность как содержание правовой культуры;
- влияние на процесс социокультурного конструирования правовой идентичности процесса глобализации.

Право, правовая реальность – результат деятельности человека. В социальном мире, справедливо замечает Р. Харре, ничто не возникает до тех пор, пока не будет введено в этот мир социальным конструирующим действием человека⁵. При этом конструкционистская активность человека обусловлена множеством социокультурных факторов: историческим контекстом, господствующей картиной мира, идеологемами, политико-экономическими соображениями, существующей правовой системой, особенностями культуры, здравосмысловыми стереотипами, эстетическими предпочтениями и т. д. Другими словами, правовая реальность сконструирована человеком, но отнюдь не по его произволу, не по заранее разработанному плану. В связи с этим важно не просто констатировать факт сконструированности правовой реальности, но показать механизм превращения «первичного произвола» (по терминологии Б. Паскаля и П. Бурдьё) в якобы «естественный ход вещей», но продемонстрировать, как именно это превращение (эта «социальная амнезия») происходит.

Эвристически ценной в этой связи представляется методология социальных представлений, разрабатываемая школой С. Московичи. Социальное представление – это когнитивная схема, упорядочивающая образ мира, понятия, убеждения и объяснения, выступающие способом обретения и передачи знания, благодаря чему конструируется социальная реальность и здравый смысл⁶. Основой

социального представления является ядро, связанное с коллективной памятью, репрезентирующей историю соответствующей социальной группы⁷. Конструирование коллективной памяти, осуществляемое правящей элитой и референтной группой, производится с помощью механизмов выравнивания, акцентуализации, ассимиляции и конвенционализации определенных воспоминаний для приспособления воспоминаний о травмирующих событиях прошлого к доминирующим в настоящем убеждениям и ценностям и для создания и сохранения положительного образа прошлого⁸. Другими словами (если не использовать близкую к фрейдизму терминологию), этот механизм включает селекцию – отбор социально значимой информации, ее фиксацию, хранение и воспроизводство действиями (зачастую ритуализированными) представителей данной социальной группы. Таким образом, в основе конструирования социального представления лежит соотношение реалий настоящего с историческим опытом реконструирования прошлого для формирования или упрочения социальной идентичности соответствующей группы. Более того, именно конструирование коллективной памяти лежит в основе формирования групповой идентичности и приводит к производству «воображаемых сообществ» (по терминологии Б. Андерсона⁹), в том числе, наций, этносов, классов.

Центральным элементом правовой системы является субъект права. С позиций антрополого-культурологического подхода субъектом права всегда является человек, хотя не всегда он выступает от своего имени. Более того, социальным субъектом в эмпирической реальности является именно человек, находящийся в диалогическом отношении идентификации с социальным статусом, социальной группой. Осознание себя как личности уже предполагает отождествление, т. е. идентификацию, с исторической эпохой, конкретным социумом (возможно, в эпоху глобализации – с миром в целом) и собственным представлением о своей неповторимой самости, возникающей из самооценки, определяемой во многом оценкой окружающих (прежде всего, референтной группой, социально значимым Другим).

Субъект права, как и социальный субъект, конструируется социумом. Это делает не только власть (государственная власть, правящая элита), как утверждал Л. Альтюссер¹⁰, но прежде всего референтная группа, которая, по сути, формирует юридические (социальные) статусы, внося правовые инновации в существующую структуру – правовую систему (понимаемую структуралистски). Однако формирование субъекта права осуществляет также и народ – широкие массы, которые легитимируют правовую инновацию элиты (референтной группы). Закрепление правовых статусов – важ-

И.Л. Честнов

нейшее условие категоризации существовавших, существующих и будущих людей, превращающее их в субъектов¹¹. Приходя в этот мир, мы застаем уже до нас сложившиеся правовые статусы и вынуждены своими действиями их реализовывать. В то же время существует (хотя бы гипотетическая) возможность их трансформировать в соответствии с личностными устремлениями.

Субъект права, таким образом, – это юридический статус, закрепленный в норме права (понимаемой как структура), и конкретный человек, своими практическими действиями и психическими процессами, неотделимыми от поведенческих актов, его осуществляющий. Поэтому субъект права конструируется как теми, кто формирует правовые статусы, так и людьми, вынужденными «играть» по правилам этих статусов.

В условиях глобализации происходит интенсификация информационных процессов, которые приводят к кризису идентичности. Действительно, по мнению многих философов и социологов социальные идентичности размываются, а личность становится носителем множественности идентичностей. Особо актуальной в связи с этим становится проблема национальной идентичности¹², если тезис о «закате» национального государства верен. Так, С. Хантингтон отмечает наметившуюся тенденцию к «денационализации элит», «космополитической их идентичности»¹³. Очевидно, что противостоять этим процессам невозможно. В связи с этим достаточно плодотворной представляется программа мультикультурализма, предполагающая признание и невмешательство во внутренние дела компактно проживающих субкультур при их признании единой политической культуры в рамках национального государства¹⁴.

Примечания

- ¹ В таком случае необходимо опровергнуть ограничительные теоремы К. Геделя и А. Тарского.
- ² Если сегодня вообще можно обосновать какую-либо научную дисциплину в ситуации «разрушения больших нарративов» и постклассических критериев рациональности – научности. О проблематичности обоснования классических критериев научности в связи с их исторической изменчивостью см.: *Putnam H. Realism with a Human Face. Cambridge, Mass., 1990. P. 21*; применительно к юридической науке см.: *Честнов И.Л. Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права: Учеб. пособие. СПб., 2004*; *Поляков А.В. Теория права в глобализирующемся обществе: постмодернистская интерпретация // Правоведение. 2007. № 4.*

- ³ Тем более что, как утверждает второй закон термодинамики, замкнутых систем в природе не существует, любая жизнеспособная система неизбежно обменивается веществом и энергией со средой.
- ⁴ Авторскую позицию см. подробнее: Социальная антропология права современного общества: Монография / Под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2006. См. также: *Gephart W. Rechts als Kultur: Zur kultursoziologischen Analyse des Rechts.* Frankfurt a/M, 2006.
- ⁵ *Harre R. Material Object in Social Worlds // Theory, Culture and Society.* 2002. № 5/6.
- ⁶ *Social representations.* Cambridge, 1984. P. 345. При этом социальная реальность – это мир значений, складывающихся по поводу происходящих событий и объектов внешнего мира.
- ⁷ *Abric J.-Cl. Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representations // Papers on social representations.* 1993. Vol. 2. № 2. P. 75–78.
- ⁸ См.: *Barlett F. Remembering: A study in experimental and social psychology.* Cambridge, 1950; *Collective memory of political events: Social psychological perspectives / Ed. by J. Pennebaker, D. Paez, B. Rime.* Mahaw, New Jersey, 1997.
- ⁹ *Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма.* М., 2001.
- ¹⁰ Идеология, отмечал Л. Альтюссер, осуществляет узнавание и интерпелляцию (запрос, призыв) субъекта, а тем самым его рекрутирование. «Идеология “действует” или “функционирует” так, что среди индивидов она “рекрутирует” субъектов (она рекрутирует их всех); или “трансформирует” индивидов в субъектов (она трансформирует их всех). Происходит это в той самой операции, которую я называю *интерпелляцией*, или окликанием. Эта операция стоит за самыми обычными действиями, например, когда полицейский (или кто-нибудь другой) окликает тебя: “Эй, ты!”... Индивид, которого только что окликнули на улице, обернулся. В результате этого “психологического поворота на сто восемьдесят градусов” он превратился в *субъекта*. Почему? Потому что он распознал, что оклик был “действительно” адресован ему и что “окликнули *действительно его*” (а не кого-то другого)... И вы, и я всегда уже субъекты и как таковые постоянно исполняем ритуалы идеологического узнавания, гарантирующего, что мы действительно есть конкретные, индивидуализированные, различные и (естественно) незаменимые субъекты» (*Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses (Notes towards an investigation) // Mapping Ideology.* L., 1994. P. 130–131). Приблизительно так же рассуждает П. Бурдьё, ставя на место идеологии символическую власть номинации, действующей через габитус: «...слова, названия конструируют социальную реальность в той же степени, в какой они ее выражают, и являются исключительными ставками в политической борьбе за навязывание легитимного принципа видения и делания...»; «чтобы изменить мир, нужно изменить способы, по которым он формируется, т. е. видение мира и практические операции, посредством которых конструируются и

И.Л. Честнов

воспроизводятся группы» (*Бурдье П.* Социальное пространство и символическая власть // Социология социального пространства. М.; СПб., 2005. С. 79, 84). «Право, безусловно, является наивысшей формой символической власти номинации, создающей именованные вещи и, в частности, группы» (*Бурдье П.* Власть права: основы социологии юридического поля // Социальное пространство: поля и практики. М.; СПб., 2005. С. 104).

- 11 Субъект суть позиция в дискурсивной структуре, т. е. люди занимают определенную позицию в зависимости от того, как к ним обращается дискурс, т. е. социально значимый Другой в терминологии символического интеракционизма (*Laclau E, Mouffe C.* Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. L., 1985. P. 115).
- 12 По данным на середину 90-х гг. XX в. 11% жителей государств Европы и Северной Америки отождествляли себя с миром или континентом, 29% со страной и 57% с городом или провинцией (*Global Civil Society 2001.* Oxford, 2001).
- 13 *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 39.
- 14 О политике мультикультурализма см.: *Taylor Ch.* Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition. Princeton (N.J.), 1994; *Etzioni A.* Next. The Road to the Good Society. N.Y., 2001.

С.И. Глушкова

К ВОПРОСУ О НОВЫХ ПОДХОДАХ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена новым подходам в исследовании прав человека. Автор раскрывает их содержание, анализирует новые типологии прав человека, акцентирует внимание на интегральном (междисциплинарном) характере науки прав человека, формирующейся в современный период. В статье представлены новые поколения прав человека, природа которых и само право на существование этих прав остается дискуссионной. Автор рассматривает проблему роли и степени влияния международных стандартов на отношение к правам человека, а также новые измерения прав человека в условиях глобализации. Автор утверждает необходимость расширения каталога универсальных прав человека, формирование наряду с юридической интерпретацией также общегуманитарной трактовки прав человека в энциклопедичной по сути науке прав человека.

Ключевые слова: права человека, поколения прав человека, личные права, язык прав человека, философия прав человека, каталог прав человека, международные стандарты, национально-культурная специфика, личные права, концепции прав человека, универсальные права человека.

Юридический и политический язык прав человека как главный инструмент формирования науки прав человека переживает в начале XXI в. очередной ренессанс (как ранее, в период после Второй мировой войны, когда впервые права человека получили всеобщее признание и началось формирование международного права прав человека), что способствует появлению новых теорий, парадигм и концепций прав человека. Наряду с этим многообразием жанров и стилей идет постепенное, но закономерное становление междисциплинарной науки прав человека, имеющей интегральный характер.

За два последних десятилетия (рубеж XX–XXI вв.) язык прав человека значительно обогатился новыми категориями и стал отчасти сочетанием двух языков (теории естественного права и позитивистской теории, с одной стороны, теории универсальных прав человека и теории мультикультурализма в сфере прав человека, с другой стороны).

Среди новых понятий и концепций необходимо отметить те, что знаменуют собой новые категории и научные направления, феномены в науке прав человека: философия прав человека, логика прав человека, политология прав человека, международное право прав человека, право прав человека, культура прав человека, культурологический дискурс прав человека, новые типологии прав человека, новые поколения прав человека, имитация прав человека и многое другое.

Концепции прав человека в интегральном контексте. Современная правовая и политическая теории характеризуются многообразием идей, доктрин, концепций прав человека. Так, можно выделить, по нашему мнению, наряду с традиционными следующие концепции прав человека:

1) с точки зрения национально-культурной специфики прав человека: российская, классическая (западная), исламская, японская, британская, американская, другие;

2) с точки зрения исторических и / или цивилизационных изменений: концепция прав человека определенной эпохи, исторического периода (например, эпохи Просвещения либо новейшего времени) либо концепция прав человека в условиях глобализации;

3) с точки зрения приращения, дополнения, развития прав человека: хрестоматийная концепция К. Васака о трех поколениях прав человека, формирование новых поколений прав человека (природа и сущность которых остается дискуссионной);

4) с идеологической точки зрения: либеральная, консервативная, радикальная и другие;

5) с точки зрения происхождения прав человека: естественно-правовая, позитивистская, другие;

6) с точки зрения содержания прав человека: политология прав человека, экономическая концепция прав человека, теократическая концепция прав человека, другие;

7) с персонологической точки зрения: концепции прав человека определенных мыслителей, юристов, философов или историков права;

8) с точки зрения приоритета общемировых или национально-культурных ценностей: концепция универсальных прав человека, концепция мультикультурализма в сфере прав человека.

При всем многообразии концепций прав человека теоретическим основанием, которому сторонники той или иной концепции следуют или оппонировать, для большинства из них является классическая (либеральная) концепция прав человека как естественных и неотъемлемых, неотчуждаемых прав, фундаментом которой изначально были личные (индивидуальные) права человека.

Можно согласиться с Д.И. Луковской, которая отмечает: «Теория прав человека находится еще в стадии становления, особенно с точки зрения ее практической эффективности. Права человека, вопреки Конституции, нередко вновь трактуются как отраженные обязанности, либо, наоборот, совершенно заслоняют собой обязанности человека и гражданина перед обществом и государством. Не разработана развернутая и внутренне непротиворечивая концепция основных прав. Запаздывание доктринального самоопределения юристов в дискуссиях о “новых поколениях” прав препятствует их адекватному восприятию общественным правосознанием»¹.

Поколения прав человека: утвердятся ли в теории прав человека новые волны и поколения? Исторический дискурс прав человека нашел свое отражение в теории трех поколений прав человека французского правоведа К. Васака (70-е годы XX в.).

Изучая историческую последовательность и закономерность возникновения и формирования прав человека, К. Васак разработал следующую теорию поколений прав человека: первое поколение – личные и политические права и свободы (XVIII–XIX в.), второе поколение прав человека – экономические, социальные и культурные права и свободы (первая половина XX в.), третье поколение прав человека – коллективные права человека (50–70-е годы XX в.). Хотя, как отмечают Е.А. Лукашева и ряд других специалистов по правам человека, природа прав третьего поколения прав человека остается дискуссионной – либо индивидуальные, либо коллективные права.

Данная, уже хрестоматийная, теория требует своего продолжения в новых реалиях меняющегося мира XXI в. Тем более что, как отмечал сам К. Васак, концепция прав человека развивается волнообразно, а не комплексно. Так, по нашему мнению, можно говорить о следующих новых поколениях прав человека: экологические, информационные, личностные, соматические, гендерные, биотехнологические.

Биэтические дискуссии о правах человека в настоящее время способствуют постановке проблемы личностных прав (А.И. Ковлер, В.И. Крусс). Их основанием, например, для В.И. Крусса является фундаментальная уверенность в праве человека самостоятельно распоряжаться своим телом: осуществлять его «модернизацию»,

С.И. Глушкова

«реставрацию», даже «фундаментальную реконструкцию»². К личностным правам В.И. Крусс относит «право на смерть, изменение пола, гомосексуальные контакты, трансплантацию органов, употребление наркотиков или психотропных средств, право на искусственное репродуцирование, стерилизацию, аборт, клонирование, виртуальное моделирование...»³.

А.И. Ковлер считает личные права особой разновидностью личных прав. К личностным правам он относит такие базовые личные права, как «право на жизнь и достоинство личности, право на свободу и личную неприкосновенность, свобода совести»⁴. На наш взгляд, именно личностные права (с акцентом на личность, индивидуальность, уникальность человека) являются сутью одного из новых поколений прав человека.

Актуальной проблемой в связи с этим является природа прав человека, связанных с применением новейших биотехнологий, – можно условно, по нашему мнению, назвать их биотехнологическими правами человека (в целом, считаем целесообразным ввести в научный оборот такое новое понятие). Это права человека, связанные с такими биотехнологиями, как клонирование, использование в питании гомогенных продуктов (и их влияние на жизнь, здоровье и продолжение рода человека), выращивание в стационарных условиях донорских органов для восстановления онкологических больных, нанотехнологии и др. В этом отношении формирование международных и национальных стандартов и механизмов по защите прав человека (в частности, новых поколений прав человека) должно опережать (к сожалению, в реальной жизни мы часто встречаемся с обратными явлениями и процессами) практику нарушения личных и социальных прав человека (прежде всего таких, как право на жизнь, право на охрану здоровья и медицинскую помощь) как во время новых медицинских экспериментов, так и в период текущей медицинской практики оказания услуг пациентам.

Актуальным является признание личностных прав как четвертого поколения прав человека, которое могло мы объединить новые предлагаемые учеными личностные, соматические, репродуктивные, биотехнологические права, которые касаются не только охраны, но и сохранения здоровья граждан (в том числе постановки перед государствами задачи всемерного устранения и предупреждения причин нездоровья каждого человека, независимо от его правового статуса), защиты здоровья человека от незаконного и непрофессионального медицинского вмешательства и медицинских экспериментов. В особой защите нуждаются в этом отношении лица, находящиеся в психиатрических клиниках, дети-сироты, проживающие в специализированных интернатах, а также все лица, не име-

ющие физической и умственной возможности дать или не дать согласие на проведение медицинского вмешательства. Важное значение имеет защита психической неприкосновенности человека, что предполагает: защиту лиц от применения детекторов лжи, наркотических средств и прочих методов установления доказательств, защиту лиц, находящихся в особой зависимости от государства (в местах лишения свободы, государственной и / или частной больнице, в вооруженных силах, учебных заведениях, др.)⁵. Наряду с этим для обеспечения личностных прав фундаментальными в современный период стали вопросы защиты индивидуального самоопределения. Дискуссионными в этой сфере в юридической науке являются следующие аспекты: информационное самоопределение (защита личной информации и личной тайны, доброго имени), сексуальное развитие, вопросы продолжения рода, распоряжение собственным телом после смерти, эвтаназия⁶.

Традиции прав человека под вопросом, или Есть ли перспективы развития у прав человека? 60-летний юбилей Всеобщей декларации прав человека, отмеченный многими странами и международными организациями (прежде всего ООН) 10 декабря 2008 г., возобновил с новой силой ведущиеся уже давно дискуссии о роли и степени влияния международных стандартов по правам человека, международных организаций по правам человека на отношение к этим правам, а также о взаимодействии философии и теории прав человека (закрепленной во многом в декларациях и конвенциях ООН и Совета Европы) и реальной практики, о перспективах развития прав человека.

Ряд исследователей считают, что международные стандарты укрепляют уважение к правам человека (особенно в демократических странах), другие утверждают, что в авторитарных государствах ратификация международных соглашений не эффективна, так как является прикрытием истинного положения дел в сфере прав человека⁷.

При этом Э. Немаер, например, представляет позиции теоретиков прав человека шести ведущих научных школ: неореалистическая школа, институционалисты, представители правовой школы, школа транснационального правового прогресса, либеральная школа, сторонники теории транснациональной системы защиты прав человека. Три первых школы делают ставку на государство, на влиятельные страны и мощные государства (такие, как США), которые определяют состояние с правами человека в своих странах и мире в целом. В то же время три последние школы ориентированы на взаимодействие между государствами и национальными правозащитными группами, неправительственными организациями⁸.

Как отмечала Верховный комиссар ООН по правам человека Луиза Арбур в связи с началом кампании к 60-летию Всеобщей декларации прав человека, «несмотря на признание прав человека в законах и в обязательствах государства, в любой стране мира и в XXI веке можно обнаружить вопиющие пробелы в практической реализации стандартов в области прав человека», «права человека в том виде, как они изложены во Всеобщей декларации, подвергаются интеллектуальной и политической атаке с разных сторон»⁹.

Анализируя выводы Л. Арбур, которые высказывают и многие другие специалисты по теории и практике прав человека, В.Д. Зорькин справедливо уточняет, что предметом критики должна быть не философия Декларации, а «приверженность государств осуществлению ее норм, а также работа государств по урегулированию противоречивых интересов и чаяний людей и использование для этого доступных государствам ресурсов»¹⁰. Можно в связи с этим согласиться с В.Д. Зорькиным, утверждающим необходимость расширения списка прав, закрепленных в Декларации¹¹.

Есть ли пределы прав человека? Ряд исследователей ставят вопрос о неких пределах прав человека в условиях, с одной стороны, растущего межкультурного многообразия и, с другой стороны, учитывая необходимость соблюдения региональных (европейских) и международных стандартов по правам человека, которые должны соблюдаться. Так, Дж. Льюис в статье «Европейский предел прав человека», рассматривая влияние Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (далее – Конвенция) на законодательство и судебную практику Соединенного королевства отмечает, что государства – члены Европейского союза могут предоставлять своим гражданам и «более щедрые права», нежели гарантированные Конвенцией, но «они не должны быть продуктом интерпретации Конвенции национальными судами, поскольку значение Конвенции одинаково для всех стран, ее признавших. Долг национальных судов состоит в том, чтобы идти в ногу с юриспруденцией Страсбурга по мере того, как она развивается во времени, но не больше и не меньше»¹².

Измерение прав человека в условиях глобализации. Среди многообразия предлагаемых измерений прав человека в новых условиях правоведы выделяют следующие: человеческое измерение, культурно-историческое измерение, системное и парадигмальное измерения. Так, Е.А. Лукашева справедливо считает наиболее гуманным и применимым к правам человека в условиях глобализации человеческое измерение, инструментом которого являются права человека и права народов¹³. Г.И. Муромцев оптимальным при исследовании проблем влияния глобализации на права человека считает

широкий культурно-исторический подход, особенно в условиях стремления к унификации права в рамках Европейского союза¹⁴. По мнению А.Н. Цуканова, глобализация в сфере прав человека развивается в трех направлениях: универсализации, регионализации, концептуализации с элементами парадигмализации, что предполагает объединение различных идей, концепций, доктрин, научных теорий прав человека в фундаментальную концепцию прав человека, «выработанную стратегию глобализации в сфере прав человека»¹⁵.

Все представленные измерения и подходы к изучению прав человека в условиях глобализации нуждаются в осмыслении и развитии с целью формирования современной – адекватной и соответствующей запросам меняющегося мира – философии и теории прав человека (в том числе философии международных и региональных стандартов по правам человека), фундаментальной и интегральной (в том числе междисциплинарной) науки прав человека.

Права человека как предмет юридической и / или общегуманитарной интерпретации. Права человека являются не только приоритетной ценностью юридической науки, но и постепенно все больше утверждаются как ценность социальных и гуманитарных наук. Как справедливо отмечает Л.И. Глухарева, права человека – это комплексная задача современной общественной практики, и решить эту задачу можно, только присоединив к традиционным (политико-правовым) дискурсам еще и такие, как антропологический, социокультурный, духовно-нравственный, этико-гуманистический, философско-исторический¹⁶.

В то же время Н.В. Варламова отстаивает в теории прав человека исключительно юридическую интерпретацию прав человека, которая должна развиваться в двух направлениях: теоретическое раскрытие их юридического содержания и его юридико-догматическая конкретизация, с одной стороны, а с другой стороны – теоретическое обобщение современной практики правового регулирования (позитивации и защиты прав человека)¹⁷. При изучении концепций сторонников либо общегуманитарного, либо исключительно юридического подходов к изучению прав человека можно, по нашему мнению, принять обе точки зрения, но при условии, что сама наука прав человека понимается либо в общегуманитарном (междисциплинарном, интегральном) смысле, либо как часть юридической науки. Смыслы и ценности науки прав человека в зависимости от содержания прав человека могут иметь, по нашему убеждению, наряду с юридическим также и социальное, экономическое, духовное, религиозное, идеологическое, культурологическое, философско-правовое, культурно-историческое измерение. Поэтому в этом

С.И. Глушкова

смысле, исходя из энциклопедического характера науки прав человека, не должно устанавливаться предметных ограничений, отраслевых пределов прав человека. Вопрос о границах, пределах, интерпретациях прав человека должен решаться путем расширения идей, теорий, типологий (в том числе поколений) прав человека, формирования новых научных (в том числе междисциплинарных) направлений изучения прав человека, а также расширения универсального каталога прав человека, утвержденного в международных и региональных стандартах.

Универсальные и мультикультурные, юридические и общегуманитарные теории, концепции прав человека продолжают развиваться в современном мире, переживая периоды свертывания, запрета, формирования, расцвета, вновь свертывания либо трансформации в другие доктрины и так далее (подобно теории круговорота форм правления, теории волнообразного развития поколений прав человека и др.). Как демократия, так и права человека в истории человечества подтвердили свои потенциальные возможности развития в разных качествах и проявлениях, в частности искусственного или естественного (живого) организма или института, желанного или навязанного варианта развития, управляемого или свободного инструмента развития, критерия прогрессивного или регрессивного развития общества и государства. Какими быть правам человека в меняющихся реалиях XXI в., зависит от многих факторов (национально-культурной специфики, политики государства и международных организаций, экономических кризисов мировых и национальных масштабов, и др.). Однако при учете многих из этих обстоятельств можно утверждать, что будущее прав человека в XXI в. будет связано с расширением пределов и границ прав человека за сферы исключительно юридического профиля, с появлением новых типологий, теорий, идей и поколений прав человека, утверждением интегрального характера формирующейся науки прав человека.

Примечания

¹ *Луковская Д.И.* Конституция Российской Федерации и современные концепции прав человека // Правоведение. 2009. № 1. С. 100.

² *Крусс В.И.* Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43.

³ Там же.

⁴ *Ковлер А.И.* Антропология права. М., 2002. С. 427.

Проблема теории государства и права

- 5 *Экштайн К.* Основные права и свободы по российской Конституции и Европейской конвенции: Учеб. пособие. М., 2004. С. 84–85.
- 6 Там же. С. 90.
- 7 *Клинова Е.В., Немаер Э.* Влияют ли международные договоры о правах человека на укрепление уважения к правам человека? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право. 2006. № 4. С. 194.
- 8 Там же. С. 195–196.
- 9 *Зорькин В.Д.* Современный мир и права человека // Журнал российского права. 2008. № 11. С. 4, 7.
- 10 Там же. С. 7.
- 11 Там же. С. 10.
- 12 *Клинова Е.В., Льюис Дж.* Европейский предел прав человека // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право: РЖ/РАН. ИНИОН. 2008. № 4. С. 173.
- 13 Право и права человека в условиях глобализации (научная конференция) // Государство и право. 2006. № 2. С. 106.
- 14 Там же. С. 109.
- 15 Там же. С. 112.
- 16 *Глухарева Л.И.* Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование). М., 2003. С. 7.
- 17 *Варламова Н.В.* Права человека как предмет юридической интерпретации // Государство и право. 2009. № 3. С. 29.

Е.М. Крупеня

ПРАВОСОЗНАНИЕ СУБЪЕКТА СТАТУСНОГО
ПУБЛИЧНОГО ПРАВА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье раскрыты теоретические аспекты правосознания субъекта статусного публичного права, которое выступает базовым психологическим фактором, а также предпосылкой для активного правового поведения гражданина.

Ключевые слова: статусное публичное право, субъект права, публично-правовая активность гражданина, правосознание, правовая идеология, правовая психология.

Статусное публичное право обособляется в национальной правовой системе благодаря органическому синтезу публичных правовых статусов индивидуальных субъектов. Как институциональное образование оно выступает в качестве формализованного сегмента публичной жизни общества, основой тех разнообразных социальных ролей, которые выражают субстанциональную сущность личности, своеобразный «зафиксированный» в правовых нормах момент публично-правового бытия гражданина. Вполне обоснованно отмечает акад. Г.В. Мальцев: «Широк и разнообразен набор правовых статусов субъекта, который, в сущности, аналогичен сети или набору социальных ролей, но, скорее всего, дело обстоит так, что значительная часть социальных позиций или ролей личности включает в себя некую критическую массу юридически институционализированных элементов – прав, обязанностей, средств правовой защиты, гарантий и др.»¹.

Статусное право как органичная часть и сегмент национального публичного права (аспект и сторона правовой действительности в обществе), разумеется, не ограничивается статичным состоянием

© Крупеня Е.М., 2010

субъектов. Как и право в целом, статусное публичное право телеологически ориентировано на упорядочивание и гармонизацию общественных отношений, на то, чтобы вводить их в известные рамки, минимизировать при этом социальную конфликтность и напряженность и тем самым поддерживать свою функциональную достаточность как ценностно-нормативного комплекса общества в системе национального права. Законодатель, конструируя публичные статусы, «ожидает» и от рядовых граждан, и от обладателей компетенционной правосубъектности «самодеятельности в сфере политической жизни»², необходимой общественно-политической активности субъектов при реализации своих юридических статусов.

Проф. Л.С. Мамут справедливо утверждает, что «установленные институты, издаваемые законы – лишь средства, с помощью которых руководство осуществляют люди (группы, общности людей). И никто кроме них. Институты, законы функционируют исключительно в той степени и в той форме, в какой они на деле используются людьми: от главы государства до рядового гражданина (подданного)... По-другому не бывает и просто быть не может»³. Следовательно, от того, насколько конкретно (и сколь массовидно) отношение индивидов к государству, к проблемам гражданского общества, общего блага и т. п., «непосредственно зависит реальное состояние государства, положение дел в нем»⁴. Следует согласиться с таким мнением. Действительно, «переход» статусного публичного права из сферы должного в область сущего, его действенность и эффективность в социальном пространстве зависят от реализации, использования прав и исполнения обязанностей индивидуальными субъектами предписаний, образующих в своем органичном единстве публичные юридические статусы. Иными словами, статусное публичное право существует в национальной правовой системе для того, чтобы «работать» и тем самым оформлять публичные социальные связи и отношения, придавая им новое качество правоты, формировать реальный публичный правопорядок вопреки естественным и / или) искусственным препятствиям, трудностям и сопротивлению тех, кто должен неукоснительно следовать требованиям правовых норм. А рассуждать о функциональной достаточности, действенности статусного публичного права в национальном правопорядке возможно лишь при условии публично-правовой активности гражданина – субъекта статусного публичного права.

Публично-правовая активность гражданина отличается непосредственной связанностью с правовыми комплексами – общим и различными индивидуальными статусами в структуре публичного

Е.М. Крупеня

права, установленными субъектом правотворчества при помощи средств и процедур юридической техники. Как обобщенное научное понятие публично-правовая активность используется для обозначения многовариантных, коррелирующих с ценностями права и прав человека актов реализации (использование прав, исполнение обязанностей) публичного статусного права. Данный теоретико-правовой конструкт в максимально концентрированном, сжатом виде «вбирает», сохраняет и транслирует в культурном пространстве информацию о мобильности гражданина в сфере политической реальности, благодаря которой функционируют публично-правовые институты общества, осуществляет менеджмент государство.

Свойства права, его генетические связи с государством и нацеленность на сохранение коллективного целого, поддержание гармонии, согласованности и бесконфликтности в общественных отношениях придают публично-правовой активности гражданина позитивную направленность, связанную с утверждением правовой законности и прав человека, с установлением в обществе должного правопорядка.

Сущностным признаком публично-правовой активности гражданина, наряду с вышеназванными свойствами, является ее правомерность, которая имеет не только внешнее, формальное, но и, что особенно важно, внутреннее качественное измерение благодаря *мотивам* поведения индивидуального субъекта в публичной сфере.

Поскольку в процессе действия статусного публичного права определяющее значение обретает мотив направленного на реализацию публичного статуса действия (в данном случае мотив – это *осознаваемая* субъектом статусного публичного права потребность действовать в публичной сфере общества, солидаризируясь с базовыми правовыми ценностями), то на первый план выдвигается исследование правосознания гражданина, точнее его содержание. Думается, что именно содержание правосознания субъекта статусного публичного права становится ключевым в анализе факторов неюридической, прежде всего духовной, реальности гражданина.

Структура политико-правового сознания личности психологической наукой⁵ и общей теорией государства и права⁶ традиционно трактуется как органическое единство идеологического и психологического компонентов⁷. Постижимая исключительно аналитически конструкция сознания человека обуславливает и его содержательный аспект.

Благодаря активизации идеологического компонента происходит обогащение правосознания путем его наполнения разнообразными идеями, суждениями, знаниями о правовых нормах, формализующих различные аспекты государственного и политического

бытия гражданина, в частности о принципах взаимоотношений индивидуальных и коллективных субъектов власти; месте, которое человек занимает в государственно-организованном обществе; формах правовой активности в сфере публичной политики; значении политико-правовой социализации гражданина для функционирования правового демократического государства и гражданского общества и т. д.

В этом сложном идеологическом (научно-информационном) конгломерате особое место занимают права человека. Думается, что такое положение прав человека определяется их нравственным содержанием. Известно, что права человека постулируют такие апрорные ценности, как достоинство личности, свобода ее самоопределения, взаимное уважение, неотчуждаемость прав от их носителя, гарантированность, солидарность, взаимная ответственность, сотрудничество, взаимовыгода, демократичность и др. Значимость этических императивов, составляющих нравственный фундамент прав человека, подтверждается их юридическим закреплением сначала в качестве важнейшего института национального, а позднее и международного права.

Представляется, что для прояснения вопроса о правовом и правочеловеческом содержании идеологического компонента следует уточнить ряд моментов, сохраняющих свою дискуссионность в науке и демонстрирующих, что решение этих вопросов научным сообществом еще далеко от завершения.

Аспекты проблемы, о которой идет речь, разумеется, не новы для теоретико-правового дискурса. На них, в частности, обращал внимание еще Н.М. Коркунов в известной работе «Лекции по общей теории права». В ней автор отмечал, что по вопросу о соотношении индивидуального и общественного психология знала два направления – интуитивизм и сенсуализм. «Одни признавали существование в нашей душе врожденных идей, так что каждый отдельный индивид мыслился наделенным независимо от опыта уже определенным духовным складом, повторяющимся неизменным в каждом представителе человеческого рода. Сенсуалисты, напротив, полагали человека являющегося в мир с душою, лишенною всякого определенного содержания, которую опыт жизни уже наполняет тем или иным содержанием», – писал Н.М. Коркунов⁸.

Отголосок научной полемики, развернувшейся во второй половине – конце XIX в., поддерживает до сих пор устойчивый научный интерес к вопросу о природе знания о правах человека и тех ценностях, которые они в себе содержат, исторических, онтологических, сущностных, содержательных и других связей их с правом.

Е.М. Крупеня

Заметим, что до сих пор ожидает своего разрешения вопрос о том, являются ли эти знания приобретенными или они передаются индивидуальному субъекту публично-правовых отношений иным путем. Думается, что эта дискуссия, начатая еще во времена Платона, не утратила своей актуальности сегодня и имеет прямое отношение к природе знаний о праве и правах человека.

Позитивизм, сохраняющий и сегодня свои прочные позиции, в эпоху активного конструирования новой научной картины мира, адекватной современному состоянию человечества, его жизненно важным потребностям, провозгласил знания продуктом исключительно человеческого разума. Адепты этого направления в науке – Локк, Беркли, Юм – полагали, что разум способен преобразовать чувственный опыт человека в логически обоснованную картину мира, т. е. в знания. Это положение усилилось утверждением, что другого источника знания, кроме разума, в природе не существует. В соответствии с позитивистскими тезисами политико-правовая идеология субъекта статусного публичного права формируется в результате постижения закономерностей возникновения, развития и функционирования публично-правовой сферы общества и прав человека, т. е. политико-правовых феноменов, выраженных в научных концепциях, категориях, теориях. Обладание индивидуальным субъектом статусного публичного права научно обоснованной информацией о закономерностях развития публично-правовой сферы общественного организма расценивается как необходимая и достаточная субъективная предпосылка, важный фактор субъективной внутренней реальности человека для его приобщения в качестве субъекта к решению общесоциальных задач, реализации коллективного интереса посредством использования прав и исполнения обязанностей.

Формирование политико-правовой идеологии осуществляется как процесс теоретического осознания личностью интересов, целей и задач общества, государства и самого гражданина. Очевидно, что на этот процесс налагают свой отпечаток конкретная политическая обстановка, реальная ситуация в сфере реализации разноплановых прав человека, а также субъекты политического процесса – различные институты (среди них и государство), ведущие борьбу за обладание сознанием граждан.

Однако маловероятно, что основополагающие идеи прав человека, отраженные в правовых нормах и провозглашенные на уровне государственных основных законов, могут «перекочевать» в сознание гражданина автоматически и стать той доминантой, которой придается личное значение индивидуальными субъектами публично-правовых отношений. Ни для кого не секрет, что между

правовыми нормами и реальной жизнью существует зазор довольно внушительных размеров. Своеобразный люфт порожден именно проблемами практической реализации предписаний законов и иных нормативных правовых актов гражданами и специальными субъектами публично-правовых отношений – обладателями различных публичных статусов. Воплощение предписаний правовых норм в реальные социальные связи и отношения предполагает в качестве основного средства правомерное поведение. Индивид в рамках правовой свободы самоопределяется и добровольно реализует правовые нормы⁹. Именно с этой стороной его сознания связаны факты, демонстрирующие, что зафиксированные юридическими нормами ценности прав человека нейтрализуются, а подчас и дискредитируются сложившейся в Российской Федерации социально-правовой практикой¹⁰.

Возвращаясь к вопросу о природе знаний о правах человека, уместно вспомнить и о другой их трактовке. Сторонники доктрины врожденных идей (Декарт, Спиноза, Лейбниц, Кант), развивая высказанные Платоном тезисы, полагали, что знания о мире изначально присущи человеческому разуму. Следуя этой логике, можно предположить, что чувственный индивидуальный опыт личности в политико-правовой сфере только «провоцирует» проявление или развертывание знаний о правах человека, которые пребывали в нем до этого в некоем сжатом состоянии, внутри разума индивида. Последователи интуитивизма также утверждают, что получить знание посредством логически последовательных шагов невозможно. Новое знание всегда прозревается, угадывается, «выдумывается» и только после этого логически обосновывается. Это утверждение тем более верно, если учесть, что набор получаемых исходных эмпирических данных в публично-правовой жизни общества, на основе которых конструируется новое знание, изначально его не содержит.

Вероятно, следует допустить, что интеллект человека черпает новые для себя знания о статусном публичном праве, его фундаментальных ценностях, правах человека и т. д. внутри себя, из персонифицированной кладовой генетической памяти человечества, носителем которой является каждая личность. Факты о политико-правовой реальности, о правах человека, «поглощаемые» интеллектом в процессе такой творческой работы, скорее помогают возникновению знания. Интеллект, анализируя факты политико-правовой среды, свидетельствующие о месте и значении прав гражданина в политико-правовой сфере общества, сравнивая и сопоставляя их с собственными представлениями о праве и правах человека, конструирует индивидуально-значимую информацию.

Е.М. Крупеня

Полученный таким методом результат является определяющим для субъекта образом акта-поступка.

Политико-правовая идеология гражданина – это тот внутренний фактор, расположенный (и это главное) в области субъективной реальности носителя статусного публичного права, который имеет важное прикладное значение и выполняет необходимую функциональную нагрузку в процессе правового регулирования. Идеология ориентирует личность на определенные акты поведения, помогая раскрыть практическую значимость во многом абстрактных правовых идей и принципов прав человека, функционирования демократического правового социального государства, других институтов гражданского общества. Значение идеологического компонента сознания для публично-правовой практики проявляет себя ступенчато. Оно состоит в том, что полученная идейно-организованная, научно-обоснованная информация о праве (статусном публичном праве), правах, обязанностях, гарантиях и т. д. способствует проникновению абстрактных идей в область обыденного сознания. Таким образом обеспечивается тесное соприкосновение разных сфер сознания гражданина, граница между которыми устанавливается лишь аналитически (ведь в реальной жизни никакой демаркационной линии в духовной организации личности, в функционировании ее сознания не существует). И только вслед за этим осуществляется перевод содержания идеологии в область реальной публично-правовой жизни общества, а ее информационная «начинка» внешне формализуется в актах поведения.

Получение знаний о праве и правах человека есть лишь момент в сложном процессе функционирования политико-правового сознания индивидуального субъекта. Для того чтобы это знание нашло отражение в поведенческом акте субъекта статусного публичного права, необходима его трансформация в направлении правового идеала. А это, в свою очередь, возможно лишь при прохождении правовой научно-теоретической информации через структуры сознания практического, основанного на чувствах и переживаниях, связанных с элементарным знанием фактов социальной среды.

Здесь уместно вспомнить представителей психологической школы права, утверждавших, что само право и его ядро – права человека – коренятся в характере человека, его переживаниях. Примечательно, что Л.И. Петражицкий¹¹ и его последователи уделяли большое внимание анализу переживаний нравственно-правового типа. В их интерпретации различия между правом и правосознанием практически исчезают, а основу правовых переживаний составляют эмоции человека.

Переоценить психологический компонент во внутренней организации сознания субъекта публично-правовых отношений, его композиционных связях трудно, практически невозможно. В связи с этим представляется, что в более пристальном внимании и тщательном рассмотрении нуждается вопрос о значении эмоций – своеобразного продукта функционирования правовой психологии гражданина.

Все существующие теории эмоций условно можно разделить на две группы. Первая включает те из них, что оценивают эмоции как нечто вторичное, как ощущения, возникающие вследствие внешних событий, обстоятельств или состояний. Последователи альтернативного направления утверждают, что эмоции первичны и вовсе не являются реакцией на какое-то событие. Они рождаются внутри личности. Появившись однажды, они стремятся себя продемонстрировать, быть выраженными, окрашивают мысли человека, влияют на характер его поведения. «Действуя» таким образом, эмоции приводят в рабочее состояние сознание, вынуждают человека совершать поступки. Эмоции – результат работы глубинного разума человека, его подсознания, более древнего человеческого рассудка, реагирующего, как известно, на те факты внешнего мира, которые создают угрозы для человека и актуализируют его выживание, безопасность и другие доминанты человеческого бытия. Очевидно, что все это имеет непосредственное отношение к фундаментальным, базовым правам человека.

Эмоциональная сфера индивида в механизме политико-правовой активности складывается из следующих элементов: устойчивые длительные позитивные чувства, включенные в мировоззрение; устойчивое позитивное отношение к явлениям политико-правовой действительности; эмоциональное состояние личности (настроение, эмоциональный тонус); переживания под влиянием конкретной ситуации в политической сфере.

В целом можно резюмировать, что право и права человека в структуре психологии субъекта статусного публичного права ассоциируются с чувством индивидуального комфорта, удовлетворения, которое испытывает гражданин, используя свои политические права, выполняя свои обязанности перед обществом и государством, демонстрируя свою гражданственность на деле. Думается, что функционально эмоции в структуре политико-правовой деятельности гражданина обуславливают волю и необходимую психическую энергию для совершения самого акта активности. Если события и процессы социальной среды, ее политико-правовой сферы не окрашены эмоционально, то они безразличны для человека. В таком случае гражданин просто не обращает на них внимания. Отсутст-

Е.М. Крупеня

вие устойчивого эмоционального фона приводит к тому, что человек не способен осознать их логическое, взаимосвязанное существование и тем более обосновать для себя самого необходимость участия в политике, в решении важных вопросов общественного и государственного значения, в различных политических акциях, имеющих правовое измерение.

Содержание правосознания, представленное единством рационального и чувственного опыта в результате персонального освоения политико-правовой действительности и трансформации его итога, есть формализованное в персональное знание политико-правовой действительности. Оно позволяет моделировать личностный политико-правовой идеал, определять направленность внешних актов активности гражданина, конструировать собственное мировоззрение, отражающее нравственно-этические ценности права и прав человека.

В заключение следует отметить следующее.

Активная реализация статусного публичного права является следствием функционирования сознания субъекта, его структурных образований. Она есть результат интерпретации, субъективного понимания личностью политико-правовой реальности, публичного сегмента социума, социальной функции гражданина в обществе и его престижа, прав и обязанностей, свободы и ответственности.

Необходимо признать, что образ публично-правовой практики, которая, как правило, постулируется независимой от сознания отдельного гражданина, в существенной степени зависит от функционирования фундаментальных структур его сознания и конструктивных, творческих возможностей личности¹². Сама жизнь обладающего специальным, публичным (служебным) юридическим статусом гражданина, ее состояние в определенный момент истории всегда нечто не тождественное, всегда новое в сравнении с «освоенными» сознанием человека реальными политико-правовыми феноменами: нормами, фактами, отношениями, оцененными гражданином сквозь призму ценностей права и прав человека.

Рассуждая таким образом, следует подчеркнуть, что реализация статусного публичного права может рассматриваться как явление производное, зависимое от уровня развития (теоретического, обыденного, практического) и состояния (устойчивого позитивного эмоционального отношения) политико-правового сознания личности, его активности.

Содержание сознания субъекта статусного публичного права отражает заложенную природой способность человека к активнос-

ти, творчеству и созиданию нового и, таким образом, выступает базовым психологическим фактором, предпосылкой, необходимой для саморегуляции активного правового поведения – первого уровня в механизме правового регулирования публичной сферы общества.

Примечания

- ¹ *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 427.
- ² *Спиридонов Л.И.* Теория государства и права: Курс лекций. СПб.: Высшая школа МВД России, 1995. С. 52.
- ³ *Мамут Л.С.* Современная российская государственность и культура демократии // Государство и право. 2009. № 1. С. 10.
- ⁴ *Мамут Л.С.* Государство в ценностном измерении. М.: Норма, 1998. С. 36.
- ⁵ Философские и методологические проблемы психологии // Философия социальных и гуманитарных наук / Под общ. ред. С. А. Лебедева. М.: Академический проект, 2006. С. 523–567.
- ⁶ *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. М., 1999. С. 267; *Спиридонов Л.И.* Теория государства и права. М., 1995. С. 122; *Хропанюк В.Н.* Теория государства и права. М., 1993. С. 157; Теория государства и права: Учеб. для вузов / Под ред. М.М. Рассолова. М., 2004. С. 506; *Соколова Н.С.* Правосознание, правовая культура и правовое воспитание // Проблемы общей теории государства и права / Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 2002. С. 384; Теория государства и права: Учеб. для вузов / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2004. С. 750.
- ⁷ В специальной литературе существует мнение о том, что в структуре правосознания следует выделять в качестве самостоятельного такой структурный компонент, как правовая наука (см: Проблемы теории государства и права: Учеб. для вузов / Под ред. В.М. Сырых. М.: Эксмо, 2008. С. 485).
- ⁸ *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 259.
- ⁹ *Мамут Л.С.* Современная российская государственность и культура демократии. С. 13.
- ¹⁰ Преступления, совершенные сотрудниками МВД в 2009 г. Справка [Электронный ресурс] // РИА Новости. [М., 2006–2010]. URL: <http://www.rian.ru/incidents/20091013/188659519.html> (дата обращения: 9.02.210.).
- ¹¹ См: *Петражицкий Л.И.* Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1907; *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М.: Норма, 2007.
- ¹² *Жуков В.Н.* Философия права (теоретико-методологический аспект) // Государство и право. 2009. № 3. С. 21–30.

Л.И. Глухарева, Е.И.Тимина

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВА ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ

В работе раскрывается содержание понятия «общество экономики, основанное на знаниях», анализируются его основные показатели применительно к зарубежным странам, к возможностям его формирования в Российской Федерации.

Ключевые слова: государственная экономическая политика, инновации, государственное управление инновационными процессами, когнитивное общество, интеллектуальные ресурсы.

Экономический рост и стабильное благосостояние населения, как показывают исследования в различных областях науки, а также практика развитых государств мира, в настоящее время напрямую зависят от инноваций, внедрения высоких технологий, непрерывного образования, в целом – от интеллектуальных ресурсов общества, которое получило название общества, основанного на знаниях (или когнитивного общества). В связи с этим перед российскими специалистами стоит безотлагательная научно-практическая задача уяснить сущность инноваций, овладеть правилами управления инновационными процессами, определить оптимальные роли и участие государства, бизнеса и научных коллективов в деле формирования такого общества.

Прежде всего, следует отметить, что общество, построенное на использовании интеллектуальных ресурсов, на наш взгляд, не тождественно обществу с инновационной экономикой. Инновационная экономика представляет собой лишь начальный этап в построении общества, основанного на экономике знаний. Инновации могут быть заимствованными, во многом зависимыми от внешних источ-

ников, общество же экономики знаний как особый этап социально-экономического развития предполагает национальную укорененность инноваций во внутренних ресурсах, возможность их воспроизведения и активизации без обращения за помощью извне. Поэтому инновации в контексте общества, основанного на экономике знаний, – это не просто нововведения или технологические достижения, а собственный потенциал страны, более того, – особый стиль социально-экономического развития национальной жизни.

Такая постановка вопроса, как очевидно, возлагает основную ответственность за формирование когнитивного общества в первую очередь на государство (государственную власть). От государства потребуются серьезная работа в этом направлении, в частности создание необходимых стимулов по защите прав собственности на результаты инвестиций в новые знания и технологии, поощрение инвестирования в новые знания, технологии и образование, распространение информационных и коммуникационных технологий, нанотехнологий, инновационной активизации во всех сферах деятельности и т. п. Необходимы государственные нормативные механизмы, которые способны снижать технологические и финансовые риски (сопровождающие любые нововведения). Нужны государственные регулятивы для «подталкивания» бизнеса к нарастающим инновациям и образованию рынка идей. Требуют совершенствования функции государства по обеспечению принуждения к выполнению контрактных обязательств субъектов экономических отношений. Неспособность или даже нежелание государственных структур выполнять эти (и другие) обязанности (так называемая институциональная неадекватность государства) увеличивает степень неопределенности будущего и ставит под угрозу существование экономики страны в целом.

Следует обратить внимание, что социальная история фиксирует периодическую смену приоритетов в государственной политике по управлению экономическими процессами. Так, за последние пятьдесят лет имела место последовательная смена шести государственных стратегических платформ¹. В 50-е – середине 60-х годов XX столетия в политике государств преобладала идея экономической экспансии, основной акцент при этом ставился на росте и высоких количественных показателях. С середины 60-х до середины 70-х годов стала заметна диверсификация деятельности корпораций, что позволяло сохранить экономическую устойчивость при кризисных потрясениях (когда изменялась рыночная конъюнктура одного из товаров, производство оставалось конкурентным за счет наличия другого, технологически не связанного с первым). На следующей стадии (с середины 70-х до середины 80-х годов), когда

Л.И. Глухарев, Е.И. Тимина

участились кризисные колебания и компании начали приспосабливаться к ним, сложилось убеждение, что конкурентное преимущество заключается в минимизации издержек. Начиная с середины 80-х до середины 90-х годов успех экономики стал видеться в ее специализации; наблюдалась ориентация на деконцентрацию производства, стимулировалось создание компаний малого и среднего бизнеса. Приблизительно с середины 90-х годов ряд государств начинают ставить экономические задачи в форме разработок национальных проектов. А уже в начале нового тысячелетия на передний план выходят идеи инвестирования в новые перспективные технологии, акценты переносятся с материальной базы на интеллектуальные возобновляемые ресурсы, концепты «инновационное развитие» и «экономика знаний» превращаются в стратегические ориентиры государственной политики.

Однако быстрая смена экономических стратегий государств за столь короткий срок по сути свидетельствует об их уязвимости, каждый очередной кризис мировой экономики демонстрировал очередную неэффективность государственных шагов. Тем не менее все эти стратегии фактически формировали экономику, основанную на знаниях. При этом главное виделось в создании соответствующих институциональных условий для продуцирования и передачи знаний из научной среды в промышленность и экономику, а приоритеты принадлежали интеллектуальным работникам, информационно-коммуникационным технологиям и инновациям.

В данный период большинством развитых стран в ходе осуществления ими либерально-рыночных реформ (тэтчеризм, рейгономика и др., отмеченные усилением административной мощи государства) было принято множество законов и подзаконных актов, поощряющих передачу знаний из научной среды в экономику. Так, например, в США для расширения связей частных корпораций с университетами были приняты нормативные правовые акты: Стивенсона–Уайдлера об инновациях (1980 г.), о единой патентной политике Федерального правительства (1980 г.), руководство Министерства юстиции по применению антитрестовского законодательства к совместным венчурным исследовательским предприятиям (1980 г.), об оздоровлении экономики (1981 г.), о развитии инноваций силами малого бизнеса (1982 г.), о совместных исследованиях и разработках (1984 г.), о передаче частному бизнесу технологий, разработанных в правительственных лабораториях и институтах (1986 г.) и ряд других. В целях реализации национального проекта по инновационному развитию США в 2000 г. создали специальную программу «Национальная инновационная способность»².

Аналогичные акты, направленные на регламентацию и поощрение совместной деятельности разных субъектов НИОКР и инноваций (прежде всего университетов и промышленности) и фиксирующие государственные национальные модели производства и использования новых знаний, приняты и существуют в настоящее время в ряде стран мира.

Одной из наиболее эффективных моделей производства и использования новых знаний признана финская государственная модель. Национальное технологическое агентство и Центр технологических исследований Финляндии на деньги, выделенные правительством, проанализировали социально-экономическое состояние регионов страны и смогли определиться в своих конкурентных преимуществах. Сегодня Финляндия ассигнует на НИОКР 4,2% бюджета, что составляет полное финансирование 80% всех научно-исследовательских разработок. В результате власть, наука и бизнес обеспечили высокий уровень национального образования, внедрили маркетинговый стиль мышления, развили конкурсный принцип распределения средств на науку, расширили возможности привлечения международных экспертов и консультантов к научным исследованиям. Согласно международному рейтингу 2007 г., экономика Финляндии признана самой конкурентной в мире.

Благодаря серьезным инвестициям государства в науку³ в 1980-е годы началась структурная перестройка промышленности Швеции, которая путем сокращения низкоконкурентных традиционных отраслей (судостроение, черная металлургия, текстильная промышленность) стала быстро развивать новые наукоемкие производства⁴. Успех шведским фирмам обеспечили главным образом тесная интеграция научно-технических и производственных подразделений, создание научных парков при университетах, организация научно-технических разработок и внедрение их в производство.

В государственной экономической политике Дании первостепенное значение придается формированию интеллектуального капитала. Правительством принят государственный проект (программа), целью которого ставится повышение эффективности использования знаний для подъема жизненного уровня населения. Главной задачей проекта является создание макроэкономической среды, в которой хозяйствующие субъекты применяют знания в инновациях и разработках новых продуктов. Функция государства заключается в установлении диалога на уровне деловых структур внутри и вне страны⁵. Используя свое влияние на мировой арене, Дания выступила инициатором создания международных стандартов, определяющих критерии и оценки интеллектуального капитала.

Л.И. Глухарев, Е.И. Тимина

Развитые формы государственной поддержки внедрения инноваций компаниями малого и среднего бизнеса существуют в Великобритании, Германии, Франции, Канаде, других странах. Для их поддержки государством используются разнообразные механизмы, которые включают такие мероприятия, как подготовка и переподготовка кадров, обеспечение доступа к информации, технологиям и рынкам, обеспечение налоговых преференций (льгот малым фирмам, налогового кредита для финансирующих малый бизнес инвесторов) и др.

Взяв на вооружение западные технологии, западную систему организации труда и профессионально-техническое обучение, впечатляющих результатов добились страны Тихоокеанского региона. Быстрое экономическое и технологическое развитие этих государств обусловлено благоприятным инвестиционным климатом, который обеспечил научную поддержку и инновации экспортноориентированных отраслей экономики, производящих технически сложные товары (электронику и автомобили), а населению открыло доступ к различным формам образования, в том числе и высшему техническому образованию⁶.

Так, после успешного проведения политики информатизации страны и преодоления застоя (1992–2003 гг.) сумела выйти на траекторию экономического роста Япония. Во многом это стало результатом реформ, начатых кабинетом Д. Каэдзуми, заложившим основы новой институциональной структуры, необходимой для работы в условиях глобальной экономики. Реформации в науке и традиционно высокое качество японской рабочей силы позволили стране выйти на передовые позиции в создании инновационных продуктов⁷.

В экономической стратегии Китайской Народной Республики по-прежнему проявляется жесткое государственное регулирование. В пятилетнем плане развития страны (2005 г.) акценты смещены с количественных на качественные показатели⁸. В основных его направлениях внимание сконцентрировано на: повышении роли внутреннего спроса; интенсивном финансировании научно-технической сферы как основы усиления глобальной конкурентоспособности китайской экономики; реализации программы энергосбережения и выделения крупных средств на охрану окружающей среды; перераспределении результатов экономического роста в пользу села и беднейшего населения страны; перемещении центра экономической деятельности из крупных и неповоротливых предприятий в небольшие компании, которым свойствен дух предпринимательства и инноваций и т. д.

Стремительный экономический подъем Индии начался с осуществления государственных программ по развитию информаци-

онной отрасли. Проекты «Новая программа государственной политики в области программного обеспечения и вычислительной техники» и «План действий в области информационных технологий», разработанные в 1984 г., внедрялись фактически при нулевом уровне иностранного инвестирования. Зарубежные капиталовложения в экономику фактически отсутствовали до середины 1990-х годов, однако полузакрытая и непривлекательная для иностранных инвесторов Индия вместе с тем показывала высокие и довольно стабильные темпы экономического роста⁹.

Анализ стратегий экономической политики разных государств за последние два десятилетия показывает, что страны действительно развиваются по модели когнитивного общества¹⁰. Трансформации, как следует из практики государств, добившихся определенных успехов, начинаются с информатизации населения, затем делается акцент на повышении его образовательного уровня, параллельно инвестируются наука и инновации, создаются институциональные условия для инновационного предпринимательства.

Информатизация экономики и на ее основе непрерывные технологические новинки и управленческие нововведения внесли коррективы в современные условия труда интеллектуального работника, заставили его приспосабливаться к изменениям, что, в свою очередь, вызвало качественные подвижки в образовательной и профессиональной подготовке кадров. Сегодня специалиста оценивают по уровню базовых и профессиональных знаний, широте кругозора, способности быстро осваиваться в новой ситуации. Полное среднее и высшее образование в развитых странах стали нормой. Образование приобрело тесную связь с конкретной практической деятельностью, расширились направления и формы обучения, исчезла строгая возрастная изоляция, обозначилась тенденция к образованию «через всю жизнь», зрелые люди сели за парту. Рост доходов стал стимулировать работника делать вложения в образование для повышения запаса знаний, чтобы затем эффективно применять их. Потребность в образовании увеличила количество образовательных учреждений, как государственных, так и частных. Все это вызвало появление глобальной проблемы унификации образования в мировом масштабе и необходимость выработки стандартов разных образовательных уровней.

Принципиально новым для мировой практики последних 50 лет стало превращение науки в самостоятельную производительную силу. В экономике знаний фундаментальная наука гармонично входит в цепь взаимодействия «фундаментальная наука – прикладная наука – технология – производство» и является определяющим

фактором в обеспечении устойчивого развития и конкурентоспособности как отдельных компаний, так и государства в целом. Сегодня сформировались четыре основные формы поддержки фундаментальной науки со стороны государства: прямое участие государства в производстве знаний; государственный заказ научным центрам; предоставление безвозмездных государственных субсидий на проведение фундаментальных научных исследований ученым, работающим в негосударственных лабораториях; создание благоприятных условий для производства научных знаний и технологий в негосударственном секторе. Однако нужно заметить, что в результате производства научного продукта государство не становится его собственником, оно лишь законодательно (нормативно) регламентирует охрану авторских, смежных и иных прав, обеспечивает условия для развития науки через налоговые и имущественные льготы, предоставляет прямые целевые дотации и кредиты и т. п. Для экономики, основанной на знаниях, особенно важным является вопрос, насколько государственно-правовая среда способствует созданию, распределению и применению знаний в различных проявлениях, в частности, насколько просто или сложно можно получить финансирование для инновационного проекта, насколько поощряются образование и повышение квалификации, насколько соблюдаются права на интеллектуальную собственность и т. д.

В Российской Федерации идея общества, основанного на экономике знаний, прививается с трудом¹¹. Негативную роль в этом играют не недостаток желания или неумение властей реформировать экономику страны, а система существующих объективных и субъективных ограничителей развития¹². Тем не менее среди правящей элиты и у населения в целом сложилось понимание того, что переходу России на инновационный путь развития, переходу к обществу, основанному на экономике знаний, нет альтернативы, так как «только это позволит нашей стране занять достойное место в мировой экономике»¹³.

В России (аналогично западным странам) политика государства в целях перехода к экономике нового типа ориентирована по двум направлениям. Во-первых, осуществляется масштабное частно-государственное финансирование новых технологических решений и производств инноваций (что является следствием и показателем востребованности инноваций не только отдельными предпринимателями, но и национальной экономикой в целом). Во-вторых, постепенное, но достаточно активное создание благоприятной институциональной среды. При этом законодательная и исполнительная ветви государственной власти принимают на себя часть ответственности по регулированию рынка. Для реализации

этих направлений создаются федеральные целевые программы с участием бизнеса, используется научный, образовательный и технологический потенциал страны.

Российское государство, заявив о стратегическом развитии по модели экономики знаний, постепенно меняет свое отношение к науке, все больше подчеркивает значение последней для социально-экономического развития страны. С 2004 г. государственная политика России направлена на перевод науки из режима консервации, в котором страна находилась все 90-е годы, в режим созидательной силы. Включение отечественной науки в действующую экономическую цепь «изобретение – создание нового продукта – освоение продукта в массовом производстве» становится важнейшей составляющей экономического роста и конкурентоспособности страны. Постановлением Правительства РФ от 12 октября 2004 г. № 540 в дополнение к Федеральной целевой научно-технической программе «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки и техники» на 2002–2006 гг.¹⁴ перед прикладной наукой были поставлены фактически новые задачи¹⁵. Но уже сейчас можно говорить, что принятые меры формируют частно-государственное партнерство в области высоких технологий. Финансовая поддержка опытно-конструкторских работ со стороны государства и бизнес-структур распределяется в пропорции 50% на 50%, а проекты по коммерциализации технологий в пропорциях 70% от государства и 30% от бизнеса. В отношениях с зарубежными партнерами государство также использует новые подходы, включающие обязательное софинансирование, учет взаимных выгод, ориентацию на инновационные разработки и крупные проекты. Это дает возможность не продавать наши научные результаты, а развивать научно-техническое сотрудничество при совместной коммерциализации результатов.

Традиционно в России большое внимание уделялось развитию системы образования, которое до сих пор остается ее конкурентным преимуществом. Среди достижений российского образования всегда отмечались математические традиции ведущих университетов, фундаментальность базового образования, массовость, доступность, развитые функции воспитания и формирования духовных ценностей и т. д. К недостаткам же современного российского образования можно отнести несоответствие учебных программ международным стандартам, относительно низкое качество подготовки студентов, обеспечение подготовки специалистов на мировом уровне только в 5–6 ведущих университетах страны, старение и нехватка профессорско-преподавательского состава и т. п.¹⁶ Последнее время система высшего образования Российской Федерации раз-

вивалась фактически под влиянием двух тенденций: первая связана с необходимостью преодоления последствий преобразований 90-х годов, вторая – интеграции России в общеевропейское и мировое образовательное пространство в качестве равноправного партнера. Есть все основания утверждать, что критическая ситуация, в которой оказалась отечественная высшая школа в первые годы рыночных преобразований, способствовала тем самым приобретению ею навыков «выживания» при полной или частичной финансовой независимости в ресурсах, поиску новых источников финансирования и создания эффективного партнерства с бизнесом и местным сообществом, активизации научной и инновационной деятельности. За 15 лет реформ российское образование сохранило жизнеспособность, достаточно быстро и успешно адаптировалось к новым социально-экономическим условиям. Поэтому сегодня можно считать, что специфические российские задачи модернизации высшего образования выполнены, однако на передний план выходят проблемы, общие для большинства развитых стран.

В России, к сожалению, сохраняется действие факторов, препятствующих развитию страны по пути экономики знаний, можно даже утверждать, что наша институциональная среда нейтральна по отношению к нововведениям и даже пассивна. Однако Россия имеет свой шанс в глобальной конкуренции. Об этом свидетельствуют хотя бы программы, инициируемые государством в области образования 2003 г., прорыв в области информационно-коммуникационных технологий 2005 г., политика, проводимая государством в отношении фундаментальной науки 2006 г. (касающаяся предоставления ей большей хозяйственной самостоятельности), мероприятия по созданию наноиндустрии 2008 г. (принята Федеральная целевая программа «Развитие инфраструктуры наноиндустрии в РФ на 2008–2010 гг.», создана Российская корпорация нанотехнологий с региональными центрами наноиндустрии) и др. В 2007 г. Министерством образования и науки РФ был разработан Проект долгосрочного прогноза научно-технологического развития страны на период до 2025 г. Были приняты также многочисленные законодательные акты о благоприятных налоговых условиях для финансирования инновационной деятельности, введены системы оценки и учета нематериальных активов. Для эффективной поддержки коммерциализации научных проектов Правительством РФ созданы фонды рискованного капитала – Инвестиционный фонд, Российская венчурная компания, Внешэкономбанк и др. Заметно увеличилось финансирование гражданской науки¹⁷.

Конечно, вхождению в мировую экономику и занятию в ней достойного места Российской Федерации мешает множество слож-

ных и трудноразрешимых проблем. Однако думается, что они могут быть преодолены при наличии воли и использования позитивного опыта зарубежных, стран прежде всего стран Восточной Азии, бурный экономический рост которых стал возможен благодаря тому, что в основу промышленной политики был положен выход на мировой рынок на базе развития наукоемких, энергосберегающих производств и использования дешевой рабочей силы при активном содействии государства, т. е. благодаря ориентации в государственной политике на идеи экономики знаний. Продвижение по такому пути России вполне под силу, для этого она обладает всеми необходимыми научными и интеллектуальными ресурсами.

Примечания

- 1 См.: *Виссема Х.* Стратегический менеджмент и предпринимательство: Возможности для будущего процветания. М., 2000.
- 2 К ее разработке и применению были привлечены политики, правительство, лидеры американского бизнеса. Цель программы – научиться понимать природу и характер инноваций и управлять ими. В соответствии с ней правительство усилило поддержку науки, более активно стало поощрять развитие и распространение Интернета как основы экономического роста, разработало проекты поддержки высшего образования, предусмотрело значительное снижение налогового бремени для компаний, занимающихся электронной коммерцией и т. д.
- 3 Ежегодные инвестиции в науку составляют в Израиле – 4,7% ВВП, в Швеции – 3,86%, Японии – 3,13%, США – 2,57, России – 1,07% (Поиск. 2008. 28 ноября. № 48 (1018)).
- 4 На мировой рынок вышли фирмы по производству высококачественных автомобилей (Volvo, Saab), электротехнической продукции (ABB), автоматизированных систем домашнего хозяйства (Electrolux), оборудования для пищевой промышленности (Alfa Laval). Под воздействием научных разработок, диктуемых рыночным спросом, из маленькой мебельной мастерской выросла крупная фирма ИКЕА, выпускающая более 12 тыс. видов принципиально новой сборной мебели. Цена этой продукции на 20–30% ниже обычной, что позволило фирме прочно завоевать ведущее место на мировом рынке мебели (*Гапоненко А.Л., Орлова Т.М.* Управление знаниями. Как превратить знания в капитал. М.: Эксмо, 2008. С. 68).
- 5 В 1998 г. в опубликованном правительственном отчете была дана оценка и сформулированы принципы управления интеллектуальным капиталом страны, а также было записано: «Мы – страна, основное богатство которой составляют знания и небольшие сельскохозяйственные угодья» (*Мариничева М.К.* Управление знаниями на 100%: Путеводитель для практиков. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. С. 72).

Л.И. Глухарев, Е.И. Тимина

- ⁶ Гапоненко А.Л., Орлова Т.М. Указ. соч. С. 58.
- ⁷ Мировая экономика: прогноз до 2020 года / Под ред. А.А. Дынкина. М.: Магистр, 2008.
- ⁸ До начала реформ в абсолютной бедности жил каждый четвертый китаец, т. е. четверть миллиарда человек. Сегодня беднейшее население составляет лишь 2%, в условиях Китая – это 26 млн чел. Для поддержки развития сельского хозяйства полностью отменен сельскохозяйственный налог, гарантируются минимальные цены при закупке риса и пшеницы. Госбюджет финансирует дорожное строительство на селе, к 2020 г. предполагается проложить 300 тыс. км сельских автомобильных дорог. Ассигнуются бюджетные средства на снабжение населенных пунктов в глубинке доброкачественной питьевой водой. Лишь за 2007 г. доступ к ней дополнительно получили еще 32 млн крестьян. Бюджетные ассигнования на поддержку сельского хозяйства и улучшение социальных условий жизни на селе составили в 2008 г. 50 млрд долл. Почти две пятых этой суммы выделено на переход сельских школ к девятиклассному образованию. Наряду с программой 5-летнего плана Китай формирует долгосрочные стратегии на 50 лет с задачей выхода показателя душевого потребления на уровень передовых стран Запада в течение 30–50 лет, к 2050 г. планируется выход страны на высшие стандарты качества (см.: *Овчинников В.* Китайский сельский час. Как, имея 7% мировой пашни, прокормить 22% человечества // Российская газета. 2008. 22 мая. № 19 (109); *Гапоненко А.Л., Орлова Т.М.* Указ. соч. С. 57; *Смирнов А.* Китайская экономика: Секреты восходящего мирового лидера [Электронный ресурс] // Кремль.org. [М., 2010]. URL: www.kreml.org; *Селищев А.С., Селищев Н.А.* Китайская экономика в XXI веке. СПб., 2004. С. 215–223).
- ⁹ *Гапоненко А.Л., Орлова Т.М.* Указ. соч. С. 66.; *Кохарева С., Сухарев А.* Индия – курс на мировое лидерство в области информационных технологий. М.: МГУ, 2001; Новая экономика – шанс для России: Тезисы / Кузьминов Я.И., Яковлев А.А., Гохберг Л.М. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 40; *Лунев С.И.* Социально-экономическое развитие крупнейших стран Евразии: Цивилизационный контекст // Восток – Запад – Россия. М., 2002 С. 174.
- ¹⁰ Всемирный банк в рамках программы «Знания для развития» (2004 г.) разработал проект комплексной оценки готовности стран к переходу на модель общественного развития, основанную на знаниях. Она представляет собой совокупность 83 индикаторов, при помощи которых возможно сравнить достижения различных стран (см.: *Чугунов А.В.* Концепция обществ знаний и индикаторы измерения готовности к переходу на модель развития, основанную на знаниях. Аналитические материалы // Вестник международных организаций. Образование, наука, экономика. 2007. № 4. С. 18). Среди них: показатели ежегодного роста ВВП и значение индекса человеческого развития; индикатор институционального режима экономики, характеризующий мотивации в использовании знаний и способности к предпринимательству; индикатор национальной инновационной среды, включающей компании, исследовательские центры, университеты, консультационные и другие организации, которые вос-

принимают и адаптируют знания для местных нужд и создают новые знания и основанные на них технологии; степень образованности населения и наличия у него навыков по созданию, распространению и использованию знаний; индикатор информационной и коммуникационной инфраструктуры, позволяющей эффективное распространение и переработку информации.

- 11 Это связано с рядом обстоятельств. Так, многократное сокращение бюджетных ассигнований привело к исключению науки из числа стратегических государственных приоритетов. В результате в течение 15 лет запас научного ресурса как составляющей обобщенного национального богатства страны в целом снизился. Около 300 современных технологий в таких областях, как аэрокосмическая промышленность, производство высокочистых материалов, станков с числовым программным управлением, промышленных роботов, биотехнология и др., были утрачены. Не менее 80% станкостроительных предприятий изменили свой профиль. Число конструкторских бюро только с 1998 по 2004 г. снизилось на 49%, число проектных и проектно-исследовательских организаций – на 42%. К началу 1990-х годов в Советском Союзе действовало около 8 тыс. научных организаций, в том числе более 4,7 тыс. НИИ и КБ. На отраслевой сектор приходилось 64% исследовательских организаций, на академический – 16, на вузовский – 11, на заводские лаборатории – 9%. Научные исследования и разработки выполняли более 1,6 млн работников, в том числе 376 тыс. докторов и кандидатов наук. При этом надо иметь в виду, что значительная доля научного потенциала сформировалась в трудные довоенные, военные и послевоенные годы.

Страна потеряла лидерство в освоении космоса, в передовых направлениях физики и математики. По сравнению с 1990 г. объем расходов на науку в стране снизился в 1995 г. в 6 раз, в 2003 г. – в 5 раз. Если в Западной Европе достижения науки используют 80% компаний, то в России всего 5%. Мировой рынок информационных технологий приближается к 1,5 трлн долл., российский – к 8 млрд (что составляет всего 0,5% от мирового). В рейтинге конкурентоспособности отечественной наукоемкой продукции Россия занимает 35 место. Мы находимся на шестом месте в мире по генерированию идей, патентов и других объектов интеллектуальной собственности, но по способности делать из этого бизнес (т. е. капитализировать интеллект) – на 90-м.

О состоянии науки в современной России можно судить по общепринятым критериям значимости научных исследований. Так, по количеству опубликованных научных работ Россия в 1993–1997 гг. занимала 7 место в мире, а по количеству цитирований на одну работу – 89 место среди 100 стран. Спустя 10 лет Россия по последнему показателю занимает 120 место среди 145 стран, т. е. статьи российских ученых цитируются в среднем в 1,6 раза реже, чем ученых любой другой страны. Наша доля в мировом потоке научных публикаций ежегодно уменьшается. Отчасти это объясняется тем, что российские ученые предпочитают публиковаться в своих журналах, которые почти не учитываются ни науковедами, ни мировыми указателями цитируемой литературы, и это (в том числе) ведет к изолированию российской науки от мировой. По индексу цити-

Л.И. Глухарев, Е.И. Тимина

руемости в области точных наук среди крупных мегаполисов Москва все еще на 5 месте после Лондона, Токио, Парижа и Сан-Франциско, но впереди Лос-Анджелеса, Нью-Йорка. Китайские ученые 80% своих публикаций размещают в иностранных журналах.

Несмотря на длительное отсутствие государственной поддержки, Россия остается мировым лидером в разрешении фундаментальных проблем в области так называемой тяжелой науки. В настоящее время в России сконцентрировано 10–12% научных кадров мира. Но она занимает третье место в мире по числу ученых. Численность занятых в науке по сравнению с 1990 г. уменьшилась почти вдвое – с 1,5 млн до 750 тыс. человек (в США занятых в науке 5 млн 800 тыс. человек). В России сегодня насчитывается 389 тыс. ученых, тогда как в США их более 3 млн. При этом количество ученых, работающих на американскую экономику, постоянно возрастает за счет притока «мозгов», прежде всего из России и стран СНГ. По данным Научного фонда США, до 80% математиков и половину физиков-теоретиков составляют выходцы из нашей страны. Только в Силиконовой долине работают около 200 тыс. бывших советских специалистов. Из 389 тыс. исследователей – 2650 академиков и членов-корреспондентов, 146 тыс. человек учатся в аспирантуре (см.: *Гапоненко А.Л., Орлова Т.М.* Указ. соч. С. 58–59, 62, 66, 67; *Грановский Ю.В.* Научоведческий анализ критических технологий по новым материалам и химическим продуктам // Научоведческие исследования. М.: РАН, 2006. С. 32–59; *Иновационное общество* // Российская газета. 2008. 14 февраля. № 32 (458); *Поиск*. 2008. 28 ноября. № 48 (1018); *Макаров В.Л., Клейнер Г.Б.* Микроэкономика знаний. М.: Экономика, 2007. С. 163–164).

- 12 Академик В.П. Горегляд еще в 2003 г. писал, что основными факторами, препятствующими инновационному развитию экономики России, остаются: сохранение административно-бюрократической системы, сырьевое развитие страны, занижение стоимости рабочей силы, занижение значимости науки, исключение бизнеса из инновационного процесса, незавершенность процессов приватизации, доминирующее положение теневого и полутеневого бизнеса, отсутствие государственной поддержки малого бизнеса, коррумпированность крупного бизнеса, монополизм и неэффективность некоторых отраслей, отсутствие инвестиционных ресурсов, высокий уровень дифференциации регионов (см.: *Иновационный путь развития для новой России* / Под ред. В.П. Горегляда. М.: Наука, 2005. С. 5–14).
- 13 Россия 2020. Главные задачи развития страны. Выступление Д. Медведева в Красноярске 15 февраля 2008 г. См. также: Выступление В. Путина на Госсовете 8 февраля 2008 г. М.: Европа, 2008.
- 14 Постановление Правительства РФ от 12 октября 2004 г. № 540 «О внесении изменений в Федеральную целевую научно-техническую программу «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки и техники» на 2002–2006 гг. и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2004. № 42. Ст. 4138.

- 15 Исследования и разработки определены по пяти федеральным целевым программам, госзаказчиком которых выступила Роснаука, акценты поставлены на создание научной и научно-инновационной инфраструктуры. На втором этапе, в 2007–2012 гг., в них участвуют уже десять федеральных программ, их финансовое обеспечение увеличено почти в пять раз. В 2007 г. в программе приняли участие 2200 научных организаций различных форм собственности, представляющих 32 министерства и ведомства. От крупных коммерческих структур представлено порядка 400 заявок на выполнение новых разработок и технологий, в которых они нуждаются. В программе пяти основных направлений 60% ее финансирования имеют отношение к нанотехнологиям, из них около 40% выделены на индустрию наносистем и материалы, 20% – на проекты в рамках других направлений, в той или иной степени связанных с nanoиндустрией (см.: Расконсервировались // Поиск. 2008. 29 февраля. № 9 (979)).
- 16 См.: Новая экономика – шанс для России. С. 23.
- 17 В 2008 г. объем бюджетных ассигнований составил 125 млрд руб., внебюджетных – порядка 200 млрд руб., на 2008–2010 гг. по федеральным целевым программам запланировано финансирование в размере около 600 млрд руб. (см.: Резолюция Девятого торгово-экономического форума «Новый инновационный путь укрепления конкурентоспособности России». Москва, 14 октября 2008 г.).

Н.И. Косякова

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ
СВЯЗЕЙ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ
В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ
УСЛОВИЯХ

В статье исследуются проблемы межотраслевых связей юридических лиц в рыночной экономике, в частности, анализируются пробелы, противоречия в законодательстве, регулирующем общие и отраслевые правовые институты, в которые вступают юридические лица, предложены формы «стыковки» межотраслевых связей путем определения в законодательстве правил (коллизионных норм), обеспечивающих согласование норм, регулирующих однородные общественные отношения различными отраслями права.

Ключевые слова: межотраслевые связи, общие правовые институты, юридические лица, частное право, публичное право, коллизионные нормы, концессионный договор.

Цивилистическое понятие юридического лица проникает в публично-правовую сферу¹, которая не является плодом воображения, а вызвана развивающимися экономическими и социальными отношениями, где органы государственной власти и исполнительные органы, включая муниципальные (как юридические лица публичного права), осуществляют не только властно-регулятивные и контрольные функции, но вступают и в договорные отношения с юридическими лицами частного права. При этом возникает необходимость нового осмысления межотраслевых связей между участниками – юридическими лицами разных уровней (публичного и частного права).

Данную закономерность признают представители практически всех отраслей права, полагая, что переход к рынку не может не сопровождаться интеграцией правового регулирования, обращая при

© Косякова Н.И., 2010

этом внимание на неразрывную связь значительного количества проблем в деятельности юридических лиц с настоящей необходимостью оптимизации опосредования частных и публичных интересов². В связи с этим одной из основных задач обоснованно признается учет и оптимизация проникновения элементов публично-правового регулирования в гражданское законодательство³ и изучение особенностей гражданско-правовых средств, используемых в публично-правовой сфере (административном, финансовом, налоговом, таможенном праве и др.), т. е. применяемых для достижения ряда публично-правовых целей.

Основанием исследуемых межотраслевых связей выступает та или иная степень общности регулируемых общественных отношений. На данную общность указывается в отечественной правовой науке. Так, отмечается, что «между отраслями права нет непроходимых граней, как нет их и между различными видами общественных отношений»⁴. Следует отметить также и общность между конкретными участниками правового регламентирования, например между юридическими лицами как субъектами частно-правовых и публично-правовых отношений⁵.

Как представляется, изучение межотраслевых связей юридических лиц частного и публичного права позволит решить ряд научных и практических задач. Прежде всего научные разработки помогут внести свой посильный вклад в формирование целостного представления о системе гражданско-правовых явлений, включающей межотраслевые связи. С практической точки зрения научный анализ межотраслевых связей юридических лиц публичного и частного права позволит выработать рекомендации законодателю по устранению существующих коллизий межотраслевого характера (между гражданским и земельным правом, между гражданским и налоговым правом и др.). Инновационный курс нашей страны предполагает использование государственных ресурсов и средств бизнеса. Государственно-частное партнерство служит этому яркой иллюстрацией.

Наряду с этим практическое значение рассмотрения указанной проблематики состоит также в выработке эффективных правовых механизмов и рекомендаций по решению задач, стоящих перед правоприменителями и иными участниками правореализационного процесса. Одной из таких задач является разработка системы нормативных правил, учитывающих существующие межотраслевые связи в экономической деятельности и позволяющие разрешать межотраслевые правовые коллизии⁶.

Следует отметить, что данные связи обусловлены главным образом органическим единством общественных отношений. Поэто-

Н.И. Косякова

му прежде чем перейти к исследованию межотраслевых связей юридических лиц частного и публичного права с учетом разноотраслевого подхода, целесообразно выявить общие институты для данных отраслей, определить формы «стыковки» межотраслевых связей, противоречия норм в законодательстве разных отраслей права, регулирующих взаимосвязи юридических лиц частного и публичного права.

В результате правового анализа институтов различных отраслей права, как частно-правовых, так и публично-правовых, а также процессуальных отраслей права, в которых участвуют юридические лица частного и публичного права, получается следующая картина: основными институтами, общими для отраслей гражданского и финансового права, являются сделки, а также институт солидарных должников; для гражданского и налогового права – залог, поручительство, цена; для предпринимательского, налогового и таможенного права – банкротство юридических лиц, договорные отношения и т. д.

Используя институты, характерные для юридических лиц как частного, так и публичного права, попытаемся проследить формы их «стыковки» и формирования межотраслевых связей.

Во-первых, нередко законодатель закрепляет в нормативных правовых актах прямые отсылки к иным отраслям законодательства. Так, в I части Налогового кодекса РФ имеются около 30 отсылок к гражданскому законодательству.

Во-вторых, в нормах ряда отраслей права указывается на необходимость установить определенные правила, действующие в иных правоотношениях посредством гражданско-правовых средств.

Так, в ст. 26 Налогового кодекса РФ говорится о праве налогоплательщика участвовать в налоговых правоотношениях через представителя, при этом полномочия представителя должны документально подтверждаться в соответствии с гражданским законодательством (ст. 182, 184 ГК РФ). Тем самым налоговые обязательства могут быть связаны с совершением отдельных гражданско-правовых действий – оформлением законного представительства, что способствует наиболее эффективной защите прав юридических лиц, которые получают возможность защиты как в рамках налогового, так и гражданского права.

В-третьих, гражданско-правовые нормы могут содержаться в различных нормативно-правовых актах публичного, частного процессуального права и подлежат совместному применению при определенной ситуации вне зависимости от прямого указания законодателя. Тут происходит взаимопроникновение норм отрасли частного права в отрасль публичного, процессуального права.

Например, нормы гражданского права при их нарушении могут реализовываться совместно с нормами процессуального законодательства.

Такой способ защиты гражданских прав, как возмещение убытков (ст. 12 ГК РФ), реализуется в рамках споров о возмещении убытков, которые разрешаются арбитражным судом в соответствии со ст. 28 АПК РФ. Конечно, попадая в процессуальную сферу, материальные правовые средства облачаются в специальную форму, что в некоторой степени отражается и на их содержании. Например, материальному правопритязанию придается форма искового заявления, которое, в свою очередь, должно отвечать установленным процессуальным требованиям (ст. 125 АПК РФ).

В-четвертых, взаимопроникновение норм материального и процессуального права обуславливает и их взаимовлияние друг на друга. При этом в одних случаях нормы гражданского права оказывают воздействие на нормы процессуального права, в других происходит обратный процесс.

В частности, появление в гражданском праве такого источника, как обычай делового оборота (ст. 5 ГК РФ), привело к тому, что в АПК РФ законодатель также использует эту категорию. Так, в соответствии со ст. 2 АПК РФ одной из задач судопроизводства в арбитражных судах является содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, формированию обычаев и этики делового оборота. Как представляется, закрепление в законодательном порядке данной функции свидетельствует о некоторой правотворческой функции арбитражных судов, из обобщения практики которых можно установить содержание соответствующих обычаев делового оборота. Отсылка к обычаям делового оборота имеется и в п. 1 ст. 13 АПК РФ, где закреплено, что арбитражные суды в случаях, предусмотренных федеральным законом, применяют обычаи делового оборота.

Наряду с этим влияние гражданского права на арбитражное процессуальное законодательство можно также усмотреть и в решении вопроса о процессуальном правопреемстве, на которое существенное влияние оказывают отдельные гражданско-правовые юридические факты, обозначенные в рамках соответствующего открытого перечня в п. 1 ст. 48 АПК РФ (уступка права требования, перевод долга и проч.).

Далее, влияние материально-правовой (конкретно – гражданской) сферы на арбитражную процессуальную усматривается и в содержании п. 4 ст. 121 АПК РФ. Здесь закреплено правило об определении места нахождения организации, применяющееся для направления судебных извещений. Суть его в том, что место нахож-

Н.И. Косякова

дения организации определяется местом ее государственной регистрации, если в соответствии с федеральным законом в учредительных документах не установлено иное. Приведенное положение АПК РФ в целом основано на предписании п. 2 ст. 54 ГК РФ.

Можно наблюдать и обратное явление, когда процессуальная сфера оказывает существенное воздействие на материально-правовую область. Например, формирование отдельных условий гражданско-правовых договоров может осуществляться под влиянием некоторых норм АПК РФ. Такие условия могут быть использованы сторонами договора в целях охраны субъективных прав юридических лиц. Открывает перечень указанных норм п. 5 ст. 4 АПК РФ, из которого следует возможность сторон установить в договоре правила о досудебном порядке урегулирования всех или части споров по данному договору. Взаимосвязь норм АПК РФ и содержания гражданско-правового договора прослеживается и в п. 4 ст. 36 АПК РФ. Здесь установлено, что иск, вытекающий из договора, в котором указано место его исполнения, может быть предъявлен также в арбитражный суд по месту исполнения договора.

В-пятых, сочетание частно-правовых и публично-правовых интересов в институтах, общих для отраслей частного и публичного права. Так, смешанный договор, участниками которого выступают юридические лица, регулируемый гражданским правом, может содержать разноотраслевые условия (например, заем – гражданское и финансовое право).

В-шестых, иногда при принятии нового ФЗ, регулирующего гражданско-правовые отношения и изменяющего иные ФЗ, одновременно вносятся изменения и дополнения в законодательные акты, выступающие источниками иных отраслей права. Например, на основе ФЗ от 3 января 2006 г. № 6-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и Бюджетный кодекс Российской Федерации» внесены изменения в ГК РФ и БК РФ, связанные с регулированием смежных институтов несостоятельности (банкротства) юридических лиц. Все это призвано обеспечивать единообразие в понимании действующего законодательства, регулирующего смежные, но разноотраслевые институты.

В-седьмых, публично-правовые гарантии обеспечивают реализацию прав юридических лиц, закрепленных в частном праве, либо их реализацию, если они ограничены. Социальная обусловленность использования публично-правовых начал в гражданском законодательстве состоит в объективной необходимости государственного обеспечения эффективного функционирования экономических организаций посредством введения правил деятельности его участни-

ков, ограничения их прав в публичных интересах и контроля за осуществляемой ими деятельностью.

Публично-правовое регулирование реализации гражданских прав, по мнению Хавкина В.И., выражается в механизме государственного контроля за их осуществлением, состоящего в выполнении компетентными государственными органами, выступающими в качестве юридических лиц, предусмотренной для этого обязательной юридической процедуры⁷. В качестве способов публично-правового регулирования реализации гражданских прав используются обязывающие, запрещающие и дозволяющие предписания, адресованные правомочным лицам и компетентным государственным органам.

К числу основных видов публично-правового регулирования реализации гражданских прав можно отнести: государственную регистрацию прав юридических лиц на недвижимое имущество и сделок с ним; государственную регистрацию юридических лиц; государственное лицензирование отдельных видов предпринимательской деятельности; государственную регламентацию процедуры несостоятельности (банкротства) юридических лиц, земельные, арендные и иные отношения. Но это не должно приводить к административным барьерам для бизнеса, устранению которых посвящен указ Президента РФ от 15 мая 2008 г.

Публично-правовые ограничения – это законодательное сужение объема нормативно закрепленных гражданских прав за юридическими лицами публичного права, направленное на обеспечение общенациональных интересов в сфере регулируемых гражданским законодательством общественных отношений⁸.

Способами законодательного закрепления публично-правовых ограничений гражданских прав являются нормативные установления оснований пределов и целей ограничения; запрещающих и обязывающих предписаний; определенного (исчерпывающего) перечня объектов и круга субъектов соответствующих гражданских прав.

В-осьмых, усиливаются горизонтальные отношения между юридическими лицами разного уровня – органами публичных образований (юридическими лицами публичного права) и хозяйствующими субъектами (юридическими лицами частного права).

Обратимся к истории. В начале 1990-х годов изменение форм собственности, разгосударствление, приватизация привели к изменению функций публичных органов по управлению экономическими и социальными процессами. В этот период возникли противоречия между властными структурами и бизнесом (хозяйствующими субъектами), что обеспечило необходимость в перестройке

Н.И. Косякова

управленческих методов руководства экономикой. Постепенно стали появляться договорные отношения между юридическими лицами публичного и частного права. При этом органы публичных образований в лице юридических лиц публичного права (в том числе министерства, органы государства, муниципальных образований) не утратили своих властно-регулятивных и контрольных функций.

Так, заслуживают всяческой поддержки общие долгосрочные соглашения о сотрудничестве органов публичной власти, выступающих в качестве юридических лиц публичного права, и хозяйствующих субъектов в лице юридических лиц частного права. Укреплению таких взаимосвязей служит стратегическая программа развития открытого акционерного общества «Российские железные дороги», отражающая многолетние связи транспортных структур с хозяйственными организациями. В программе есть специальный раздел о взаимодействии ОАО РЖД с федеральными и региональными органами, которые выступают как юридические лица публичного права в решении финансовых, производственных и социальных вопросов.

Появляются специальные соглашения в сфере экономического развития и торговли. Соглашение, предусматривающее информационно-аналитическое взаимодействие по вопросам создания оптимальных условий предпринимательской деятельности, подписали Министерство экономического развития и торговли РФ как юридическое лицо публичного права и Российский союз промышленников и предпринимателей (работодателей). Такое соглашение о сотрудничестве придает импульс привлечению инвестиций в предпринимательскую деятельность.

При активизации партнерских отношений юридических лиц частного и публичного права с юридическими лицами частного права (хозяйствующими субъектами) следует отметить явную недостаточность правового регулирования этих отношений, что существенно снижает эффективность обеспечения их исполнения.

Отсутствие в законодательстве нормативных моделей соглашений между государственными органами и экономическими структурами не позволяет четко определить их предмет, содержание, сферу применения. Отсутствие классификации отдельных видов соглашений не дает возможности сформулировать их эффективное правовое регулирование⁹.

Заслуживают внимания договорные отношения между органами публичных образований как юридическими лицами публичного права и экономическими структурами, выступающими в качестве сторон по управлению объектами публичной собственности.

Действующее законодательство предусматривает несколько вариантов договорной формы передачи органами публичной власти прав на управление государственным имуществом хозяйствующим субъектам – юридическим лицам частного права: доверительное управление, аренду, концессию.

К наиболее ярко сочетающимся элементам публично-правового и частно-правового регулирования при управлении объектами государственной собственности относится договор концессии.

Согласно ст. 4 ФЗ от 24 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О коммерческих соглашениях», объектом концессионного соглашения является государственное имущество, в том числе недвижимое имущество, в частности автомобильные дороги, объекты железнодорожного, трубопроводного транспорта, транспорта общего пользования, морские и речные порты, морские и речные суда, аэродромы, гидротехнические сооружения, объекты по производству и передаче электро- и тепловой энергии, объекты коммунального хозяйства, благоустройства, здравоохранения, образования, культуры, спорта и т. д.

Анализ норм названного Закона позволяет выделить ряд специфических особенностей договора, где в гражданско-правовой договор активно включаются элементы публичного права, в результате чего возникают равноправные отношения между юридическими лицами разного уровня.

Прежде всего, на стороне концедента всегда выступает публичное образование – Российская Федерация, субъект РФ, муниципальное образование (п. 1 ст. 5 Закона), – представленное уполномоченными органами.

Заключению концессионного договора обязательно предшествует властный акт органа государства или местного самоуправления. Закон о концессионных соглашениях (ст. 22) указывает на органы, в компетенции которых находится принятие такого рода актов, и определяет их основное содержание.

И, наконец, публичный интерес, лежащий в основе деятельности государства, связанной в том числе с предоставлением концессий, усиливает роль публичных начал в регулировании прав и обязанностей сторон гражданско-правового договора. В Законе о концессионных соглашениях имеются нормы, выражающие именно публичный, общественный интерес. Так, в соответствии с п. 2 ст. 8 Закона концессионер не вправе прекращать или приостанавливать деятельность, предусмотренную соглашением, без согласия концедента; концессионер обязан предоставлять потребителям установленные российским законодательством льготы и т. д. Данные нормативные предписания, в принципе выходящие за рамки граждан-

Н.И. Косякова

ско-правовых договорных отношений, направлены на оптимизацию решения вопросов обеспечения населения необходимыми товарами и услугами.

Концессионный договор имеет своей сущностной целью привлечение частных инвестиций в строительство и реконструкцию объектов государственной и муниципальной инфраструктуры. Как полагает И. Дроздов, исходной точкой поиска отличий аренды от концессии служат экономические цели, преследуемые концессией, – создание и модернизация государственной инфраструктуры¹⁰.

Закон о концессионных соглашениях содержит отдельные положения, направленные на сочетание публичного и частного интересов. К ним следует отнести норму о праве концессионера на возмещение убытков, причиненных незаконными действиями государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц этих органов, в соответствии со ст. 18 ГК РФ; положение о возможности концедента (наряду с концессионером) нести имущественную ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств (ст. 16 ГК РФ); запрет представителям концедента при осуществлении контроля за соблюдением концессионером условий соглашения вмешиваться в осуществление хозяйственной деятельности последнего (п. 3 ст. 9 ГК РФ) и некоторые другие.

Анализ Закона о концессионных соглашениях позволяет указать на определенный дисбаланс в регулировании договорных отношений между публичным образованием (концедентом) и предпринимателем (концессионером). Так, в Законе о концессионных соглашениях четко изложены определенные права и обязанности, ответственность концессионера (ст. 8, 10, 12 ГК РФ). Ответственность концедента лишь обозначена ст. 16 Закона, однако о его обязанностях ничего не говорится. Так, в Законе лишь указана обязанность концессионера по внесению платы по договору (ст. 7 ГК РФ), однако не установлено, что в качестве встречного удовлетворения концедент предоставляет в пользование определенное имущество. Концедент вправе в одностороннем порядке расторгнуть договор в случае существенного нарушения со стороны концессионера (ст. 15 ГК РФ). При этом концессионер не вправе претендовать на возмещение убытков, если только они не возникли вследствие незаконных действий (бездействия) органов государства или местного самоуправления.

Между тем отмеченные выше сложные и динамично развивающиеся концессионные соглашения между юридическими лицами публичного и частного права по управлению объектами государственной собственности требуют обеспечить взаимный учет публич-

ных и частных интересов сторон, что должно найти отражение в законодательстве.

Следует заметить, что рассмотренный подход к деятельности юридических лиц публичного и частного права предполагает эффективное обеспечение межотраслевых связей, что, к сожалению, не всегда имеет место. Принятые в разные годы нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность юридических лиц в частно-правовой и публично-правовой сферах, различный узкометодологический подход к понятию юридического лица с точки зрения одной отрасли права, отсутствие должного правового обеспечения взаимосвязей различных отраслей права привели к коллизиям и, как следствие, к снижению эффективности правового регулирования межотраслевых связей юридических лиц как частного, так и публичного права. Каковы причины, способствующие возникновению коллизий? К числу основных причин относятся:

- блокировка норм гражданского права, регулирующая деятельность юридических лиц нормами иных отраслей. Так, правило о взимании налогов и сборов ограничивает частно-правовую активность в предпринимательской деятельности¹¹;

- понятийный аппарат одного и того же явления в отраслях публичного и частного права трактуется по-разному, а порой и противоречиво. Например, в ГК РФ есть договор пожертвования, и в то же время такой вид договора по своей сути нашел отражение в Налоговом кодексе РФ, однако он называется договором благотворительной помощи. Еще пример. В Законе «О банках и банковской деятельности» указываются кредитные организации как коммерческие организации, а значит, они могут создаваться в тех формах, которые предусмотрены для данного вида организаций. Между тем в ГК РФ в нормах о несостоятельности (банкротстве) говорится о банкротстве кредитных учреждений, т. е. некоммерческих организациях;

- противоречивость норм различных отраслей права, регулирующих деятельность юридических лиц, приводит к серьезным казусам. Хотелось бы рассмотреть проблему, находящуюся на стыке гражданского и налогового права. В законодательстве складывается странная ситуация: с одной стороны, Гражданский кодекс РФ категорически запрещает дарение между коммерческими организациями, а с другой – Налоговый кодекс РФ устанавливает правила налогообложения таких сделок. Решение этой коллизии норм актуально для многих организаций.

Безвозмездные сделки (ограничиваемые ст. 575 ГК РФ в рамках дарения между коммерческими организациями суммой в пять минимальных размеров оплаты труда) влекут за собой негативные налоговые последствия для сторон сделки:

Н.И. Косякова

– у юридического лица (или иного плательщика НДС), безвозмездно передающего товары (выполняющего работы или оказывающего услуги), появляется обязанность в силу ст. 146 и п. 2 ст. 154 Налогового кодекса РФ исчислить НДС с рыночной цены; при этом согласно п. 16 ст. 270 НК РФ все затраты, связанные с безвозмездной передачей товаров (выполнением работ, оказанием услуг), у передающей стороны не принимаются для целей исчисления налога на прибыль;

– у юридического лица, получающего безвозмездно товары (работы, услуги), в силу п. 8 ст. 250 НК РФ образуется внереализационный доход, подлежащий обложению налогом на прибыль, исходя из рыночной оценки полученных товаров (работ, услуг).

Противоречивость норм разных отраслей права, регулирующих деятельность юридических лиц, можно проследить и в других отраслях права, в частности гражданском и административном. Так, ГК РФ распространяет на индивидуальных предпринимателей нормы о юридических лицах, а АПК РФ штрафует их за правонарушение в области цен как физических лиц. В связи с чем предприниматели, порой признавая сам факт нарушения дисциплины цен, не могут разобраться, по каким нормам права должно налагаться за это взыскание. Указанный перечень причин не является исчерпывающим, однако и он дает картину недостаточно эффективного правового обеспечения межотраслевых связей юридических лиц.

Подводя итог краткому исследованию проблемы совершенствования межотраслевых связей юридических лиц в условиях рыночной экономики, можно отметить настоятельную необходимость комплексного правового регулирования деятельности юридических лиц как субъектов частно-правовых и публично-правовых отношений в предпринимательской деятельности путем определения в законодательстве правил (коллизионных норм), обеспечивающих согласование действующих норм и регулирующих однородные отношения различными отраслями права.

Примечания

¹ О сущности юридического лица как субъекта частно-правовых и публично-правовых отношений см.: *Косякова Н.И.* Юридические лица в современном праве // Развитие законодательства на современном этапе: доклады и сообщения: Материалы VIII международной научной конференции. М., 2008.

² *Винник О.М.* Системный подход к разрешению проблемы гармонизации публичных и частных интересов в хозяйственной деятельности // Социальная роль

Проблема теории государства и права

- права: история и перспективы: Материалы международной конференции / Под ред. Ю.И. Скуратова. М., 2003. С. 88; *Васильчук Ю.В.* Регулирование земельных отношений, связанных с предоставлением земель для строительства, в аспекте соотношения частных и публичных интересов // Новая правовая мысль. 2006. № 4. С. 22; *Чельшиев М.Ю.* Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. Казань: Изд-во Казанск. гос. ун-та, 2008.
- 3 См.: *Михайлов А.В.* Роль императивных норм в правовом регулировании отношений между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием. Казань, 2005. С. 3–4; *Мозолин В.П.* Современная доктрина и гражданское законодательство. М.: Юстицинформ, 2008. С. 26–27.
 - 4 См.: *Братусь С.Н.* Предмет и система советского гражданского права. М.: Изд-во юрид. лит-ры, 1963. С. 104–105.
 - 5 См.: *Чиркин В.Е.* Юридические лица публичного права. М.: Норма, 2007.
 - 6 *Чельшиев М.Ю.* Концепция оптимизации межотраслевых связей гражданского права: постановка проблемы. Казань, 2006. С. 7–8.
 - 7 См.: *Хавкин В.И.* Способы взаимодействия частного и публичного права в механизме нормативно-правового регулирования экономического оборота // Право и жизнь. 2007. № 108 (3).
 - 8 Там же.
 - 9 См.: *Тихомиров Ю.А.* Договоры между бизнесом и органами власти: Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. С. 109.
 - 10 См.: *Дроздов И.* К правовой природе концессионного соглашения // Хозяйство и право. 2006. № 6. С. 53.
 - 11 См., напр.: *Шиткина И.* Особенности правового статуса холдинга и его участников в налоговом законодательстве // Хозяйство и право. 2005. № 8. С. 102–119. В этой работе, в частности, освещается проблема соотношения ст. 575 ГК РФ (о запрещении дарения) и отдельных положений законодательства о налогах и сборах. При этом автор, анализируя налогово-правовые аспекты отношений по безвозмездной передаче денежных средств и имущества между участниками холдинга, делает обоснованное предложение по совершенствованию ст. 575 ГК РФ.

РАЗВИТИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ РОССИЙСКИМИ СПЕЦИАЛИСТАМИ ЦЕРКОВНОГО ПРАВА

Статья посвящена разработке специалистами в сфере церковного права, являвшегося самостоятельным научным направлением дореволюционной юридической науки, таких вопросов, как понятие особой правовой системы, признаки правового государства, гражданский брак и гражданский развод, наличие вины как признак преступления, допущение раскаяния преступника.

Ключевые слова: церковное право, особая правовая система, церковные наказания, гражданский брак, гражданский развод.

О православном церковном праве условно можно говорить с V в. н. э., так как несмотря на то что официальное разделение христианской церкви на православную и католическую произошло только в 1054 г., противоречия нарастали в течение нескольких веков. Начиная с правления императора Византийской империи Феодосия II (408–450) государственные постановления по делам церкви стали входить в состав законодательных кодексов, а изучение церковного права вошло в систему юридического образования. При императоре Юстиниане в VI в. была провозглашена «симфония властей» и началось составление сборников церковного права и комментирование их. Например, в VI в. константинопольским патриархом Иоанном Схоластиком был составлен Номоканон – свод законов по церковному управлению, переводы которого на Руси получили название Кормчих книг¹. Затем появились сборники Фотия (IX в.), Михаила Пселла (1070 г.), Арсения Афонского (XIII в.), Матвея Властаря (около 1335 г.), Константина Арменопула (1345 г.), которые должны были облегчить исполнение церковных правил.

© Дорская А.А., 2010

В России византийские сборники законов – Номоканон (VI в.), Эклога (VIII в.), Прохирон (IX в.) – издревле считались важнейшими правовыми источниками, содержащими нормы о браке и семье, статусе детей, церковной дисциплине и церковном суде. Однако мысль о необходимости научного осмысления и преподавания церковного права впервые была высказана только в царствование Федора Алексеевича (1676–1682) в проекте устава московской Славяно-греко-латинской академии², но данный устав так и не был принят. Снова к этой проблеме обратился Феофилакт (1670–1741), в миру Федор Леонтьевич Лопатинский, в своей учебной богословской книге «Scientia Sacra (Наука священная) в богословских состязаниях, по учению святой Церкви восточной, Святого Писания, соборов и Отцов, умозрительно и с сопровождением противных мнений, изложенная в московской коллегии царя Петра Алексеевича» (М., 1706–1710)³. В отделе «О праве и праведности» он изложил начала светского и церковного права. Затем вопрос о необходимости преподавания церковного права был поднят митрополитом Платоном в его «Инструкции», написанной в 1776 г. для Славяно-греко-латинской академии, преобразованной затем в Московскую духовную академию⁴.

В 1798 г. появился указ Святейшего Синода, согласно которому во всех духовных академиях вводилось чтение и объяснение Кормчих книг и Книги о должностях приходского священника⁵. В духовных академиях для богословских классов были введены такие новые науки, как герменевтика, церковная история, пасхалия, пастырское богословие и каноническое право⁶.

При Александре I церковное право вошло в курс богословских наук и стало преподаваться в духовных академиях в систематическом виде. В 1808 г. Комиссия духовных училищ рекомендовала составить краткое хронологически-систематическое изложение церковного права⁷.

Развитие науки церковного права с начала XIX в. было детерминировано несколькими причинами. Во-первых, определенная при Александре I проблема необходимости систематизации российского права и попытки ее решения в царствование Николая I предопределили приведение в систему и церковного законодательства, регулирующего важнейшие вопросы жизни подданных Российской империи, таких как правовой статус, семья, имущественные отношения и т. д. Во-вторых, здесь присутствовал политический момент. Многие западные католические и протестантские ученые в своих работах подчеркивали, что в России церковное право «есть нечто недоразвившееся, не определившееся; что оно отчасти есть слабое подражание византизму»⁸. Такая позиция противо-

А.А. Дорская

речила теории официальной народности, провозгласившей три основы русской жизни – «Самодержавие. Православие. Народность», поэтому русские ученые-канонисты должны были опровергнуть эти теории. В-третьих, развитие науки церковного права во многом было обусловлено распространением в России идей исторической школы права. Как отмечает Н.В. Акчурина, направление русской юридической науки, возникшее под влиянием данной школы, занималось главным образом «теоретическим осмыслением процесса происхождения и развития русского права»⁹, что делало неизбежным обращение к церковному праву.

С 1835 г. преподавание церковного права было введено в университетах¹⁰. Преподавание церковного права (законоведения) поручалось профессорам богословия. Определением Святейшего Синода от 10 мая 1840 г. церковные законы были введены также в духовных академиях и семинариях как самостоятельный предмет.

Университетский устав 1863 г. ввел преподавание церковного права на всех юридических факультетах империи и сделал этот курс обязательным для всех студентов-юристов¹¹. Тенденция придания церковному праву статуса юридической науки сохранилась и в Университетском уставе 1884 г. Согласно ст. 57 нового Устава, были созданы кафедры церковного права¹². Кроме духовных академий и университетов церковное право стало преподаваться в Училище правоведения, Военно-юридической академии и ярославском Демидовском лицее.

Статус церковного права как самостоятельной системы правовых норм, науки и учебной дисциплины сохранился до 1917 г. В советское время в связи с отделением церкви от государства и школы от церкви церковные нормы перестали носить характер правовых. Возрождение самой идеи церковного права относится к 1994 г., когда в свет вышла работа В.А. Цыпина «Церковное право». Сейчас данное направление активно развивается. Большинство специалистов (М.Ю. Варьяс, Е.П. Гаранова, Д.Д. Боровой и другие) считают, что на современном этапе церковное право можно рассматривать как корпоративное право¹³.

Дореволюционные специалисты в области церковного права внесли, на наш взгляд, большой вклад в развитие юридической науки.

Во-первых, российские ученые-канонисты, как они сами себя называли, внесли большой вклад в развитие такого понятия, как особая правовая система. Они отрицали, что церковное право является частью внутригосударственного права. Например, А.С. Павлов подчеркивал, что церковное право имеет больше общего с меж-

дународным правом, чем даже с государственным, так как «то и другое стремятся обнять своим действием все человечество»¹⁴. А поэтому церковное право представлялось им особой правовой системой. Так, по словам профессора И.С. Бердникова, «...правовые нормы, по которым живет и управляется церковь, составляют особую область права, стоящую параллельно праву, получившему свое происхождение и значение от государства»¹⁵. Н.А. Заозерский делал вывод о двух возможных вариантах: «...или признать, что сама по себе церковь не в силах сообщить никаких прав, а то, что выдается под именем церковного права, есть в сущности государственное право; или признать, что церковное право есть право совсем иного порядка, не сравнимое ни с публичным, ни с частным правом, ни соподчинено, ни подчинено ни тому ни другому, есть особый род права»¹⁶. Сам ученый защищал вторую точку зрения. Священник М.П. Альбов предлагал выделить церковное право в «особую ветвь права», отличную от публичного и частного права¹⁷.

Хотелось бы отметить, что эту идею активно подхватили российские конституционалисты и юристы-международники. В частности, Ф.Ф. Кокошкин писал в 1912 г.: «Союзов, имеющих свои особые правопорядки, чрезвычайно много. Но, если взять из них лишь те, которые имеют особо важное значение в жизни человечества, и право, которое служит преимущественно предметом изучения для юридической науки, а именно: государство, церковь и международный союз, то ограниченную таким образом область правовых явлений можно разделить на три отдела: право государства (публичное и частное), право церковное и право международное»¹⁸.

Во-вторых, российские специалисты в области церковного права внесли большой вклад в развитие теории правового государства. Например, Н.А. Заозерский в 1888 г. одним из первых создал классификацию государств в зависимости от их взаимоотношений с церковью: 1) «юридическое государство», где ликвидировано опекунство государства над церковью; 2) либеральное государство, при котором реализуется формула «Свободная церковь в свободном государстве»; 3) государство, равнодушно относящееся к вере и церкви; 4) теократическое государство; 5) превосходство церкви над государством¹⁹.

Кроме того, ученые-канонисты внесли значительный вклад в развитие идеи прав человека в России как признака правового государства. Достаточно сказать, что вопрос о свободе совести в российской науке впервые был поднят ярославским специалистом в области церковного права Н.С. Суворовым, который осуществил

А.А. Дорская

перевод и издание с немецкого книги доктора римского и канонического права в Венском университете, члена Академии наук Ф.Б.Х. Маасена (1848–1909) «Девять глав о свободной церкви и о свободе совести» (Ярославль, 1882).

В-третьих, специалисты в области церковного права, изучая вопросы религиозных преступлений и церковных наказаний, развивали идеи о том, что наличие вины является признаком преступления, закон должен допускать раскаяние преступника. Как отмечал Н.С. Суворов, существовало три цели церковных наказаний: 1) исправление преступника, 2) благо целей церкви – «продолжать совершенное Христом дело искупления, через усвоение его заслуг каждым верующим, вести человека к возможному на земле нравственному совершенству и воспитывать его для вечности»²⁰, 3) поддержание и охрана чести церкви по отношению к не принадлежащим к ней²¹. М.Е. Красножен писал, что цель наказания состоит не в возмездии за вину, а в примирении человеческой воли с законом Божиим и в исправлении виновного²². Именно наличие церковных наказаний во всех редакциях Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1845, 1857, 1866 и 1885 гг.) позволило не распространять уголовную ответственность на совершивших невиновные деяния.

В-четвертых, огромная роль в разработке законодательства о гражданском браке и гражданском разводе в России также принадлежит российским ученым-канонистам.

В XIX в. вопрос о гражданском браке стал актуальным по нескольким причинам. В первой половине XIX в. к Российской империи были присоединены новые территории (центральная часть Польши с Варшавой, Финляндия, Грузия, Армения, Азербайджан, часть Бессарабии и др.), населенные представителями различных вероисповеданий и национальностей. Естественно, что в областях, где попеременно проживали представители различных вероисповеданий, возникал вопрос о смешанных браках. Введение гражданской формы брака и развода могло бы значительно упростить решение данного вопроса.

Кроме того, во многих европейских странах – Нидерландах, Англии, Франции, германских государствах, Румынии, Италии, Испании, Швейцарии, Португалии – эта проблема уже была решена положительно.

Изменения в семейном законодательстве не могли не коснуться России: 19 апреля 1874 г. были изданы Правила, согласно которым старообрядцам-беспоповцам было разрешено регистрировать браки в полицейских участках²³. Их толкование сначала не вызвало разногласий специалистов.

Но в 1894 г. начался новый всплеск интереса к Правилам 1874 г. в связи с рассмотрением дела Василия Алексеева (Парфенова). Московская судебная палата считала его виновным в том, что он, состоя с 13 мая 1883 г. в браке с К. Суконщиковой, заключенном по раскольническому беспоповскому обряду и записанном в метрическую книгу, 20 июля 1892 г., приняв православие, вступил в новый брак с крестьянкой Е. Кутилиной. Адвокат В. Парфенова Розенблум считал несправедливым применение к его подзащитному ст. 1554 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, предусматривающей наказание за вступление во второй брак при существовании другого брака, совершенного по обрядам христианской церкви²⁴.

Это дело вызвало серьезную дискуссию в печати среди специалистов в области церковного права. Первой позиции придерживался Н.А. Заозерский, считавший, что «закон придает раскольническому браку особое значение – значение исключительно гражданского брака»²⁵, т. е. что это был первый пример светского (гражданского) брака в России. Похожая позиция была и у Н.С. Суворова²⁶. И.С. Бердников придерживался другой позиции: «Метрическая запись раскольничьих браков имеет в глазах закона значение акта, удостоверяющего существование брака, и тем придающего ему законную силу, а не бракозаключительного»²⁷.

Огромную роль специалисты в области церковного права сыграли в разработке норм введения в России гражданского развода. Определением Святейшего Синода от 28 февраля 1907 г. было образовано Особое при Святейшем Синоде совещание для обсуждения и выработки проекта положения о поводах к разводу. Совещание имело восемь заседаний в марте–апреле 1907 г. Итогом его работы стало опубликование «Проекта положения о поводах к разводу». С серьезной критикой проекта выступил Н.С. Суворов. Он считал, что базой для его разработки должно быть «перечисление бракоразводных дел из ведомства церковного суда в область светского суда»²⁸. Защищать проект Особого совещания стал Н.А. Заозерский. Он считал, что «проект так отвечает назревшим потребностям времени, что кроме приветствия ничего не заслуживает и возбуждает желание скорейшего утверждения законодательным порядком»²⁹.

Таким образом, несмотря на то что многие институты и научное осмысление ими дореволюционного церковного права России устарели, российские специалисты в сфере церковного права внесли вклад в развитие теории государства и права, а также отраслевых наук – конституционного уголовного права и семейного права.

- ¹ См.: Павлов А.С. Первоначальный славяно-русский Номоканон. Казань, 1869.
- ² Смирнов С.К. История Московской Славяно-Греко-Латинской академии. М., 1855. С. 12.
- ³ См.: Прокошев П.А. Канонические труды Иоанна, епископа Смоленского. Казань, 1895. С. 7.
- ⁴ Смирнов С.К. Указ. соч. С. 294.
- ⁵ Полное собрание законов Российской империи. Т. 15. № 18726. П. 4.
- ⁶ Смирнов С.К. Указ. соч. С. 296.
- ⁷ Чистович И.А. История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 191.
- ⁸ Заозерский Н.А. Право православной греко-восточной русской Церкви как предмет специальной юридической науки. М., 1888. С. 2.
- ⁹ Акчурина Н.В. Историческое направление в русском правоведении XIX века. Автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2000. С. 19.
- ¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. X. Отд. I. № 8337. СПб., 1836. С. 843.
- ¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XXXVIII. Отд. I. № 39752. СПб., 1866. С. 623.
- ¹² Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. X. Отд. I. № 2404. СПб., 1887. С. 464.
- ¹³ Варьяс М.Ю. Церковное право в романо-германской правовой системе. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 18–24; Гаранова Е.П. Церковное право в правовой системе российского общества (общетеоретический и исторический аспекты). Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004. С. 9–10; Боровой Д.Д. Каноническое (церковное) право как нормативная система социально-правового регулирования. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 13.
- ¹⁴ Павлов А.С. Курс церковного права. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1902. С. 13.
- ¹⁵ Бердников И.С. Церковное право как особая самостоятельная правовая область и его отношение к общей системе права. Казань, 1885. С. 6.
- ¹⁶ Заозерский Н.А. Указ. соч. С. 44–45.
- ¹⁷ Альбов М.П. Краткий курс лекций по церковному праву. СПб., 1882. С. 1–2.
- ¹⁸ Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С. 149.
- ¹⁹ Заозерский Н.А. Указ. соч. С. 85–92.
- ²⁰ Послание к Ефесеянам. IV. 11–13.
- ²¹ Суворов Н.С. О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву. СПб., 1876. С. 27.
- ²² Красножен М.Е. Краткий очерк церковного права. Юрьев, 1900. С. 116.
- ²³ Высочайше утвержденные Правила о метрической записи браков, рождения и смерти раскольников от 19 апреля 1874 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XLIX. Отд. I. № 53391. С. 653.

- 24 См.: *Бердников И.С.* Вторая заметка по вопросу о раскольническом браке. Казань, 1896. С. 10.
- 25 *Заозерский Н.А.* Что такое раскольничий брак // Богословский вестник. 1895. Февраль. С. 268.
- 26 *Суворов Н.С.* Курс церковного права. Ярославль, 1890. Т. 2. С. 330–331.
- 27 *Бердников И.С.* Указ. соч. С. 4.
- 28 *Суворов Н.С.* Замечания на «Проект положения о поводах к разводу, составленный Особым совещанием при Святейшем Синоде». М., 1908. С. 49–50.
- 29 *Заозерский Н.А.* К вопросу о злонамеренном оставлении одним супругом другого как основании расторжения брака (по поводу книги Н.С. Суворова «Замечания на «Проект положений о поводах к разводу»»). Сергиев Посад, 1908. С. 1.

В.Н. Белоновский

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО НОРМАМ ПОЛОЖЕНИЯ О ВЫБОРАХ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с установлением мер юридической ответственности по нормам Положения о выборах в Учредительное собрание России в 1917 г., в том числе меры уголовной, административной и государственно-правовой ответственности, применявшиеся в электоральной практике в рамках формирования последнего представительного органа в России парламентского типа.

Ключевые слова: Учредительное собрание, представительный орган, законодатель, избирательный список, правонарушение, преступление, проступок, воспрепятствование, подкуп, юридическая ответственность, наказание, санкция, лишение избирательных прав, тюремное заключение, казнь, штраф.

Положение о выборах в Учредительное собрание¹ стало результатом деятельности Особого совещания и явилось заметным событием того времени. В его работе, по подсчетам исследователей, приняло участие 112 человек², среди которых были выдающиеся юристы профессора Ф.Ф. Кокошкин, В.М. Гессен, С.А. Котляревский, сенатор В.Д. Набоков. Именно под их руководством, с их непосредственным участием было подготовлено Положение о выборах в Учредительное собрание³, которое не только принципиально отличалось от законов по выборам в Государственную думу, но и вообще явилось наиболее развитым нормативным правовым актом в системе избирательного законодательства России⁴, воплотив в себе многие достижения мировой электоральной культуры того времени.

В Положении значительное внимание уделено юридической ответственности за нарушение установленного порядка выборов,

© Белоновский В.Н., 2010

представленной как государственно-правовой, так уголовно-правовой и административно-правовой разновидностями; оно подробно регламентирует категории лиц, лишенных избирательных прав. Здесь возникает вопрос: можно ли считать мерами юридической ответственности лишение права участия в выборах? Представляется, что это так, поскольку только включение в список избирателей является юридическим основанием для реализации избирательных прав. Право участия в выборах в каждом избирательном участке имеют лишь лица, внесенные в избирательный список (ст. 7 Положения). Отсюда невключение в этот список является негативной реакцией государства:

- на противоправное поведение субъектов избирательного права;
- на факты неполной или ограниченной правосубъектности лиц, хотя они и не совершали правонарушительных действий;
- в отношении лиц, не соответствующих системе цензовых квалификаций.

В любом из этих случаев, хотя они имели различную природу и формы проявления, реакция государства одинаковая – невключение в списки избирателей лиц данных категорий, несмотря на то что у их значительной части не наблюдалось признаков виновности, что может рассматриваться как применение мер юридической, в данном случае государственно-правовой, ответственности (по избирательному праву) к упомянутой категории лиц.

Так, в соответствии со ст. 4 Положения в выборах не могли участвовать признанные в установленном порядке безумными или сумасшедшими, а также глухонемые, находящиеся под опекой. По поводу последней категории лиц, довольно редко встречающейся в тексте избирательных нормативных актов, стоит отметить, что они не являлись полностью недееспособными, однако в отношении их также принималась указанная мера – невключение в избирательный список.

В этом плане меньше вопросов возникает по категории лиц, указанных в ст. 5 Положения, – отбывающих наказание в силу судебного решения, хотя и здесь следует отметить, что сама статья имела налет казуистичности, и невключение в список избирателей было наказанием, дополняющим основное, предусмотренное приговором суда, а также состояние судимости, закрепленное в конкретных статьях пяти актов уголовного законодательства, действовавших в то время: Уложения о наказаниях уголовных и исправительных; Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями; Уголовного уложения; Военского устава о наказаниях; Военно-морского устава о наказаниях⁵. Безусловно, на содержании статьи сказалось и военное время, переживаемое страной: не случайно в избирательное законодательство включались статьи двух военных уставов.

В соответствии со ст. 5 Положения права участия в выборах лишались: 1) присужденные вступившими в законную силу судебными приговорами, если они не восстановлены ранее в правах состояния: а) к каторжным работам (каторге) – до истечения десяти лет по отбытии наказания этими работами; б) к ссылке на поселение, к отдаче в исправительные арестантские отделения, к заключению в исправительный дом, тюрьму или крепость с лишением или ограничением прав состояния – до истечения пяти лет по отбытии наказания; 2) осужденные за кражу, за исключением предусмотренной в п. 2 ст. 171 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, мошенничество, присвоение или растрату вверенного имущества, за исключением растраты, предусмотренной ч. 2 ст. 177 того же Устава и ч. 2 ст. 1681 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, укрывательство похищенного, покупку или принятие в заклад в виде промысла заведомо похищенного, подлог, ростовщичество, лихоимство и лиходействие, а также за сводничество и потворство непотребству, а равно за деяния, имевшие целью нарушение свободы и правильности выборов в законодательные учреждения и органы самоуправления, – до истечения трех лет по отбытиям наказания; 3) несостоятельные должники, признанные на основании вступивших в законную силу судебных определений банкротами злонамеренными, – до истечения трех лет по таковым признаниям; 4) военнслужащие, самовольно оставившие ряды войск за исключением тех из них, которые до истечения срока обжалования избирательных списков (ст. 32) представят надлежащие удостоверения или о признании их отлучки уважительной, или об искуплении вины последующей доблестной службой, или приговором суда об оправдании либо присуждении к наказанию, не сопряженному с правопоражением.

В продолжение этих санкций в соответствии со ст. 6 Положения, военнслужащие независимо от случаев, указанных в ст. 5 Положения, лишались права участия в выборах, когда вступившими в законную силу приговорами они признаны виновными в преступных деяниях, предусмотренных ч. 3 ст. 162 и ст. 163 Воинского устава о наказаниях и ч. 3 ст. 162 и ст. 163 Военно-морского устава о наказаниях, а также в соответствующих деяниях, предусмотренных ст. 165¹ Воинского устава о наказаниях и прим. к ст. 165 Военно-морского устава о наказаниях, если только виновным добровольно не пополнено растраченное и промотанное им, а также если со дня отбытия ими наказания не прошло трех лет. Те из военнслужащих, отбытие коими назначенных им по суду наказаний (ст. 5 и 6 Положения) отсрочено до окончания войны, не лишаются права участия в выборах.

Статья 9 Положения специально оговаривала круг лиц, которые, хотя и были внесены в избирательные списки, но ко времени производства выборов утратили избирательные права (ст. 4–6 Положения), «равно как и те, кои к указанному времени окажутся лишенными свободы или на основании вступивших в законную силу судебных приговоров или вследствие привлечения их судебной властью в качестве обвиняемых в каком-либо преступном деянии с избранием в отношении их мерой пресечения содержание под стражей».

Обращает на себя внимание и последняя новелла данной статьи: подозреваемые, в отношении которых была применена мера пресечения в виде содержания их под стражей, автоматически лишались избирательных прав, активных и пассивных, несмотря на то что и были включены в избирательные списки. Безусловно, эта антидемократическая мера могла быть использована в корыстных целях изоляции на время выборов неугодных правящему кругу лиц, кандидатов в делегаты или отдельных избирателей.

Лишались активного и пассивного права при выборах в Учредительное собрание и члены царствовавшего в России до Февральской революции Дома Романовых, что было закреплено ст. 10 Положения. Представляется, что введение данной нормы, даже с учетом переживаемого момента, не являлось достаточно обоснованным, носило явно дискриминационный характер и было продиктовано не велением времени, а непонятной политической целесообразностью, псевдodemократическим представлением о будущности российской государственности, гиперболизацией опасности, которую могли представлять члены бывшей монархической семьи, абсолютным отрицанием позитивного участия этих государственных лиц в дальнейшей судьбе России.

Следует отметить, что нормы Положения о выборах в Учредительное собрание более детально регламентировали последовательность, сроки и порядок обжалования составления избирательных списков. Впервые в электоральной практике России в этом процессе были задействованы окружные суды. Так, например, в течение 10 дней «по объявлении избирательного списка во всеобщее сведение» представитель местной административной власти мог заявить протест, а лица, пользующиеся правом участия в выборах, могли подавать жалобы на неправильность или неполноту этого списка (ч. 1 ст. 32 Положения). Эти протесты и жалобы подавались вначале в городскую или поселковую управу или волостную земскую управу (ч. 2 ст. 32 Положения). Почему именно в эти инстанции следовало первоначальное обращение, ответ давала ст. 26 Положения, закреплявшая за ними составление списков избирателей.

Именно городские, поселковые управы и волостные земские управы, по принадлежности, своей властью могли удовлетворять «по признанию их заслуживающего уважения» жалобы на «невключенные жалобщиков» в избирательные списки, если таковые жалобы поданы не позднее, чем за пять дней до срока, указанного в ч. 1 ст. 32 (п. 1 ст. 33 Положения). В соответствии с п. 2 ст. 32 Положения управы должны были рассматривать и жалобы на помещение в списках неправильных сведений о «жалобщиках». О своем решении управы должны были сообщать заявителям.

Данные протесты и жалобы, а также протесты и жалобы на дополнительный список, рассматривались в пятидневный срок уездными и городскими по делам о выборах в Учредительное собрание комиссиями в порядке открытого заседания, установленного для рассмотрения дел административными судьями, согласно Положению об административных судах⁶. Лицами, участвующими в деле, кроме заявителей, принесших протест или жалобу, могли быть и представители управы, составлявший обжалованный список, а также те лица, чьи избирательные права в данном случае оспаривались (ст. 38 Положения).

Как уже отмечалось, впервые в электоральной практике России в рассмотрении избирательных споров, протестов и жалоб принимал участие и окружной суд. В соответствии со ст. 39 Положения решения уездной и городской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссий могли быть в десятидневный срок опротестованы и обжалованы в окружной суд по административному отделению, который должен был рассмотреть дело в пятидневный срок (ст. 40 Положения). Рассмотрение протестов и жалоб в окружном суде не приостанавливало выборного производства. Исправленные решением суда избирательные списки не позднее, чем за десять дней до выборов, «вновь объявляются во всеобщее сведение способом, наиболее обеспечивающим доступность обозрения этих списков» (ст. 41 Положения).

Положение не содержит прямых указаний на другие категории дел, которые могли быть рассматриваемы окружными судами, но при расширительном толковании и по смыслу ст. 34, 35, 38, 39 Положения можно предположить, что суд рассматривал и другие категории дел, не поименованные в ст. 32, 33, 38, 41 Положения.

В процессе представления кандидатских списков «во всеобщее сведение» в помещениях комиссий и в печати могли происходить различные подтасовки фамилий, не исключено, что и списков в целом, тем более что ситуация осложнялась возможностью объединения списков и их вхождением в другие. Законодатель, предвидя это, вводил довольно строгую ответственность за такие нарушения: составление и распространение «заведомо неправильных кандидатских списков» наказывалось тюремным заключением (ст. 100

Положения). Та же мера наказания предусматривалась и за распространение заведомо недействительных избирательных записок, которыми производилось голосование (ст. 55 Положения).

Значительное внимание законодателем уделено проблеме воспрепятствования проведению выборов. Впервые в практике выборов в Учредительное собрание мы встречаемся и с проблемой непредоставления информации. Речь шла о лишении части избирателей возможности воспользоваться их избирательным правом, что было связано с нарушением должностными лицами обязанности предоставлять гражданам предусмотренную законом информацию по выборному процессу. Это могла быть информация персонального характера, представляющая интерес для части избирателей и непосредственно затрагивающая их избирательные права, или информация, связанная с выборами в целом, представляющая общественный интерес.

В ряде статей более развернуто, чем в предыдущих избирательных актах, давалась регламентация предвыборной агитации с установлением юридической ответственности за ее нарушение. В ст. 108 Положения законодатель ввел норму о воздействии на избирателя запрещенными средствами, в том числе и подкупом с целью побудить его голосовать в выгодном для виновного варианте. Виновный в склонении избирателя посредством обещания или доставления имущественной или личной выгоды самому голосующему или члену его семьи к воздержанию от участия в выборах в Учредительное собрание или к голосованию определенным образом наказывалось заключением в тюрьму. Этому же наказанию подлежал избиратель, потребовавший или принявший имущественную или иную личную выгоду с целью, указанной в ч. 1 ст. 108 Положения. Так, виновный в угощении избирателей, чтобы склонить их к голосованию при выборах в Учредительное собрание в пользу свою или других лиц, наказывался арестом. Данная статья имеет элементы казуальности.

Положение о выборах в Учредительное собрание довольно подробно и казуально перечисляет лиц, которые лишались права участия в выборах (ст. 4–6 Положения). Если кто-либо, не имеющий избирательных прав (заведомо не имея на то права) или лишенный их, все-таки принимал участие в выборах, это являлось основанием для привлечения виновного к ответственности по основаниям ст. 110 Положения. По ч. 2 данной статьи такому же наказанию в виде ареста подвергались и лица, которые: а) голосовали более одного раза; б) голосовали более одного раза в различных избирательных округах или участках; в) голосовали вместо другого лица; г) голосовали вместо другого лица, хотя бы и по его просьбе.

Определение результатов голосования составляет важнейший этап избирательного процесса. Эта заключительная стадия выборов

В.Н. Белоновский

регламентируется статьями гл. VII Положения. Ответственность за неправильно определенный результат голосования предусмотрена ст. 111 Положения: «Виновный в умышленном искажении результатов голосования при отобрании, подсчете или оглашении избирательных записок либо в умышленном повреждении или похищении поданных избирательных записок или избирательных производств, либо в подложном добавлении избирательных записок или изменении избирательных производств наказывается заключением в исправительный дом на срок не свыше трех лет. Покушение наказуемо». Нарушение тайны голосования квалифицировалось по ст. 112.

Таким образом, анализ соответствующих норм Положения показывает довольно строгое отношение законодателя к нарушению избирательных прав граждан и порядка проведения выборов в Учредительное собрание. Мерами юридической ответственности являлись такие наказания, как каторга, заключение в исправительный дом, заключение в крепость, арест, денежная пеня (см. таблицу).

Таблица

Наказания за нарушение избирательных прав граждан и порядка проведения выборов в Учредительное собрание

Виды наказания	Статьи Положения о выборах в Учредительное собрание
Каторга	Часть 2, ст. 106 (на срок не свыше шести лет)
Заключение в исправительный дом	Часть 1, 2 ст. 99; ч. 2 ст. 101; ст. 105 (не свыше трех лет); ч. 1 ст. 106; ст. 111 (не свыше трех лет)
Заключение в тюрьму	Статья 97 (не свыше шести месяцев); ст. 98 (альтернативная мера – арест); ст. 100; ч. 2 ст. 101; ст. 102 (не свыше шести месяцев); ст. 104; ч. 1, 2 ст. 108
Арест	Статья 96 (не свыше одного месяца; альтернативная мера – денежная пеня); ст. 98 (альтернативная мера – заключение в тюрьму); ст. 103 (не свыше трех месяцев; альтернативная мера – денежная пеня); ст. 107; ст. 109; ч. 1, 2 ст. 110; ст. 112; ст. 113 (если «сие деяние по данной статье не подлежит более строгому наказанию»)
Денежная пеня	Статья 96 (не свыше 100 рублей; альтернативная мера – арест); ст. 103 (не свыше 1000 рублей; альтернативная мера – арест)

Кроме того, в соответствии с ч. 1 ст. 30 Уголовного уложения лишались избирательных прав лица, приговоренные к каторге, ссылке на поселение или к заключению в исправительный дом, а также к соединенному с лишением прав состояния заключению в тюрьму (ст. 27). В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 30 Уголовного уложения они не могли «участвовать в постановлениях и выборах словесных собраний и быть избирателем или избираемым в земских, городских или общественных собраниях». Права, утраченные на основании ст. 30 Уголовного уложения, приобретались вновь по прошествии сроков: для приговоренных к каторге или ссылке на поселение – десяти лет по их освобождении, такой же срок предусматривался и для освобожденных из исправительного дома. Срок по освобождении из тюрьмы определялся в пять лет (ч. 1 ст. 31 Уголовного уложения). Но эти сроки по просьбе осужденных могли быть сокращены в силу положительных характеристик, если к этому времени истекала половина указанных сроков и в последнем месте жительства они проживали не менее двух лет (ч. 2 ст. 31 Уголовного уложения).

Права, в том числе и избирательные, по истечении сроков судимости для лиц, отбывших наказание, восстанавливались в полном объеме, за исключением случаев, «в коих восстановление их истечением каких-либо сроков было бы несогласно с особыми постановлениями закона» (ч. 1 ст. 31 Уголовного уложения).

К сожалению, правоприменение по нормам Положения о выборах в Учредительное собрание не дало обширной практики, особенно ее судебной составляющей. Выборы в Учредительное собрание проходили в трагическое для России время слома традиционной государственности, в том числе и в части судебной системы, перехода к институтам революционного правосудия. Сам институт Учредительного собрания для новой советской власти являлся рудиментарным, ненужным, более того, потенциально опасным, поэтому последовательно он был низведен и поставлен вне революционного закона.

Примечания

- ¹ См. об этом: Учредительное собрание. Россия. 1918. Стенограмма и другие документы. М., 1991; *Скрипильев Е.А.* Всероссийское Учредительное собрание. М., 1982; *Знаменский О.Н.* Всероссийское Учредительное собрание. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. Л., 1976. Т. 9. С. 129–189.
- ² *Знаменский О.Н.* Указ. соч. С. 126.

В.Н. Белоновский

- ³ СУ. 1917. № 169. Ст. 915; № 251. Ст. 1801.
- ⁴ Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции. М.: Юридическая литература, 1994. С. 135.
- ⁵ Уложения о наказаниях уголовных и исправительных // СЗ. Т. XV. Изд. 1914 г. по Прод. 1912 г. Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями // СЗ. Т. XV. Изд. 1914 г.; Уголовного уложения // СЗ. Т. XV. Изд. 1909 г.; Военского устава о наказаниях // Свод военных постановлений. 1869. Кн. XXII изд. 4; Военно-морского устава о наказаниях // Свод морских постановлений. Кн. XVI. Изд. 1915 г.
- ⁶ СУ. 1917. Ст. 692.

И.А. Коссов

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ В ПЕРВЫХ НАРОДНЫХ СУДАХ РСФСР (1917–1918 гг.)

В статье рассматриваются отдельные аспекты формирования института защиты в народных судах РСФСР в самый начальный период их становления – с декабря 1917 г. по конец 1918 г. Анализируются положения первых нормативных правовых актов о народном суде, так или иначе затрагивавших организацию и осуществление защиты подсудимых в уголовном процессе.

Ключевые слова: институт защиты, народный суд, декреты о суде, адвокатура, защитник, коллегии правозаступников, единый народный суд.

Одним из важнейших прав, лежащих в основе уголовного судопроизводства, является право подсудимого на защиту. Однако реализация этого права вряд ли может быть эффективной без использования опыта прошлых лет, в том числе периода Советской власти.

История института защиты в первый послереволюционный год достаточно сложна и неоднозначна. Стремление «до основания разрушить, а затем...» коснулось как самих судебных учреждений, так и одной из ключевых составляющих прежнего судопроизводства – института защиты. И практически тут же, еще не успев до конца сломать старое, новая власть стала предпринимать попытки строительства собственного суда и организации системы советского судопроизводства. Отводилось ли в этой системе место защите подсудимого?

Декрет «О суде» № 1¹ практически не содержал норм, устанавливавших и регламентировавших защиту подсудимого. Единственным упоминанием об этом праве явилась норма, допускавшая к ро-

© Коссов И.А., 2010

И.А. Коссов

ли защитников «всех неопороченных граждан обоего пола, пользующихся гражданскими правами». Однако декрет содержал одну «знаменательную» норму, напрямую затрагивавшую защиту, – о ликвидации присяжной и частной адвокатуры. Уничтожение этого института было вызвано, на наш взгляд, двумя причинами. Во-первых, Советская власть не могла мириться с такой «независимой и свободолобивой организацией», как всегда была самоуправлявшаяся российская адвокатура. «На что не мог решиться Иван Щегловитов, на то с легким сердцем пошел Петр Стучка»². Во-вторых, представителям нового государственного строя, отрицавшим право как общечеловеческую ценность, было крайне сложно найти общий язык с людьми, в большинстве своем воспитанными на уважении к праву, коими являлись российские адвокаты. В шаге большевиков по упразднению адвокатуры прослеживается определенная логика. В будущем, скорее всего, должно было произойти и упразднение суда как государственного института и замена его неким полностью подотчетным исполнительной власти административным органом. Но в силу определенных причин, о которых нет возможности говорить в этой статье, большевики были вынуждены на неопределенное время сохранить суд и даже предпринять попытку создания собственного аналога института профессиональных защитников. Тут достаточно ярко проявилось стремление новой власти сказать свое новое слово, придумать некий собственный алгоритм осуществления защиты в советском суде. Этим во многом и объясняются те колебания в организации института защиты, которые наблюдались в первый послереволюционный год.

В первые месяцы Советской власти установился достаточно демократический, а скорее «идиллический», порядок осуществления защиты – функция защитника (как, кстати, и обвинителя) поручалась желающим из публики по приглашению судьи. Однако с установлением такого порядка защита практически снова перешла в руки прежней адвокатуры и стала, по мнению большевиков, «средством агитации против советского строя и его организаций, а в первую голову против народного суда»³.

Декрет «О суде» № 2⁴, принятый уже в феврале 1918 г. при активном участии представителей партии левых эсеров, изменил порядок организации защиты. Обвинению и защите в декрете посвящалась отдельная глава. Содержавшиеся в ней нормы предусматривали широкую состязательность при рассмотрении уголовных дел. Судебное следствие по любым делам происходило при участии обвинения и защиты. Декрет впервые упоминал о «коллегиях лиц, посвятивших себя правозащитничеству как в форме общественного обвинения, так и общественной защиты», – коллегиях пра-

возаступников. Такие коллегии создавались при Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и состояли из лиц, избранных этими Советами. Согласно ст. 25 декрета только члены коллегии могли осуществлять в суде защиту за плату. Интересно, что декрет частично сохранял и элемент прежнего «идиллического» порядка защиты – в судебных прениях, кроме указанных защитников, мог участвовать и один защитник из присутствующих на судебном заседании лиц (ст. 28).

После ухода левых эсеров из Наркомюста у большевиков появилась возможность заняться строительством той судебной модели, за которую они боролись с первых дней революции. В ноябре 1918 г. ВЦИК утвердил «Положение о народном суде РСФСР»⁵, явившееся своеобразным закреплением в стране единого народного суда. Его нормы были лишены элементов «левоэсеровского либерализма», которыми был пронизан ряд предыдущих актов о суде.

Претерпел существенные изменения и порядок осуществления защиты. Право подсудимого на защиту снова не получило прямого закрепления. Однако содержание ряда статей дает основание сделать вывод о признании этого права (пусть даже и в крайне усе-ченном объеме).

При негативном отношении некоторых советских юристов того времени к институту защиты («для негодяя защитник не нужен»), Положение предусматривало участие защитников как в предварительном следствии, так и в судебном рассмотрении уголовных дел. В подавляющем большинстве случаев право на решение вопроса о допущении к участию в судебном процессе защитника законодатель оставлял за судом, который, в случае имевшегося об этом ходатайства подсудимого, решал данный вопрос в распорядительном заседании или непосредственно при рассмотрении дела по существу. Обязанность привлечения к участию в процессе защитника (но отметим, что опять лишь по просьбе подсудимого) возникала у суда только в двух случаях: если уголовное дело рассматривалось с участием шести заседателей и если судом признавалась необходимость участия в процессе обвинителя. Как показал последующий опыт, процессы с шестью заседателями составляли очень незначительный процент среди всех процессов по уголовным делам в народных судах. Не так часто рассматривались дела и с участием обвинителя. Поэтому «потребность в защите по уголовным делам не давала себя знать уже в силу самой структуры народного суда, лишённого формальностей и комплектуемого из представителей широких трудящихся масс»⁶. Было навсегда покончено и с остатками «идиллического» порядка защиты – вызовом судьей защитника из зала.

Нормы Положения практически не устанавливали прав защитника. Единственная норма, содержащаяся в ст. 70 Положения, определяла, что последнее слово обвиняемого произносится «после защитника, если таковой участвует в деле». Положение не давало защитникам права на кассационное обжалование приговора в интересах осужденного. Согласно примечанию к ст. 75 приговоры могли быть обжалованы только обвиняемыми, лицами и учреждениями, возбудившими уголовное преследование, а также местными Советами рабочих и крестьянских депутатов. Не предусматривался и вызов защитников на слушания в кассационной инстанции – Совете народных судей. В соответствии со ст. 88 Положения туда вызывались потерпевшие, обвинители, стороны и лица, заявлявшие права на вещественные доказательства.

Серьезную реорганизацию претерпели и коллегии правозащитников. Принципы их построения и кадровый состав изначально раздражали большевиков. Впоследствии нарком Курский вспоминал: «Эта организация в самой себе заключала зародыш своего разложения: гонорар, т. е. по существу спекуляция, и явно узкий кадр сколько-нибудь способных защитников, при невозможности включать в ряды защитников опытных специалистов буржуазной адвокатуры, стоявшей тогда поголовно на стороне врагов трудящихся классов, свели коллегии правозащитников к скверной копии былой корпорации присяжной адвокатуры. Требовалась новая постановка дела защиты, которая учитывала бы этот явный уклон правозащитничества к невозвратному прошлому»⁷.

И дело защиты было поставлено «по-новому». Члены коллегии правозащитников, уже значившиеся в Положении как «должностные лица Советской республики, получавшие содержание в размере оклада, устанавливаемого для народных судей, по смете НКЮ РСФСР», оказались, подобно остальным советским чиновникам, переведенными на обязательную трудовую повинность и должностной оклад. Избрание членов коллегий осуществлялось Советами на общих основаниях со всеми остальными должностными лицами. Защитники прикомандировывались к судам советами коллегий, суды же сами назначали подсудимому защитника.

Состав коллегий оставался достаточно пестрым. Одну его часть составляли преимущественно бывшие члены присяжной адвокатуры (без помощи которых новая власть, как ни старалась, но все еще не могла обходиться), другую – самые разнообразные люди, как правило, не имевшие ранее опыта судебной защиты. В Петроградской коллегии правозащитников встречались даже бывшие журналисты и поэты⁸. Плата за участие в процессах определялась и взималась с обвиняемых судом и зачислялась в доход государства по

смете Наркомюста. Защитники были лишены права брать с клиентов гонорары. Получение гонораров стало квалифицироваться советскими властями как взяточничество. Иногда власти шли дальше и обвиняли защитников, например, в том, что деньги, тайно данные клиентом, предназначались для подкупа судей. Примером тому является судебный процесс по обвинению членов Петроградской коллегии правозаступников⁹.

Следует отметить, что право на защиту не получило прямого закрепления в актах о суде указанного периода, налицо были лишь некоторые отдельные элементы этого права. Их реализация в большинстве случаев ставилась в зависимость от усмотрения суда. Разрушив существовавшую российскую адвокатуру, советская власть к концу 1918 г. так и не смогла построить собственного целостного института защиты, в полной мере отвечающего цели «содействия суду в деле наиболее полного освещения всех обстоятельств, касающихся обвиняемого». Все, что получилось, – было лишь практически полным бесправием защитника в процессе, придание ему статуса должностного лица и уравнивание в денежном содержании с народным судьей.

Примечания

- 1 СУ РСФСР. 1917. № 4.
- 2 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5881. Оп. 1. Д. 182 «Советская юстиция. Из личных воспоминаний М.К.».
- 3 *Курский Д.И.* Избранные речи и статьи. М., 1947. С. 66.
- 4 СУ РСФСР. 1917. № 26. Ст. 420.
- 5 СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.
- 6 *Курский Д.И.* Указ. соч. С. 67.
- 7 Там же. С. 66.
- 8 ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 182.
- 9 Там же.

А.А. Турыгин

ФОРМЫ ЛЕГИТИМАЦИИ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИИ

Статья посвящена проблеме анализа и определения форм легитимации королевской власти в средневековой германской истории. Автор раскрывает способы обеспечения процесса восприятия и признания королевской власти в Германии, с помощью которых поддерживался и сохранялся институт монархии.

Ключевые слова: легитимация (личная, родовая, сакрально-символическая, правовая), способы и формы легитимации, обряды помазания и коронации.

Проблема легитимности королевской власти в эпоху раннего Средневековья стала актуальной сравнительно недавно и первоначально являлась предметом особенного интереса философов и историков¹. Намерения исследователей преимущественно были связаны с изучением института монархии в целом, причинами ее формирования и продолжительного существования в Европе, типами господства и формами влияния монархии на население и массовое сознание европейских народов. Более того, в начале XX в. в трудах ученых делалась попытка научного осмысления форм и способов легитимации королевской власти, обеспечивавших ее сохранность и продолжительное существование. В связи с этим под легитимацией королевской власти понимался процесс обеспечения и признания исключительных возможностей и прав монарха². Этот процесс был связан с «отбором» форм, методов и средств, дававших возможность монархам постоянно подчеркивать и репрезентировать особенный статус королевской власти.

В настоящей статье речь пойдет не о самом процессе легитимации королевской власти, предполагающем последовательность эта-

© Турыгин А.А., 2010

пов становления, утверждения, принятия и восприятия средневековым человеком королевской власти, а о тех формах, которые обеспечивали его в разное историческое время и в силу определенных обстоятельств имели первостепенное значение.

Во второй половине XX в. историки европейского Средневековья обратили внимание на факторы, обеспечивавшие процесс легитимации королевской власти, ее ритуально-символический характер, влияние на сознание и ментальность средневекового человека, механизмы принятия института монархии в целом³.

У современных исследователей появилась возможность обратиться к особенностям процесса легитимации королевской власти в отдельных европейских странах.

Как представляется, изучение специфически национальных особенностей легитимации власти монархов в Европе проясняет некоторые аспекты из истории государственности европейских стран эпохи Средневековья. Некоторые из этих особенностей можно раскрыть через формы легитимации королевской власти. Для раннего Средневековья гипотетически их можно представить через совокупность личных, родовых, сакрально-символических и правовых форм легитимации. Их можно проследить на примерах «классических» стран средневековой европейской истории – Франции, Англии и Германии. Во Франции и Англии легитимация королевской власти преимущественно была связана с ее освящением через обряд помазания, совершавшийся священнослужителями, «королевским чудом»⁴. На механизмы восприятия королевской власти в Германии также оказали большое влияние христианские обряды и таинства, связанные с ее освящением, как, впрочем, для всех стран раннесредневековой Европы, но приоритетными стали иные формы легитимации, обусловленные спецификой исторического развития страны.

Для западноевропейских стран эпохи Средневековья, как справедливо заметил Э. Канторович, политическое мышление представляло собой не что иное, как секуляризованную теологию, а представления о верности и преданности – скорее всего завуалированную христианским учением концепцию средневековой королевской власти⁵.

Сакрализация верховной власти – широкое явление в средневековой эпохе. К изучению феномена сакрализации обращались ведущие западные историки и антропологи (М. Вебер, М. Блок, Э. Сервис, Р. Карнейро, Р. Салинс и другие).

Сакрально-символическая форма легитимации королевской власти в эпоху раннего Средневековья для стран Западной Европы имела большое значение. Безусловно, что корона, скипетр, держа-

ва, жезл правосудия и т. д. наполняют содержанием контекст королевской власти и не могут быть изучены в отрыве от ритуалов и церемоний, в которых они использовались. Символизм, приобретший сакральный характер, отражал в этом случае не только внешние очертания королевской власти, но и формировал ее должное восприятие. Источником сакрально-символической формы легитимации королевской власти в раннем Средневековье выступала религия. В странах рано начавших культивировать христианство, символы королевской власти приобрели специфически религиозное значение. Историк средневековой Европы Жорж Дюби в одной из своих работ делает вывод о связи символики королевской короны с терновым венцом Христа⁶. Однако христианский символизм королевских регалий существовал наряду с традиционным, основанным на языческих верованиях и античных представлениях о власти.

О традиционном для германских племен обычае возложения короны на голову правителя пишет немецкий историк Дитрих Клауде. Он отмечает, что еще до появления христианской веры символами правителя были «металлический обруч и роскошно отделанные шлемы»⁷.

Оттон I, которого в историографии называют создателем Германской империи, предпочел быть коронованным как император⁸. Церемония была совершена в Риме в 962 г. Эта процедура иллюстрирует скорее необходимость преемственности античной Римской империи с империей наследников Карла Великого и, если точнее, легитимирует имперские (территориальные) амбиции германских правителей. Более того, германский император самым ярким способом подчеркнул свою независимость и самостоятельность от прямых потомков Карла Великого, правивших во Франции. Эта форма легитимации власти была направлена прежде всего вовне, для обеспечения статуса нового государственного института власти – империи. Как подчеркнул французский историк Ф. Рапп, «имперская корона была лишь украшением, выставленным напоказ мелкопоместными князьками»⁹.

Для большинства западноевропейских стран обряд помазания короля совершался в присутствии и при непосредственном участии представителей духовенства. Потребность в освящении королевской власти испытывали правители из династии Каролингов, независимо от времени пребывания на троне. Так, спустя только лишь десять лет после вступления на престол был помазан и коронован Карл Лысый (838–877). Потребность в этой процедуре монархи испытывали, чтобы обеспечить престиж и признание своей власти христианами. Процедуру освящения своей личной власти исполь-

зовали в равной степени монархи Франции, Англии и Италии. В Восточной Франконии (германские земли) отношения монархов к ней было весьма неоднозначным. Довольно часто монарх занимал свой трон, избегая ритуалов помазания и коронации священнослужителями. В отношении первых независимых правителей Восточной Франконии, ставших ее монархами практически сразу после распада империи Карла Великого (монархи из династии Каролингов – Людовик Немецкий и его сыновья), мы не располагаем ни одним источником, подтверждающим проведение обряда помазания. Лишь после прекращения правления Каролингов в немецких землях новый правитель, выбранный из дальних родственников Каролингов, франконец Конрад (911–918) был помазан и коронован. При этом первоочередным актом коронации Конрада стали его выборы влиятельными князьями, которые пожелали продемонстрировать, что «их общность (в деле избрания. – А. Т.) была для них важнее, чем подчиненность каролингской династии, которая еще продолжала существовать в Западной Франконии»¹⁰. Акт освящения, последовавший за избранием короля, демонстрировал и легитимировал эту независимость, но был ориентирован скорее вовне, в сторону соседних королевств.

В отношении легитимации собственной власти внутри государства и, по необходимости, ввиду сохранявшейся конкуренции со стороны таких же знатных и авторитетных родов Баварии и Саксонии, Конрад воспользовался процедурой освящения собственной власти по уже имевшимся у Каролингов правилам.

Преемник Конрада Генрих отказал архиепископу Майнцкому в совершении обряда помазания, опасаясь «как бы подданные не подумали, будто он обязан своим королевским саном исключительно духовенству»¹¹.

В соответствии с традицией императором был избран и преемник Генриха – его сын Оттон (936–973). Видукинд, монах Новокорвейского монастыря (ок. 950–1004), в хронике о правлении Саксонской династии отмечает, что обряд коронации над Оттоном совершили не представители духовенства, что к тому времени уже вошло в традицию во Франции, а герцоги, которые «посадили нового герцога на сооруженный там трон, протянув к нему руки и торжественно обещав ему свою верность и помощь против всех врагов и так *по своему обычаю сделали его королем*. В то время как герцоги и остальные должностные лица все это совершали, архиепископ со всем духовенством и всем остальным народом ожидал выхода нового короля в базилике»¹².

Можно предположить, что влияние духовенства в Германии в раннее Средневековье было меньше, чем во Франции или Англии.

Тем не менее нельзя утверждать, что королевская власть у германцев не была священной. Сакральность королевской власти у древних германцев берет свое начало в дохристианской эпохе.

Таким образом, способы легитимации королевской власти у германских племен формировались в соответствии с традициями. В связи с этим интерес представляет вопрос о том, как долго традиционное освящение королевской власти продолжало оказывать влияние на процесс ее легитимации уже на этапе относительной независимости и целостности Германского (Восточнофранконского) королевства? Для ответа на него целесообразно было бы обратиться к проблеме возникновения королевской власти у древних германцев.

Одной из самых дискуссионных проблем в истории древних германцев является вопрос о происхождении власти, обозначаемой обычно в качестве королевской. Существует несколько версий о происхождении термина, который по-русски часто передается как «король». Самой распространенной из них является версия Тацита. Согласно версии этого историка, «король» (*rex*) – высший знатный в племени. Реальное древнегерманское наполнение функций *kuning* (в будущих огласовках «конунг», *König*) соотносится отнюдь не с должностью (полнота власти в военных и гражданских делах, высшие почести и знатность), а с личными заслугами.

Первыми стадиями становления королевской власти в германской историографии обычно признаются *Sakralkönigtum* (сакральная, религиозная в своей основе королевская власть) и *Heerkönigtum* (военная королевская власть)¹³. Носителями сакральной королевской власти были жрецы, особенно жрецы Одина, вследствие признанного соплеменниками за ними права гаданий и общения с богами. К «военным» королям могли относиться в рамках латинской терминологии *princeps*, *dux*, *rex*. Различия между рексами (*rex*) и дуксами (*dux*) – не более чем риторическая антитеза. Знатность (*rex*) и доблесть (*dux*) – неотъемлемые качества как рексов, так и дуксов.

Необходимо отличать частную власть над небольшой свитой временного вождя от командной власти публично-правового характера дуксов и рексов, поскольку это было делом всего племени. Нам известны многие имена германских дуксов, но лишь немногие из них становились рексами. Превращение дуксов в рексов связано с завоеванием под их руководством племенем или союзом племен новых территорий и закрепления их (хотя бы временно) за собой.

Претенденты на королевскую власть хорошо осознавали наличие главного препятствия на пути к установлению своего единовластия. Им была оппозиция знати, обладавшей своими вооруженными свитами. Поэтому, стремясь увеличить собственные дружины,

претенденты на королевскую власть охотно принимали в них негерманцев. Прогрессирующее «слияние народов» приводило к тому, что дружины «военных королей» представляли собой не этнические, а политические формирования. Это, в свою очередь, стало важнейшей предпосылкой генезиса государственности у древних германцев.

Ни одному из военных вождей I в. н. э. не удалось самостоятельно учредить на длительную перспективу третью, высшую стадию личной публичной власти – *Stammeskönigtum* (королевскую власть над всем племенем и от имени всего племени с основанием своей династии).

На основании вышеизложенной гипотезы о происхождении королевской власти у древних германцев можно предположить, что традиционными для них были формы личной и родовой легитимации. Поскольку христианизация Западной Европы началась и распространялась преимущественно из западнофранконских земель, за Рейном христианские традиции и таинства стали культивироваться позже и в меньшей степени повлияли на формирование институтов власти, чем на территориях бывшей Римской империи. Более того, в землях к востоку от Рейна довольно долго сохранялось язычество, которое напрямую связывает традицию легитимации священной власти правителя либо с его исключительными качествами, прежде всего воинскими качествами и организаторскими способностями, либо с представлениями о сакральном могуществе рода. Род, из которого на протяжении нескольких поколений выходили талантливые полководцы, первоначально многочисленный, со временем наделялся соплеменниками сакральным могуществом, передающимся по наследству. На этой почве возникали легенды о том, что род ведет свое начало от языческих богов. «Готы (германское племя. – А. Т.), – по свидетельству остготского историка Иордана, объясняя победы свои счастливым влиянием своих предводителей, не желали видеть в этих последних простых смертных; они нарекли их асами, то есть полубогами»¹⁴. Это дает нам некоторые основания утверждать, что у германцев существовал обычай мифологизировать происхождение своих правителей (сам миф мог возникнуть позднее).

У германцев преобладали личная и родовая формы легитимации королевской власти. Подтверждением этого является сохранение на протяжении всего Средневековья могущества и фактической самостоятельности отдельных родов, первоначально представлявших собой роды вождей, правителей. Их главы в дальнейшем, покорив остальные роды, становились племенными герцогами. Речь идет о формировании союза племенных герцогств, составивших ее основу, и усилении власти магнатов (племенных вождей).

Немецкая государственность в эпоху раннего Средневековья создавалась на фоне слабости королевской власти, при сохранении влиятельных и авторитетных позиций племенной знати и под влиянием внешней угрозы, обусловившей сплочение германских племен. Другой особенностью древнегерманской государственности стало то, что вожди племен и представители племенной знати почти сразу после распада империи Карла Великого начали проявлять большую самостоятельность в отношении расширения своих владений и своего влияния за счет слабеющей в эпоху поздних Каролингов королевской власти. Племенные герцогства (*Stammesherzogtuemer*) стали представлять собой крупные территориально-этнические образования, в которых власть герцогов стала продолжением власти вождей этнических групп. Их союз составил основу германской государственности в эпоху раннего Средневековья.

С завершением эпохи Штауфенов, давшей Германии немало «сильных» императоров, начинается период ослабления монархической власти. Это привело к необходимости вновь обратиться к традиции «коллективного» участия могущественных князей в деле управления империей. Так возникает правовая форма легитимации верховной власти, которую М. Вебер называл «рациональной». В ее основе лежит оформление прав участия во власти, гарантий и сферы компетенции власти императора и имперских князей. Ее форма начинает выражаться через «понятия», которые фиксируются, в том числе, в правовых памятниках¹⁵. В широкое употребление входит формула «*regem etenium jura faciunt, non persona*» («король занимает свое положение на основании права, а не на основании своей личности»)¹⁶.

Рациональная легитимация власти монарха в Германии находит свое блестящее оформление в «Золотой булле» 1356 г. Ее подписание императором Карлом IV узаконило и определило на будущее порядок управления империей фактически коллегией курфюрстов¹⁷. Курфюрсты имели право заявить императору: «Помни, что этот трон дан тебе не по праву рождения и не по наследству, а по воле князей и курфюрстов Германии»¹⁸.

Таким образом, мы приходим к пониманию специфически германской эволюции форм легитимации королевской власти, определявшей особенности ее государственности, прежде всего в эпоху раннего Средневековья. Их значение в историографии нельзя недооценивать, поскольку оно не позволяет полностью транслировать общенаучные схемы и теории процесса феодализации, зачастую стирающие или ретуширующие его национальные особенности. Институт королевской власти – для Германии в большей степени власти императорской – представляется одним из важных

элементов средневекового общественного устройства. Эволюция форм его легитимации от личной и родовой до сакрально-символической и правовой является важным условием понимания особенностей развития германской государственности. Это вовсе не означает, что помимо этих, основных форм не существовали другие. Так, можно вести речь о лингвистической легитимации, которая распространяется на семантическом уровне. С одной стороны, она могла быть внешней. Ее смысл состоит в применении по отношению к королевской власти у германцев лексики других народов, что обеспечивало ее формальное признание. Иллюстрацией этого может стать общение императоров Византийской империи с варварскими королями. Из труда Григория Турского мы узнаем, что император Валентиниан, общаясь с правителями франков, называл их «царственными особами»¹⁹.

Распространенной у германцев была также формально-символическая легитимация королевской власти. Ее смысл выражается в традиционной атрибутике королевской власти. Например, можно обратиться к обычаю носить бороду и длинные волосы²⁰.

На основании вышеизложенного можно предположить, что формы легитимации королевской власти у германцев отличались своим разнообразием и специфически национальными особенностями. Для всех западноевропейских королевств они были характерны в равной степени. Но важно иметь в виду, что для каждого из них в разные периоды времени приоритетными становились лишь некоторые. Для королевств, ставших прямыми наследниками античных традиций власти и в большей степени подверженных романизации (Англия, Франция), актуальными стали сакрально-символические формы легитимации. Для раннесредневековой Германии значимыми и преобладающими оказались ее традиционные формы (личная и родовая). Как представляется, приоритетность форм легитимации королевской власти в эпоху раннего Средневековья определила специфику национальной государственности.

Примечания

¹ Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990; Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М.: Языки русской культуры, 1998; Kantorowicz E. The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology. Princeton, 1957.

² На основе изучения трудов французских историков школы «Анналов» автор

А.А. Турыгин

позволил себе сформулировать понятие «легитимация», которое он не ограничивает нормативно-правовой традицией оформления королевской власти, а рассматривает шире, в контексте ее восприятия и формирования легитимного отношения к ней.

- 3 *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / Пер. с франц. Е.И. Лебедевой, Ю.П. Малинина, В.И. Райцеса, П.Ю. Уварова. М., 1992; *Он же.* Средневековый мир воображаемого. М., 2001.
- 4 Под «королевским чудом» понимается вера в возможность наложением длани монарха исцелять больных золотухой. Об этом: *Блок М.* Указ. соч. С. 112.
- 5 Цит. по: *Patterson O.* Freiheit, Sklaverei und die modern Konstruktion der Rechte // *Die kulturellen Werte Europas* / Hrsg. von H. Joas und K. Wiegandt. Frankfurt a/M, 2005. S. 173.
- 6 *Дюби Ж.* История Франции: Средние века (967–1460): от Гуго Капета до Жанны д'Арк. М.: Международные отношения, 2001.
- 7 *Клауде Д.* История вестготов. М.: Barbaricum, 2001.
- 8 *Дирльмайер У.* Раннее и высокое средневековье (VI–XIII) // Краткая история Германии. СПб.: Евразия, 2008; *Озмент С.* Могучая крепость: Новая история германского народа. М.: АСТ, 2007.
- 9 *Ратт Ф.* Священная Римская империя германской нации. СПб.: Евразия, 2009. С. 10.
- 10 *Флекенштейн Й.* Империя Оттонов в X столетии // Священная Римская империя: Эпоха становления. СПб.: Евразия, 2008. С. 18.
- 11 См.: *Блок М.* Указ. соч. С. 268.
- 12 *Видукин д Корвейский.* Деяния саксов // История Германии: Учеб. пособие: В 3 т. / Под ред. Б. Бонвенча, Ю.В. Галактионова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. Т. 3. Документы и материалы.
- 13 Там же. (Т. 1. С древнейших времен до создания Германской империи (1870 г.)).
- 14 *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. СПб, 1997. С. 122.
- 15 См.: *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого. С. 409.
- 16 См.: *Клауде Д.* Указ. соч. С. 39.
- 17 Курфюрст – князь, имевший право голоса на выборах императора Священной Римской империи (*Kur* – выбор, *Fuerst* – князь). Избирательным правом наделялось не конкретное лицо или династия, а территория – субъект империи.
- 18 *Ивонин Ю.Е.* Имперская идея и проблема государственности в Западной Европе XVI века // Вопросы истории. 1993. № 6.
- 19 *Григорий Турский.* История франков. М., 1987. С. 37.
- 20 Хроника Фредегара // Хроники длинноволосых королей. СПб., 2004.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ (ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ) ОРГАНОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В системе разделения властей законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации занимают особое место. Они выступают выразителями интересов всей совокупности граждан, проживающих на территории субъекта Федерации. Именно поэтому весьма интересным представляется исследование бикамерализма и внутренней структуры указанных органов.

Ключевые слова: Законодательный (представительный) орган власти субъекта Российской Федерации; парламент; двухпалатный парламентский орган; бикамерализм; представительство избирателей; внутренняя организационная структура законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации; комитеты и комиссии законодательного (представительного) органа власти субъекта Российской Федерации.

Согласно ч. 1 и ч. 2 ст. 3 Конституции Российской Федерации ее многонациональный народ, выступая в качестве носителя суверенитета и единственного источника власти, осуществляет ее как непосредственно, так и через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации, выступая выразителями интересов всей совокупности граждан, проживающих на территории субъекта Российской Федерации, без сомнения, занимают особое место в системе органов государственной власти.

Одним из наиболее спорных моментов организации законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации является наличие двухпалатных парламентских органов. Под двухпалатным законодательным (представительным) органом

понимается парламентский орган, состоящий из двух структурных подразделений (палат), формируемых различными способами и осуществляющих свои полномочия, как правило, на отдельных заседаниях.

С теоретической точки зрения принцип двухпалатности парламентской системы изначально связан с принципом разделения властей¹. Карл Ловенштайн описывает двухпалатную систему как подсистему горизонтального разделения властей, где основное внимание уделяется взаимному контролю и балансу между палатами парламента². Разделение власти является одним из основных принципов демократической организации парламента.

В знаменитой шестой главе одиннадцатой книги «Духа законов», описывая государственное устройство Англии (вернее, свое понимание этого феномена), Монтескье обосновал двухпалатность в качестве эффективного средства, для того чтобы «удерживать от крайностей» как исполнительную, так и законодательную власть. Причем роль аристократической составляющей законодательной власти, по Монтескье, должна была состоять не в праве постановлять, а в праве отменять. Конструкцию власти, «обеспечивающую свободу», мыслитель описал краткой, но емкой формулой: «Законодательное собрание состоит здесь из двух частей, взаимно сдерживающих друг друга принадлежащим им правом отмены, причем обе они связываются исполнительной властью, которая в свою очередь связана законодательной властью»³.

Основными преимуществами двухпалатной системы сегодня называют⁴ взаимно сдерживающий фактор; большую эффективность в сдерживании исполнительной власти; более тщательную проработку законопроектов; увеличение гарантий конституции, поскольку удлиняются сроки прохождения спорных законопроектов, что дает дополнительное время для рассмотрения законопроекта и его общественного обсуждения. Но, безусловно, главным достоинством бикамерализма является обеспечение более широкого представительства избирателей, особенно в многонациональных странах (например, в России).

В большинстве субъектов РФ функционируют парламенты с однопалатной структурой. Обращает на себя внимание тот факт, что две палаты создаются в парламентах субъектов РФ, отличающихся многонациональным составом населения.

Двухпалатность в субъектах Российской Федерации – способ управления территорией и способ согласования интересов, элемент механизма реализации демократической государственности; реализация принципа разделения властей как подсистема горизонтального разделения властей, где основное внимание уделяется взаим-

ному контролю и балансу между палатами парламента; характерная черта эпохи эволюционного развития⁵.

С учетом сложной политической, социальной и демографической обстановки в республиках Южного и Северо-Кавказского (с 2010 г.) федеральных округов, по мнению Луценко Е.В., более предпочтительны двухпалатные законодательные органы власти⁶. Формирование верхней палаты законодательного органа власти в республиках Южного и Северо-Кавказского федеральных округов из числа представителей административно-территориальных единиц, в каждой из которых проживают, как правило, различные народности, национальные и этнические общности, позволит обеспечить наряду с представительством как интересы населения в целом, так и интересы наций в многонациональных республиках, интересы отдельных групп и слоев общества, а также оптимизировать законодательный процесс, используя верхнюю палату как противовес поспешным и недостаточно продуманным законодательным решениям условно «нижней палаты»; стабилизировать государственность и политические отношения в обществе.

В настоящее время двухпалатные парламентские органы функционируют в следующих субъектах Российской Федерации:

– Великий хурал Республики Тыва, состоящий из палаты представителей и законодательной палаты (ч. 1 ст. 96 Конституции Республики Тыва);

– парламент Чеченской Республики, состоящий из Совета республики и Народного собрания (ч. 2 ст. 78 Конституции Чеченской Республики);

– Законодательное собрание Свердловской области, состоящее из двух палат – Областной думы Законодательного собрания Свердловской области и Палаты представителей Законодательного собрания Свердловской области (ч. 1 ст. 29 Устава Свердловской области).

Говоря о целесообразности функционирования данных органов и о возможности образования аналогичных органов в других субъектах Российской Федерации, следует обратить внимание на положительные и отрицательные моменты, которыми характеризуется деятельность двухпалатных законодательных (представительных) органов власти в субъектах Российской Федерации.

Положительным в функционировании двухпалатных законодательных (представительных) органов субъектов РФ является следующее.

Одной из главных идей при формировании второй палаты в региональных парламентских органах была идея увеличения представительных начал в их деятельности. В верхней палате данного ор-

Е.С. Лапатухина

гана заседают представители территории субъекта Российской Федерации, которые имеют возможность отстаивать интересы городов и районов субъекта Российской Федерации.

В науке конституционного права существует мнение, согласно которому разделение палат в законодательном (представительном) органе субъекта Российской Федерации способствует формированию сдерживающего фактора, который придает большую эффективность взаимодействию законодательной и представительной властей субъекта Российской Федерации, более тщательную проработку законопроектов. Таким образом, верхняя палата данного органа является сдерживающим фактором при принятии нижней палатой недостаточно проработанных законопроектов, способом контроля.

Внутренняя организационная структура законодательных (представительных) органов власти субъектов Российской Федерации состоит из постоянных и временных органов законодательного (представительного) органа – президиумов, постоянных комитетов и комиссий, рабочих групп и т. д.

Внутренняя организационная структура законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации определяется субъектами Федерации самостоятельно. Положениями регламента законодательного (представительного) органа власти, либо отдельным законом субъекта Российской Федерации образуются постоянные комитеты и комиссии, временные комиссии и рабочие группы, возглавляемые депутатами, постоянные и временные депутатские объединения.

В законодательстве субъектов Российской Федерации нередко не закреплен статус комитета и комиссии законодательного (представительного) органа власти субъекта Российской Федерации. В связи с этим заслуживает внимания опыт Архангельского областного собрания депутатов, закрепившего в регламенте основы статуса комитета и комиссии областного собрания следующим образом:

«...Комитет областного Собрания – орган областного Собрания, сформированный из числа депутатов областного Собрания одного созыва для реализации полномочий по предметам ведения комитета. В составе комитета могут быть образованы комиссии для реализации отдельных направлений деятельности комитета. Комиссия областного Собрания – структурная единица комитета областного Собрания, сформированная из числа депутатов областного Собрания одного созыва для реализации отдельных направлений деятельности комитета областного Собрания. Временная комиссия – орган, созданный областным Собранием для реализации определенных задач, деятельность которого прекращается после выполне-

ния возложенных на него задач или по истечении установленного срока...»

Аналогичное понимание внутренней структуры законодательного (представительного) органа субъекта Российской Федерации целесообразно закрепить в законодательстве субъектов РФ, в котором данные вопросы не нашли своего нормативного отражения.

Создаются специальные комитеты по контролю: за реализацией приоритетных национальных проектов⁷; за управлением и распоряжением акциями и государственной собственностью⁸; за электронной системой голосования⁹ и др.

Двухпалатный парламент традиционно считается элементом федерализма¹⁰.

Бикамеральная структура парламента позволяет в определенной степени выравнять статус территорий, входящих в состав субъектов Российской Федерации, что особенно важно для многонациональных субъектов, к коим причисляют большинство субъектов Российской Федерации.

Кроме того, федерализм не только определяет количество палат парламента, но влияет и на внутреннюю структуру законодательного (представительного) органа субъекта Российской Федерации, создавая необходимость в образовании в составе парламента специальных комитетов и комиссий.

Примечания

- ¹ Schwarz-Liebermann v. Wahlendorf und function der sogenannten zweiten Kammer. Tübingen, 1958.
- ² Karl Loewenstein (Verfassungslehre. Tübingen, 1969) описывает двухпалатную систему в качестве своеобразного образа горизонтального внутреннего контроля, принимая во внимание предложение о многосторонней взаимной системе сдержек и противовесов между двумя палатами.
- ³ См.: *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955. С. 298.
- ⁴ См.: *Mastlas J., Grange L* (eds). Les secondes chambres du parlement en Europe occidentale. P., 1987. P. 23.
- ⁵ См.: *Медведецкий О.М.* Бикамерализм в субъектах Российской Федерации // Черные дыры в российском законодательстве. 2005. № 3; Двухпалатные парламенты России: современность и перспективы // Законодательство и экономика. 2005. № 10.
- ⁶ См.: *Луценко Е.В.* Федеративная природа института законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Ростов н/Д, 2008.

Е.С. Лапатухина

- 7 См.: Постановление ГС РТ от 30.03.2006 № 2154-III ГС «О создании комиссий Государственного Совета Республики Татарстан по контролю за реализацией приоритетных национальных проектов» // Республика Татарстан. 2006. № 66; Постановление ГС РТ от 22.04.2009 № 84-IV ГС «О внесении изменений в Постановление Государственного Совета Республики Татарстан от 30 марта 2006 года № 2154-III ГС “О создании комиссий Государственного Совета Республики Татарстан по контролю за реализацией приоритетных национальных проектов”» // Консультант Плюс.
- 8 См.: Постановление ГС (Ил Тумэн) РС(Я) от 31.03.2005, ГС № 989-III (ред. от 25.04.2006) «О комиссии по защите интересов Республики Саха (Якутия) в акционерной компании ‘АЛРОСА’ (ЗАО) и контролю за исполнением Закона Республики Саха (Якутия) от 24 апреля 2003 года 8-З № 17-III “Об управлении и распоряжении акциями и государственной собственностью Республики Саха (Якутия) в акционерной компании ‘АЛРОСА’ (закрытом акционерном обществе)”» // Якутия. 2006. № 79.
- 9 См.: Постановление Госсовета РМ от 12.12.2007 № 16-IV П «О составе Комиссии Государственного Собрания Республики Мордовия по Регламенту, организации работы сессий Государственного Собрания и контролю за электронной системой голосования» // Ведомости ГС РМ. 2008. № 1(85). Ст. 27.
- 10 Цит. по: *Тоориста Д.* Бикамерализм в европейских парламентах: учет интересов и согласование позиций // Международный семинар. Стенограмма пленарного заседания от 22 мая 2003 г. // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2003. № 22 (215).

Ю.А. Куликова

ИНСТИТУТ ПРЕЗИДЕНТСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАНАХ СНГ: ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА

В статье дается краткий обзор научных работ отечественных исследователей по изучению вопроса о возникновении, становлении и развитии института президентства в Российской Федерации и странах СНГ.

Ключевые слова: форма правления, система правления, институт президентства, конституционно-правовой статус президента, принцип разделения властей, страны Содружества Независимых Государств (СНГ), парламент.

Распад СССР и образование на его месте независимых и суверенных государств – бывших союзных республик – предопределили необходимость правового оформления и закрепления новой государственности. Первыми шагами стали выработка и принятие новых конституций, которые бы отвечали их новому международно-правовому статусу. Встав на путь демократических перемен, Россия вынуждена была обратиться к мировому опыту демократического развития, к ценностям, являющимся базовыми для построения отношений между ведущими государствами Европы и всего мира. Наиболее общее понятие, воплощающее в себе смысл всех базовых ценностей, – понятие «демократия», по отношению к которому все остальные понятия оказываются уточняющими. Одним из институтов, через которые осуществляется демократия, является институт президентства, возникший в рамках европейской политической культуры Нового времени, т. е. в эпоху формирования гражданского общества, как альтернатива монархизму. Вслед за Россией во всех странах СНГ были введены институты президентства. Данный государственный институт является новым для

Ю.А. Куликова

этих стран и в силу этого требует специального теоретико-правового, сравнительного исследования.

В нашей работе мы классифицировали изученные работы российских ученых по следующим группам. К первой группе мы отнесли работы, являющиеся фундаментальными в этой области. В них рассматриваются базовые понятия института президентства, мировой опыт этого государственного института, проводится сравнительный анализ института президентства в различных странах. Ко второй группе относятся работы, раскрывающие особенности возникновения, развития и эволюции президентской власти в Российской Федерации и странах СНГ. Сравнению конституционно-правового статуса президента Азербайджанской Республики и президента Российской Федерации посвящены научные труды, входящие в третью группу нашей классификации. Работы, исследующие институт президентства в Республике Казахстан, относятся к четвертой группе.

К первой группе можно отнести работы Н.А. Сахарова, И.Д. Хутинаева, С.Г. Паречиной, Г.В. Дегтева. И.Д. Хутинаев в своей работе «Институт президента и проблемы формы государства»¹ с целью определения понятия «институт президента» проводит анализ более широкого понятия – «социальный институт», в пределах которого вычлняются институты различных видов, в том числе и правовые. Институт президента является предметом исследования многих отраслей общественных наук, в которых сложились различные подходы к понятию «президент» и различные акценты в его содержательной характеристике. Очень подробно автор анализирует понятия «институт президента» и «правовой статус президента», определяет первичность первого и его больший объем нормативного содержания по сравнению с последним. В отличие от последнего институт президента определяет не только функционирование, но и избрание президента. На этом основании делается вывод о том, что правовой статус – это часть правового института, определяющего президентскую деятельность.

Проблема института президентства республики Беларусь является недостаточно исследованной, поэтому особое внимание заслуживает исследование С.Г. Паречиной². Используя зарубежный и отечественный опыт, автор проводит сравнительный анализ полномочий президента Беларусь и президентов в республиках с различной системой правления. Выдвигается новый подход к оценке места и роли института президента в политической системе трансформационных стран. Особый интерес представляет глава, посвященная «имплантации» института президентства в советскую систему правления. Автор рассматривает объективные и субъек-

тивные причины введения данного института власти сначала в СССР и РСФСР, а затем в Республике Беларусь, выявляя общие и особенные черты его появления. Системы правления в Республике Беларусь и РФ, по мнению С.Г. Паречиной, можно охарактеризовать как «президентскую “смешанную” систему или как “смешанную” систему с сильным Президентом, поскольку конституциями этих стран предусмотрена двойная ответственность правительства – перед Президентом и Парламентом, что является характерной чертой “смешанной” системы правления»³.

Большую научную значимость имеет монография Н.А. Сахарова «Институт президентства в современном мире»⁴, поскольку Н.А. Сахаров выделяет критерии определения различных систем президентской власти и проводит разграничение в использовании терминов «форма правления» и «система правления». К формам правления он относит республику и монархию. К системам правления – президентскую, полупрезидентскую и парламентскую республики. Н.А. Сахаров отмечает, что возникновение тех или иных систем правления в различных странах обусловлено многими факторами. Значительный отпечаток на этот процесс накладывают особенности исторического развития страны, специфика ее политической культуры, традиции государственности, соотношение различных политических сил в период разработки и принятия конституции. Большую роль в выборе систем правления может сыграть субъективный фактор в лице ведущего политического лидера, под которого выстраивается вся конструкция государственной власти и управления.

Сравнительный анализ эволюции правового статуса президентов США и России в работе Г.В. Дегтева «Конституционно-правовой статус Президентов РФ и США: сравнительно-правовой анализ»⁵ показывает, что развитие каждого государства зависит от многих особенностей исторического, географического, политического, правового характера. Но государства, имеющие во главе президента, обладают общими чертами и особенностями: «Глава государства воспринимается как “отец нации”, на него возлагается ответственность за все происходящее в стране, объем полномочий президента увеличивается, возникает опасность авторитаризма; конфликты президента и парламента ослабляют представительную власть, что приводит к нарушению принципа разделения властей; импичмент становится инструментом политической борьбы. Изучив опыт стран, имеющих в качестве главы государства президента, можно прогнозировать близкие по содержанию процессы дальнейшего развития института президентства в целом»⁶.

Ко второй группе относятся работы А.А. Огородникова, Н.И. Грачева, Г.В. Дегтева и А.В. Зуйкова. В работе А.А. Огородникова⁷ при-

Ю.А. Куликова

ведены выдержки из конституций государств Европейского союза (8), СНГ (11) и Балтии (3). Они составляют первичные конституционные основы института президентства. Максимально следуя логике и стилю разработчиков конституций, учитывая особенности русского перевода текстов конституций, автор просто и доходчиво излагает нормы, касающиеся института президентства. История и обстоятельства, при которых вводился институт президентства в той или иной стране, напрямую отразился в конституционной форме самого института. Различия среди институтов президентства даже стран ЕС настолько существенны, что приходится вводить дополнительные квалификационные признаки, которые позволяли бы объединять в группы те или иные институты президентства.

Исследование Н.И. Грачева⁸ – одна из немногих работ, где рассматривается проблема укрепления и повышения статуса президента и концентрации властных полномочий в его руках. Перечислены основания и механизмы повышения легитимности и упрочения положения президента в странах СНГ с использованием псевдоконституционных форм и методов. Причины происхождения Н.И. Грачев связывает в первую очередь с особым конституционным положением главы государства, дающим ему легальную возможность персонализации верховной государственной власти в ущерб органу народного представительства – парламенту.

Г.В. Дегтев⁹ в своей работе прослеживает зарождение института президентской власти и его эволюцию в зарубежных странах, анализирует теоретические и правовые аспекты этого института в Российской Федерации. Подробно изучается конституционный статус президента, полномочия, его взаимодействие с правительством и Федеральным собранием. На основе анализа и сравнения исторических условий возникновения института президентства в постсоциалистических странах рассматриваются причины, повлиявшие на выбор Россией именно смешанной формы правления с доминирующей ролью президента. Автором поднимается интересная проблема, связанная со сроками президентской власти одного лица, рассматриваются точки зрения противников и сторонников снятия ограничений сроков президентского правления.

Работа А.В. Зуйкова¹⁰ написана в 2009 г., и поэтому представляет свежий взгляд на проблемы российского президентства. Работу ученого можно охарактеризовать как комплексное политико-правовое исследование российского института президентства в динамике за 18 лет его существования. Зуйковым разработана усовершенствованная классификация полномочий президента, сделан максимально широкий сопоставительный анализ моделей института президентства в альтернативных проектах Конституции

РФ, проектах Конституционной комиссии и Конституционного совещания. Предложено несколько периодизаций различных процессов в рамках эволюции института президентства. В связи с отсутствием в настоящее время федерального конституционного закона о президенте РФ разработана теоретическая концепция ФКЗ «О Президенте РФ».

Третья группа работ посвящена рассмотрению конституционно-правового статуса президента Азербайджанской Республики и президента РФ. Это монографии А.Ш. Султанова¹¹ и А.А. Журавлева¹². Обращаясь к мировому опыту, обобщая практику развитых государств мира, они дают типологическую оценку форм правления в Азербайджане и России и места президента в разделении властей не только с формально-юридической, но и содержательной точки зрения. Анализируя действующее законодательство России и Азербайджана, рассматривая значительное число исторических документов, опыт и политические итоги избирательных кампаний, данные социологических и политологических исследований, авторы вносят конкретные предложения, направленные на развитие института президента в Азербайджане и России. А.Ш. Султанов в своей работе не проводит различия между понятиями «институт президента» и «институт президентства», определяя президентство (в узком смысле) как должность, пост президента.

Четвертую группу составляют научные труды, исследующие институт президентства в Республике Казахстан. В.А. Малиновский¹³, Б.А. Майлыбаев¹⁴, М.С. Ашимбаев¹⁵, анализируя условия и особенности становления и укрепления президентской власти в Казахстане, приходят к выводу о том, что эта форма правления, с определенными в перспективе модификациями, является наиболее приемлемой для этой страны. М.С. Ашимбаев составляет собственную периодизацию становления и укрепления президентской формы правления, эволюции от «квазипарламентской республики в сторону президентской»¹⁶. Проведя анализ стран с президентской формой правления, автор делает вывод о том, что наибольшую эффективность президентская форма правления проявляет в транзитный период, когда на повестку дня ставится задача создания политической базы для формирования цивилизованных отношений между политическими и социальными группами, а также для скорейшей стабилизации социально-экономической ситуации в той или иной стране. Б.А. Майлыбаев приходит к выводу, что при учреждении сильной президентской власти в Казахстане и России доминировала следующая группа аргументов: «преимущественно традиционалистская политическая культура; низкое правовое сознание; необходимость быстрых форсированных преобразований;

Ю.А. Куликова

целесообразность ориентации на плебисцитарный президентализм с определенным заимствованием некоторых элементов американской модели исполнительной власти, где Президент – политик, а остальные чиновники утверждаются лично Президентом без консультаций с Парламентом, но с его одобрением»¹⁷. Кроме этого, автор выдвигает гипотезу о модернизации ханской власти в президентскую, учитывая многовековую традицию казахского народа; высказывает предположение, что ввиду процессов глобальной трансформации государственных форм от монархии к республике для Казахстана (вместе с Россией, в ее составе) открывалась бы благоприятная перспектива эволюционирования по пути построения парламентской республики, если бы не Октябрьская революция. В.А. Малиновский очень подробно останавливается на раскрытии этапов возникновения президентской формы правления, на факторах, обусловивших необходимость утверждения именно этой формы правления.

Из последних работ по этой тематике хотелось бы остановиться на статье О.В. Мильчаковой¹⁸, опубликованной в журнале «Российское право в Интернете». Автор анализирует проведенную в мае–июне 2007 г. в Казахстане конституционную реформу, выделяя ряд ее особенностей. Во-первых, заметное влияние на обновленную казахскую конституцию оказала французская конституция 1958 г. в части отношений между ветвями власти, в снятии ограничений по максимально возможному количеству сроков замещения лицом президентского поста, в реализации права роспуска парламента для президента (не установлено специальных оснований для роспуска парламента или мажилиса). Во-вторых, произошло определенное расширение влияния законодательной власти на формирование и деятельность исполнительной власти: установлена обязательность проведения президентских консультаций по кандидатурам премьер-министра с лидерами депутатских фракций в мажилисе; предусмотрена обязанность правительства сложить полномочия перед вновь избранным мажилисом; снижено количество голосов парламентариев, требуемое для выражения вотума недоверия правительству с $\frac{2}{3}$ до $\frac{1}{2}$. Эти нововведения дают право многим представителям государственной власти, политики, средств массовой информации утверждать, что в Казахстане произошла замена президентской формы правления на смешанную, президентско-парламентскую. По мнению автора, речь идет не о замене, а скорее о сохранении президентско-парламентской формы правления. Статус президента в системе органов государственной власти был значительно повышен, о чем свидетельствуют следующие изменения: президент наделяется правом по собственной инициативе от-

править в отставку премьер-министра; президент вправе отказаться от роспуска правительства в случае выражения мажоритарным волеизъявлением недоверия последнему; изменяется процедура отрешения президента от должности, которая становится практически нереализуемой; консультации по кандидатуре премьер-министра с лидерами депутатских фракций носят рекомендательный характер. В конце статьи О.В. Мильчакова делается вывод, что реформа в Казахстане отвечает тенденциям конституционного развития ряда постсоветских стран, входящих в СНГ, где проводятся конституционные реформы, лозунгами которых является усиление полномочий парламента как выразителя интересов и воли народа, а в действительности происходит упрочение положения в системе органов государственной власти единоличного главы государства.

Таким образом, можно сделать вывод, что в странах СНГ, в том числе и РФ, сложились гибридные, нетипичные формы правления, не укладывающиеся в общепринятые в науке классификации, что находит отражение в конституционном законодательстве. Особое конституционное положение главы государства – президента дает ему легальную возможность персонализации верховной государственной власти в ущерб органам народного представительства – парламенту. Мы придерживаемся точки зрения Н.И. Грачева, который в своей работе перечисляет основные формы укрепления и повышения собственного статуса и концентрации властных ресурсов в руках президентов в странах СНГ:

- 1) использование института референдума для легитимации президентских инициатив;
- 2) увеличение и продление сроков президентуры, изменение конституционных положений, ограничивающих возможность нахождения на президентском посту для одного лица двумя сроками;
- 3) запрещение и ограничение деятельности оппозиционных партий в целях предотвращения попадания их представителей в парламент;
- 4) строительство и организация собственных пропрезидентски ориентированных партий в целях создания послушного большинства в парламенте и контроля за его деятельностью¹⁹.

В связи с перспективой развития нами темы «Сравнительно-правовой анализ института президентства в Российской Федерации и странах СНГ (на примере Республики Беларусь, Казахстан и Азербайджан)» можно наметить дальнейшую разработку двух устойчивых тенденций сохранения преемственности власти в рассматриваемых странах СНГ: сохранение своего президентства до самой смерти; определение действующими президентами своих преемников.

- ¹ *Хутинаев И.Д.* Институт президента и проблемы формы государства. М., 1994.
- ² *Паречина С.Г.* Институт президентства: история и современность. Минск, 2003.
- ³ Там же. С. 11.
- ⁴ *Сахаров Н.А.* Институт президентства в современном мире. М., 1994.
- ⁵ *Детев Г.В.* Конституционно-правовой статус Президентов РФ и США: сравнительно-правовой анализ. М., 2003.
- ⁶ Там же. С. 7.
- ⁷ *Огородников А.А.* Конституционные основы института президентства: страны ЕС, СНГ и Балтии. М., 2001.
- ⁸ *Грачев Н.И.* Формы правления и институт президентства в странах СНГ. Волгоград, 2005.
- ⁹ *Детев Г.В.* Становление и развитие института президентства в России: теоретико-правовые и конституционные основы. М., 2006.
- ¹⁰ *Зуйков А.В.* Эволюция института президентства в РФ. М., 2009.
- ¹¹ *Султанов А.Ш.* Конституционно-правовой статус Президентов Азербайджанской Республики и РФ: опыт сравнительного исследования. М., 1997.
- ¹² *Журавлев А.А., Султанов А.Ш.* Сравнительный анализ правового статуса президентов Азербайджанской Республики и РФ. М., 1997.
- ¹³ *Малиновский В.А.* Президент Республики Казахстан: Институт, функции и инструменты власти. Алматы, 2004.
- ¹⁴ *Майлыбаев Б.А.* Становление и эволюция института Президента Республики Казахстан: проблемы, тенденции, перспективы (опыт политико-правового исследования). Алматы, 2001.
- ¹⁵ *Ашимбаев М.С.* Формирование института президентства в ходе политического транзита в Казахстане. [Электронный ресурс] // ЦентрАзия. [2010]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.phpst/1027888740> (дата обращения: 26.01.2010).
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ *Майлыбаев Б.А.* Указ. соч. С. 254.
- ¹⁸ *Мильчакова О.В.* Конституционная реформа в Казахстане // Российское право в Интернете. 2008. № 1.
- ¹⁹ *Грачев Н.И.* Указ. соч. С. 97.

Н.Ф. Попова

О ФУНКЦИЯХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ*

Проблема определения функций исполнительной власти в юридической и политической литературе не осмыслена в полной мере научно и объективно.

Ключевые слова: функции исполнительной власти, органы исполнительной власти, объект управленческого воздействия, функции социального управления.

Вопрос о функциях исполнительной власти является ключевым в теории административного права и на переходном этапе развития России приобретает научную и практическую значимость в организации деятельности органов исполнительной власти.

Под функциями исполнительной власти следует понимать основные направления деятельности органов исполнительной власти, в которых выражается целевая нагрузка данной ветви государственной власти. Таким образом, перечень функций определяется объемом государственных полномочий, имеющихся у этих органов. Так как органы исполнительной власти имеют сложную систему и структуру, то в юридической литературе освящаются три вида функций исполнительной власти¹.

Первый вид функций связывается с объектом управленческого воздействия (предметный подход). Ведь субъекты исполнительной власти гораздо полнее по сравнению с другими ветвями власти нацелены на реализацию целей и задач государства (обеспечение развития демократии и гражданского общества, повышение конкурен-

* Статья подготовлена при информационной поддержке компании Консультант Плюс.

© Попова Н.Ф., 2010

Н.Ф. Попова

тоспособности национальной экономики, благосостояния населения, соблюдение и защита прав и свобод граждан и т. п.)². Каждая из функций определяется объектом управления и способом воздействия на него органов исполнительной власти. К этим объектам относятся национальная оборона, охрана государственной границы, государственная и общественная безопасность, деятельность предприятий и учреждений производственного и социального назначения, международное сотрудничество, осуществление связей с другими государствами и др.

В научной литературе выделяется и такой важный объект государственного управления, как защита прав и свобод граждан, определивший правозащитную функцию исполнительной власти. Следует подчеркнуть, что исполнительная власть имеет дело с такими объектами управления, которые характеризуются быстрыми изменениями, появлением новых проблем, возникновением чрезвычайных ситуаций.

Лапина М.А. по отраслевому принципу к основным ее функциям относит: определение стратегии социально-экономического развития страны на длительную перспективу; обеспечение внешней и внутренней безопасности, суверенитета, территориальной целостности; защиту прав и свобод граждан, обеспечение законности и правопорядка; нормативно-правовое регулирование социально-экономической деятельности; реализацию государственной инвестиционной, промышленной и научно-технической политики, эффективное управление государственной собственностью и формирование адекватной решаемым задачам денежно-кредитной, бюджетной и налоговой политики; осуществление государственного контроля за деятельностью управляемой отрасли; социальную деятельность, направленную на обеспечение нормального воспроизводства населения, общественную стабильность, формирование единого рынка труда, достижение определенных качественных характеристик «человеческого потенциала», соответствующих требованиям экономики XXI в.; обеспечение национальной интеграции, поддержание единого правового, экономического, социального и информационного пространств³.

По нашему мнению, по отраслевому принципу, можно выделить такие основные функции исполнительной власти, как обеспечение развития демократии и гражданского общества, повышение конкурентоспособности национальной экономики; обеспечение незыблемости конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета РФ путем укрепления национальной обороны, государственной и общественной безопасности; превращение РФ в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержа-

ние стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира; повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования личной безопасности, а также высоких стандартов жизнеобеспечения; развитие науки, технологии, образования, здравоохранения и культуры; рациональное природопользование.

Ко *второму виду* функций относят общие функции социального управления (прогнозирование, планирование, регулирование, координирование, подбор кадров, контроль и т. д.). В основе этой классификации лежит способ воздействия на объекты управления (инструментальный подход). Характеристика этих функций полно отражена в учебной и научной литературе⁴.

Третий вид функций исполнительной власти определяется формой их реализации. К нему относятся нормотворческая, исполнительно-распорядительная и юрисдикционная функции. Скажем несколько слов об их содержании.

1. *Нормотворческая функция* заключается в издании органами этой власти нормативных правовых актов управления. По мнению Бельского К.С., основная особенность этой функции в том, что правотворческая деятельность органов исполнительной власти продолжается в границах своей компетенции деятельность, которую начал законодатель⁵. Если нормы закона не регулируют непосредственно управленческие отношения, то они нуждаются в подзаконной правовой регламентации. И эту функцию выполняют соответствующие органы исполнительной власти. Президент РФ, правительство РФ и органы исполнительной власти издают огромное число нормативных правовых актов управления, содержащих нормы права.

Правовые акты управления – это подзаконные акты, принимаемые субъектами исполнительной власти в установленном порядке для выполнения возложенных на них задач и функций. Правовой акт управления императивен, его исполнение обеспечивается угрозой юридической ответственности. Для его юридического содержания характерно, что он может устанавливать правила поведения в сфере государственного управления либо выступать в роли юридического факта, порождающего возникновение, изменение, прекращение конкретного административного правоотношения. Правила подготовки этих актов установлены в постановлении Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 «Об утверждении правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов государственной власти и их государственной регистрации».

В научной литературе предлагаются различные основания классификации правовых актов управления: по юридическим свойствам, масштабу действия, по форме выражения и др.

Н.Ф. Попова

По юридическим свойствам правовые акты управления делятся на нормативные и индивидуальные.

1. *Нормативные* правовые акты управления содержат нормы административного права и принимаются с целью урегулирования однотипных управленческих отношений (правила торговли, дорожного движения, положение о федеральных министерствах, службах, агентствах и т. п.). Ими решаются все наиболее важные вопросы государственного управления. Они являются наиболее емким выражением процесса реализации исполнительной власти. Нормативные правовые акты управления являются юридическими актами подзаконного административного нормотворчества или правоустановительными актами. Их подзаконность – свидетельство вторичности такого нормотворчества. Однако роль этих актов управления существенна, что находит свое выражение в их содержании. Ими:

а) обеспечивается механизм реализации конституционных прав и обязанностей граждан и общественных объединений (например, об образовании, об охране здоровья и т. п.);

б) конкретизируются нормы, содержащиеся в законодательных актах. Например, на основании Закона РФ «О милиции», утверждается Порядок прохождения службы в органах внутренних дел и др.;

в) определяются типовые правила поведения в сфере государственного управления, например правила торговли, пожарной безопасности и т. п.;

г) проводятся в жизнь различного рода социально-экономические программы (например, программы приватизации, демонополизации и т. п.);

д) определяется организационно-правовой статус звеньев исполнительного аппарата, непосредственно подведомственных президенту или правительству РФ (аналогичные акты принимаются на нижестоящих уровнях государственной организации России). Например, положения о министерствах и федеральных службах России;

е) устанавливаются необходимые ограничения и запреты, возлагаются специальные обязанности или предоставляются специальные права, реализуемые в сфере государственного управления (например, в условиях проведения контртеррористической операции);

ж) определяется порядок совершения определенных действий (процедур) исполнительно-распорядительного характера (лицензирования, регистрации и др.);

з) осуществляется охрана правопорядка в сфере государственного управления путем установления дисциплинарной и административной ответственности.

Нормативные акты управления являются одним из источников российского административного права. Они служат правовой основой для возникновения, изменения и прекращения конкретных административно-правовых отношений, но сами их не создают. Полномочия исполнительных органов (должностных лиц) по изданию нормативных административно-правовых актов определяются закрепленной за ними в официальном порядке компетенцией.

2. *Индивидуальные правовые акты управления* – это акты правоприменения. Одновременно они являются распорядительными актами. С их помощью решаются конкретные управленческие дела (регистрационные, экзаменационные, лицензионные, кадровые и др.). Эти акты выступают в роли юридических фактов, обуславливающих возникновение, прекращение, изменение административных правоотношений. Они являются основным средством решения текущих управленческих вопросов.

По масштабу действия различают правовые акты управления, действующие на всей территории РФ или на территории субъекта РФ.

По форме выражения эти акты могут быть письменные, устные, конклюдентные.

Правовой акт управления должен: а) соответствовать Конституции РФ, действующему законодательству; б) основываться на конституционном разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ; в) учитывать предписания правовых актов управления вышестоящих исполнительных органов; г) издаваться полномочным органом исполнительной власти (должностным лицом), т. е. в рамках закрепленной за ним компетенции; д) издаваться с соблюдением установленной для него формы и процедуры подготовки, принятия и издания; е) быть юридически обоснованным, т. е. в нем должны быть четко указаны цели издания; ж) не ограничивать либо нарушать компетенцию и оперативную самостоятельность нижестоящих звеньев системы государственного управления; з) не ограничивать либо нарушать установленные действующим законодательством права и законные интересы граждан и организаций в сфере государственного управления и др.

Акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций, имеющие межведомственный характер независимо от срока их действия, в том числе акты, содержащие сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера, подлежат государственной регистрации Минюстом России. Оно

Н.Ф. Попова

ведет Государственный реестр нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти.

II. *Исполнительно-распорядительная функция* исполнительной власти заключается в том, что органы исполнительной власти обеспечивают реализацию правовых норм, содержащихся как в законах, так и подзаконных актах. Если правотворческий орган (законодательной или исполнительной власти) закрепляет в праве решения нормативного характера, то другой орган, а именно орган исполнительной власти, на основании своих государственно-властных полномочий обеспечивает выполнение этих нормативных предписаний. В тех случаях, когда необходима их конкретизация, принимает соответствующий акт управления.

III. Особую роль в реализации основных функций исполнительной власти играет юрисдикция, осуществляемая его органами. В разнообразной по содержанию деятельности субъектов исполнительной власти выделяют особый вид правоприменительной деятельности по рассмотрению и разрешению спорных вопросов применения материальных норм административного права, правовой оценке поведения физических и юридических лиц, применению к ним в соответствующих случаях мер административной ответственности. Данный вид деятельности называется *юрисдикционной деятельностью*. В России основополагающие представления об административной юрисдикции были сформулированы еще в советское время⁶. Но до сих пор в юридической литературе имеются различные взгляды на сущность этого феномена. В.А. Поникаров⁷ верно замечает, что в теории административного права сложились два взгляда на административно-юрисдикционную деятельность – широкий⁸ и узкий⁹.

В широком понимании это вид административно-процессуальной деятельности, осуществляемый во внесудебном или судебном порядке для рассмотрения и разрешения административных споров и применения мер принуждения в необходимых случаях. К такой деятельности относятся не только рассмотрение дел об административных правонарушениях и принятие по ним решений, как считают сторонники узкого понимания административной юрисдикции, но и деятельность по применению мер дисциплинарной ответственности, осуществлению исполнительного производства, рассмотрению жалоб граждан на действия (бездействие), решения субъектов исполнительной власти в административном порядке.

Ю.М. Козлов подчеркивал, что «административная юрисдикция представляет собой неотъемлемую часть исполнительно-распорядительной деятельности»¹⁰ органов исполнительной власти. Понимание административной юрисдикции как в узком, так и в широком смыслах указывает не только на правоприменительный,

но и правоохранительный характер этой деятельности. Можно выделить следующие признаки административно-юрисдикционной деятельности: она осуществляется специально уполномоченными на то органами и должностными лицами в судебном или во внесудебном порядке; ее основанием является спор о праве (правовой спор); она связана с разрешением конкретных административных дел по существу; имеет строгую процессуальную форму; ее итогом является принятие индивидуального правоприменительного акта. Указанные признаки характеризуют административную юрисдикцию как вид государственной деятельности.

В научной и учебной литературе встречаются и иные взгляды ученых на характеристику функций исполнительной власти. Так, Ю.Н. Стариков к ним относит исполнительную (правоприменительную); правозащитную; социально-экономическую (обеспечительную); обеспечения законности и соблюдения конституционного порядка в государстве; регулируемую; нормотворческую; охранительную (юрисдикционную)¹¹. В этом случае используются три основания ранжирования функций: в зависимости от формы реализации, по отраслевому принципу и организации управленческого процесса.

И.Ш. Киясханов называет четыре функции исполнительной власти: исполнительную, управления, нормотворческую и по оказанию государственных услуг¹². В отношении этой классификации М.А. Лапина¹³ замечает, что перечисленные функции, за исключением функции управления, закреплены в первоначальной редакции Указа Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» и поэтому относятся к федеральным министерствам, федеральным службам и федеральным агентствам. А ведь исполнительная власть не тождественна органу исполнительной власти, она является выражением его деятельности.

Ю.М. Козлов к данным функциям относит координацию, регулирование, организацию и правоохранительную функцию¹⁴.

По нашему мнению, наиболее полно исполнительную власть характеризуют функции, связанные с объектом управленческого воздействия и имеющие основополагающее значение для жизни общества.

Примечания

¹ См.: Козлов Ю.М. Исполнительная власть: сущность, функции // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1992. № 4. С. 43; Бельский К.С. О функциях исполнительной власти // Государство и право. 1997. № 3. С. 15; Лапина М.А. Реализация исполнительной власти в Российской Федерации. М., 2006.

Н.Ф. Попова

- С. 33; Исполнительная власть в Российской Федерации. Проблемы развития / Отв. ред. И.Л. Бачило. М., 1998. С. 39; и др.
- 2 См.: *Бахрах Д.Н.* Административное право России. М., 2001. С. 165.
 - 3 См.: *Латина М.А.* Указ. соч. С. 34.
 - 4 См.: *Атаманчук Г.В.* Теория государственного управления. М., 2004.
 - 5 См.: *Бельский К.С.* Указ. соч. С. 16.
 - 6 См.: *Салищева Н.Г.* Гражданин и административная юрисдикция в СССР. М., 1970; *Шергин А.П.* Административная юрисдикция. М., 1979; *Масленников М.Я.* Административно-юрисдикционный процесс. Воронеж, 1990.
 - 7 См.: *Пониканов В.А.* Особенности административно-юрисдикционной деятельности в уголовно-исполнительной системе (УИС) России // Государство и право. 2006. № 12. С. 22.
 - 8 См.: Административное право: Учеб. / Под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. М., 2001. С. 407; *Бахрах Д.Н.* Указ. соч.; *Панова И.В.* Административно-процессуальная деятельность в Российской Федерации. Саратов, 2001.
 - 9 См.: *Салищева Н.Г.* Указ. соч. С. 45; *Пониканов В.А.* Указ. соч. С. 22.
 - 10 См.: Административное право. С. 85.
 - 11 См.: *Старилов Ю.Н.* Административная юстиция: Проблемы теории. Воронеж, 1998. С. 15.
 - 12 См.: *Кияхханов И.Ш.* Исполнительная власть в системе государственной власти // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: Материалы науч.-практ. конф. М., 2004. С. 19.
 - 13 См.: *Латина М.А.* Указ. соч. С. 40.
 - 14 См.: *Козлов Ю.М.* Указ. соч. С. 12.

В.О. Бежанов

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЕ
В АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье предлагаются новые подходы к определению понятий «крайняя необходимость» и «необходимая оборона» в административно-деликтном законодательстве.

Ключевые слова: административное правонарушение, необходимая оборона, крайняя необходимость, ответственность.

С 1 июля 2002 г. в Российской Федерации действует новый Кодекс об административных правонарушениях (КоАП РФ). Он представляет собой принципиально новый законодательный акт, регулирующий общественные отношения в административно-деликтной сфере, содержащий много новых норм и положений, разработанных с учетом общепризнанных принципов и норм международного права, действующей Конституции Российской Федерации и федерального законодательства.

Кодекс устанавливает практически полный перечень видов административных наказаний и правил их применения, порядок производства по делам об административных правонарушениях и исполнения постановлений о назначении административных наказаний.

Кроме того, Кодексом определяются обстоятельства, исключающие административную ответственность, к которым он относит крайнюю необходимость и невменяемость. В отличие от прежнего КоАП РФ не предусматривает в качестве такового необходимую оборону, поскольку, как считает законодатель, ее содержание, характер причиняемого вреда нападающему, свидетельствует об уголовно-правовой природе данного института, предусмотренного ст. 37 УК РФ¹.

© Бежанов В.О., 2010

Согласиться с подобной позицией не представляется возможным по ряду причин. Прежде всего, следует напомнить, что в современном административном праве советского периода положения, предусматривающие состояния крайней необходимости и необходимой обороны, были закреплены в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях, которые были приняты Верховным Советом СССР 23 октября 1980 г., и, соответственно, в изданных впоследствии республиканских кодексах об административных правонарушениях.

При этом уже тогда отмечалось, что «данные положения аналогичны по содержанию соответствующим нормам уголовного права. Правда, Основы законодательства об административных правонарушениях не дают определения крайней необходимости, необходимой обороны и невменяемости. Но здесь возможно применение соответствующих понятий уголовного права»².

Логика данного подхода очевидна в первую очередь потому, что уголовные преступления и административные правонарушения совершаются в силу одних и тех же причин, в результате определенного конфликта между обществом и отдельной личностью, злоупотребляющей предоставленной ей свободой. В зависимости от того, как и в чем проявляется ее вред, становится возможным отнести правонарушения к определенной категории³.

Кроме того, и административные правонарушения, и уголовные преступления квалифицируются по единой схеме. Если же говорить о составах, то они имеют как формальное, так и фактическое сходство. И таких смежных составов, имеющих аналоги в УК РФ, Особенная часть КоАП РФ содержит около восьмидесяти.

Сказанное в целом подтверждается авторитетным мнением авторов Комментария к КоАП РСФСР 1997 г. о том, что в новом Уголовном кодексе Российской Федерации есть немало положений общего характера, которые могут быть использованы при доктринальном толковании норм Кодекса об административных правонарушениях⁴.

Таким образом, весь ход становления административно-деликтного законодательства с 1980 по 2002 г. свидетельствуют о том, что законодатель, сохраняя в структуре КоАП статью 19 «Необходимая оборона», руководствовался следующими соображениями.

Во-первых, несмотря на формальное сходство составов, состояния крайней необходимости и необходимой обороны возникают либо в связи с совершением административного правонарушения, либо в связи с совершением уголовного преступления, т. е. по различным основаниям.

Во-вторых, необходимо принимать в расчет различную степень общественной опасности происходящего.

В-третьих, разграничение этих положений в уголовном и административном праве проводится с учетом характера и тяжести наступивших последствий, поскольку все составы правонарушений в данном случае являются материальными.

Таким образом, указанные отличия подтверждают возможность придания самостоятельного статуса исследуемым понятиям как в уголовном, так и в административном праве и необходимость их отдельного включения в УК РФ и КоАП РФ.

На первый взгляд сказанное очевидно и не требует доказывания. Однако на сегодняшний день в КоАП РФ отсутствует норма, посвященная необходимой обороне. Скорее всего, законодатель счел возможным оставить только норму о крайней необходимости, сделав ее универсальной с целью охватить содержанием признаки и необходимой обороны.

Судя по результату, эта попытка не увенчалась успехом, так как в определении понятия крайней необходимости в КоАП РФ были использованы элементы, заимствованные из не вполне удачных формулировок предыдущего Кодекса РСФСР об административных правонарушениях и действующего УК РФ.

Изменив структуру текста упомянутого определения в соответствии с его смыслом, позволим себе предложить новую редакцию ст. 2.7 КоАП РФ: «Не является административным правонарушением причинение лицом вреда охраняемым законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, угрожающей охраняемым законом правам и интересам личности или других лиц, общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный».

Кроме того, данную статью необходимо дополнить частью второй по аналогии со ст. 39 УК РФ, поскольку далеко не каждое лицо и не в любой ситуации может соизмерить причиненный и предотвращенный вред. Критерием правомерности в этом случае может служить констатация факта совершения лицом действий, непосредственно направленных на устранение опасности. При этом искреннее позитивное намерение может не всегда соответствовать результату и не по вине лица.

На очереди решение вопроса о восстановлении в структуре КоАП нормы о необходимой обороне. Ранее в пользу этого уже были приведены соответствующие доводы. Еще одним основанием для этого является то, что состояние правового регулирования в административно-деликтной сфере не соответствует реалиям современной России.

В частности, криминальная ситуация остается напряженной, количество правонарушений, посягающих на права граждан, общественный порядок и общественную безопасность, общественную нравственность, не уменьшается. Готовится проект закона, запрещающего использование травматического оружия в качестве средства защиты, министр внутренних дел рекомендует оказывать сопротивление работникам милиции в случае превышения ими служебных полномочий. И все это происходит на фоне ослабленной экономики, бездеятельности правоохранительных органов и отсутствия административной нормы, хотя бы позволяющей «употребление личных сил гражданина на защиту какого-нибудь права»⁵.

«Тогда, когда государство не в состоянии обеспечить безопасность и эффективную защиту прав и законных интересов законопослушных граждан, оно обязано предоставить максимально широкие возможности для обеспечения своей безопасности самим гражданам»⁶.

Общепризнанно, что необходимая оборона носит естественный, неотъемлемый и неотчуждаемый характер, она рассматривается не только как правомерное, но и как социально-полезное, поощряемое законом поведение⁷.

Решая вопрос о формулировании понятия необходимой обороны в КоАП РФ, мы неминуемо сталкиваемся с необходимостью корректировки прежнего, из ранее действовавшего Кодекса. Используя его как основу и исходя из требований юридической техники, предлагаем новую редакцию определения необходимой обороны, а именно: «Не является административным правонарушением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите охраняемых законом прав и интересов обороняющегося или других лиц, общества и государства от общественно опасного посягательства, если при этом не было допущено пределов необходимой обороны».

Как и в случае с крайней необходимостью данную статью следует дополнить частью второй, в которой содержалось бы разъяснение о превышении пределов необходимой обороны, под которым по аналогии со ст. 37 УК РФ следует понимать умышленные действия обороняющегося, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства.

Также следует разъяснить правоприменителю, что «не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности посягательства».

Крайне важно, чтобы в случае восстановления в КоАП РФ рассматриваемой нормы, она была бы обеспечена развернутым ком-

ментарием, причем более точным по сравнению с предыдущим, дабы правоприменитель смог избежать ошибок при квалификации соответствующих составов правонарушений.

К сожалению, формальное включение в Кодекс названных статей еще не означает, что вопрос о правомерной защите прав и законных интересов граждан решен полностью и окончательно. Речь идет о некоторых аспектах необходимой обороны, не нашедших окончательного разрешения в теории права и не получивших закрепления в законе.

Так, А.Ф. Истомин считает, что «необходимая оборона возможна против незаконных действий должностных лиц и допустима против таких их действий, в противоправности которых обороняющийся убежден, и убеждение это обосновано конкретными обстоятельствами происходящего».

Например, при превышении должностных полномочий, сопровождающемся применением насилия или угрозой такового, применения оружия или специальных средств, когда в надобности таких действий не было необходимости»⁸.

Отсутствует единое мнение о допустимости необходимой обороны в случае посягательства на честь и достоинство личности, о возможности ее, если противоправное посягательство выражается в оскорблении.

С. Тасаков по этому поводу абсолютно справедливо замечает, что «мы не можем согласиться с тем, что нравственные страдания лица, подвергшегося оскорблению, значительно меньше тех, которые испытывает человек при применении к нему насилия»⁹.

Безусловно оправданным представляется мнение некоторых авторов, считающих, что необходимая оборона возможна и допустима также при защите жилища и собственности.

Характерной особенностью целого ряда правоотношений, в рамках которых возникает состояние необходимой обороны, является то, что они носят административно-правовой характер. Другая особенность состоит том, что, возникая как административно-деликтное, правоотношение в связи с изменением обстоятельств способно трансформироваться в уголовно-правовое. Следовательно, возможность реализовать законное право на необходимую оборону у граждан должна быть обеспечена в обеих сферах.

В заключение хотелось бы высказать идею о разработке единых универсальных законодательных положений о крайней необходимости и необходимой обороне, которые вобрали бы в себя все аспекты и нюансы этих очень важных обстоятельств, исключающих противоправность деяния. Это сделало бы защиту прав и законных интересов граждан полноценной и безусловной.

- ¹ *Шергин А.П.* Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. М., 2002.
- ² Комментарий к Основам законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях / Под ред. Б.М. Лазарева. М.: Юридическая литература, 1983.
- ³ *Шишов О.Ф.* Преступление и административный проступок. М., 1967. С. 29–30.
- ⁴ Комментарий к Кодексу РСФСР об административных правонарушениях / Под ред. И.И. Веремеенко, Н.Г. Салищевой, М.С. Студеникиной. М.: Проспект, 1997.
- ⁵ *Кони А.Ф.* О праве необходимой обороны. М., 1996. С. 19.
- ⁶ *Тасаков С.* Нравственные начала уголовного закона о необходимой обороне // Уголовное право. 2006. № 5. С. 80–83.
- ⁷ См., напр.: *Ефимович А.А.* О реальном обеспечении права на необходимую оборону правосудием // Российская юстиция. 2006. № 3; *Сидоров Б.В.* Уголовно-правовые гарантии правомерного социально-полезного поведения // Изд-во Казанского ун-та, 1992.
- ⁸ *Истомин А.Ф.* Обстоятельства, исключющие преступность деяния: необходимая оборона // Черные дыры в российском законодательстве. 2003. Вып. 2.
- ⁹ *Тасаков С.* Указ. соч. С. 80–83.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена актуальной в настоящее время проблеме правового регулирования использования природных ресурсов в Российской Федерации. Рассмотрены лицензионно-договорные основы права природопользования в Российской Федерации, включая право водопользования.

Ключевые слова: природа, природопользование, природные ресурсы, компоненты природной среды, экологическое лицензирование, право водопользования, договор водопользования.

Огромное значение природы и природных ресурсов в общественной жизни современной России не вызывает сомнений. Удовлетворяя различные насущные потребности человека и общества, природа выполняет экологическую, экономическую, эстетическую и иные функции, важнейшими из которых являются экологическая и экономическая.

Экологическая функция природы выражается в том, что совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных природных явлений и процессов, эволюционирующих в течение длительного времени, обеспечивают жизнеспособность человеческого организма, иных живых существ, поддерживают экологическое равновесие природных систем и их устойчивость к внешним воздействиям (способность к самовосстановлению).

Суть экономической функции заключается в том, что объекты природы – природные ресурсы – выступают средством производства, основой развития таких отраслей промышленности, как нефтяная, газовая, лесная и ряда других сырьевых отраслей, значение

которых в экономике современной России трудно переоценить. Преобразования, связанные с изменением политического и экономического уклада жизни российского общества, оказали существенное влияние на все сферы общественных отношений, включая отношения по использованию природных ресурсов России. Постепенное развитие гражданского оборота, формирование рынка природных ресурсов по-новому поставили вопрос о характере данных отношений и механизмах их правового регулирования. В настоящее время большая часть природоресурсных отношений носит возмездный, товарно-денежный характер, что требует адекватного механизма правового регулирования, наиболее отвечающего потребностям экономического общества¹.

В свете сказанного крайне актуальным представляется вопрос правового регулирования отношений по использованию природных ресурсов (отношений природопользования), обеспечивающего эффективную эксплуатацию природоресурсной базы страны при соблюдении экологических интересов человека и общества в целом. Не секрет, что прошлые десятилетия как советского периода нашей истории, так и постсоветской России характеризовались нещадной, порой варварской эксплуатацией национальных природных богатств, что породило серьезные проблемы в экологической и социальной сферах, требующих скорейшего решения.

Прежде чем перейти к рассмотрению изложенного в заголовке статьи вопроса, необходимо дать определение ряда используемых в статье терминов (понятий), которые нашли отражение в законодательстве Российской Федерации.

Так, природа представляет собой совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов. Компонентами природной среды выступают земля, недра, почвы, поверхностные и подземные воды, атмосферный воздух, растительный, животный мир и иные организмы, а также озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство, обеспечивающие в совокупности благоприятные условия для существования жизни на Земле².

Под природными ресурсами понимаются компоненты природной среды, природные объекты и природно-антропогенные объекты, которые используются или могут быть использованы при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в качестве источников энергии, продуктов производства и предметов потребления и имеют потребительскую ценность. В свою очередь, использование природных ресурсов – это эксплуатация природных ресурсов, вовлечение их в хозяйственный оборот, в том числе все виды воздействия на них в процессе хозяйственной и иной деятельности³.

В экологическом праве России формирование лицензионно-договорных основ регулирования отношений по использованию природных ресурсов является очевидным. Получение лицензии и заключение договора являются теми юридическими основаниями, которые дают право соответствующим субъектам на осуществление экологически значимых видов деятельности, включая природопользование.

Хозяйственная и иная деятельность, связанная с использованием природных ресурсов и оказывающая негативное воздействие на окружающую среду, допускается, как правило, на основании особых разрешений, выдаваемых уполномоченными на то органами государственной власти и органами местного самоуправления. Наиболее распространенной документальной формой такого разрешения является лицензия.

Под лицензированием в законодательстве понимается совокупность мероприятий, связанных с предоставлением лицензий, переоформлением документов, подтверждающих наличие лицензий, приостановлением действия лицензий в случае административного приостановления деятельности лицензиатов за нарушение лицензионных требований и условий, возобновлением или прекращением действия лицензий, аннулированием лицензий, контролем лицензирующих органов за соблюдением лицензиатами при осуществлении лицензируемых видов деятельности соответствующих лицензионных требований и условий, ведением реестров лицензий, а также с предоставлением в установленном порядке заинтересованным лицам сведений из реестров лицензий и иной информации о лицензировании⁴. В свою очередь, лицензия представляет собой специальное разрешение на осуществление конкретного вида деятельности при обязательном соблюдении лицензионных требований и условий, выданное лицензирующим органом юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю. Лицензионные требования и условия – это совокупность установленных положениями о лицензировании конкретных видов деятельности требований и условий, выполнение которых лицензиатом обязательно при осуществлении лицензируемого вида деятельности. Лицензирующими органами выступают федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие лицензирование в соответствии с Федеральным законом «О лицензировании отдельных видов деятельности», а лицензиатами являются юридические лица или индивидуальные предприниматели, имеющие лицензию на осуществление конкретного вида деятельности⁵.

Федеральный закон «Об охране окружающей среды» (ст. 30) устанавливает, что отдельные виды деятельности в области охраны окружающей среды подлежат лицензированию, причем перечень этих видов деятельности устанавливается федеральными законами.

В науке экологического права под экологическим лицензированием понимается деятельность уполномоченных на то государственных органов, связанная с выдачей лицензий (или других разрешительных документов) на природопользование или осуществление хозяйственных или иных работ, касающихся охраны окружающей среды⁶. Выделяют также две группы экологически значимой деятельности, требующей получения лицензии⁷:

1) деятельность, непосредственно связанная с использованием природных ресурсов и охраной окружающей среды от вредных воздействий (специальное пользование природными ресурсами; сбор, использование, обезвреживание, транспортировка, размещение опасных отходов и др.);

2) деятельность, не являющаяся изначально природоохранной, но имеющая отношение к охране окружающей среды (эксплуатация химически опасных производственных объектов, космическая деятельность и др.).

В отличие от лицензии, договор как средство регулирования отношений природопользования в Российской Федерации получил развитие в период рыночных преобразований в экономике страны. Поскольку доминирующей формой собственности на природные ресурсы в современной России, как это ни парадоксально, остается государственная собственность, то договоры в сфере природопользования являются публично-правовыми, хотя стороны таких договоров в силу принципов гражданского права являются автономными и не зависимыми друг от друга. Права и обязанности сторон этих договоров, их ответственность закрепляются в императивном порядке в действующем законодательстве Российской Федерации и законодательстве субъектов Российской Федерации, а не определяются ими по своему усмотрению.

В настоящей статье рассматриваются лицензионно-договорные основы права водопользования, которые закреплены в гл. 3 Водного кодекса Российской Федерации⁸. В соответствии со ст. 11 Водного кодекса РФ (далее – ВК РФ) водные объекты предоставляются в пользование на основании договора водопользования или решения о предоставлении водного объекта в пользование. На основании договоров водопользования водные объекты, находящиеся в федеральной собственности, собственности субъектов Россий-

ской Федерации, собственности муниципальных образований, предоставляются в пользование для:

забора (изъятия) водных ресурсов из поверхностных водных объектов;

использования акватории водных объектов, в том числе для рекреационных целей;

использования водных объектов без забора (изъятия) водных ресурсов для целей производства электрической энергии.

Договор водопользования должен содержать:

сведения о водном объекте, в том числе описание границ водного объекта, его части, в пределах которых предполагается осуществлять водопользование;

цель, виды и условия использования водного объекта или его части (в том числе объем допустимого забора (изъятия) водных ресурсов) в случаях, предусмотренных ВК РФ;

срок действия договора водопользования;

размер платы за пользование водным объектом или его частью, условия и сроки внесения данной платы;

порядок прекращения пользования водным объектом или его частью;

ответственность сторон договора водопользования за нарушение его условий.

К договору водопользования применяются положения об аренде, предусмотренные Гражданским кодексом РФ, если иное не установлено ВК РФ и не противоречит существу договора водопользования. Такой договор признается заключенным с момента его государственной регистрации в государственном водном реестре. Предельный срок предоставления водных объектов в пользование на основании договора водопользования не может составлять более чем 20 лет (ст. 14 ВК РФ). Изменение и расторжение данного договора осуществляются в соответствии с гражданским законодательством.

Предоставление водных объектов, находящихся в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации, собственности муниципальных образований, или частей таких водных объектов в пользование на основании договоров водопользования осуществляется исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления в пределах их полномочий в соответствии со ст. 24–27 ВК РФ.

Водопользователь с согласия исполнительного органа государственной власти или органа местного самоуправления, предусмотренных ВК РФ, вправе передавать свои права и обязанности по договору водопользования другому лицу, за исключением прав и обя-

занностей по договору водопользования в части забора (изъятия) водных ресурсов из поверхностных водных объектов для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения. Передача прав и обязанностей по договору водопользования другому лицу осуществляется в соответствии с гражданским законодательством.

Водопользователь, надлежащим образом исполнивший свои обязанности по договору водопользования, по истечении срока действия договора водопользования имеет преимущественное перед другими лицами право на заключение договора водопользования на новый срок, за исключением случая, если договор водопользования был заключен по результатам аукциона.

На основании решений о предоставлении водных объектов в пользование, если иное не предусмотрено ВК РФ, водные объекты, находящиеся в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации, собственности муниципальных образований, предоставляются в пользование для:

- обеспечения обороны страны и безопасности государства;
- сброса сточных вод и (или) дренажных вод;
- строительства причалов, судоподъемных и судоремонтных сооружений;
- создания стационарных и (или) плавучих платформ, искусственных островов, искусственных земельных участков на землях, покрытых поверхностными водами;
- строительства гидротехнических сооружений, мостов, а также подводных и подземных переходов, трубопроводов, подводных линий связи, других линейных объектов, если такое строительство связано с изменением дна и берегов водных объектов;
- разведки и добычи полезных ископаемых;
- проведения дноуглубительных, взрывных, буровых и других работ, связанных с изменением дна и берегов водных объектов;
- подъема затонувших судов;
- сплава древесины в плотях и с применением кошелей;
- забора (изъятия) водных ресурсов для орошения земель сельскохозяйственного назначения (в том числе лугов и пастбищ);
- организованного отдыха детей, а также организованного отдыха ветеранов, граждан пожилого возраста, инвалидов.

Не требуется заключение договора водопользования или принятие решения о предоставлении водного объекта в пользование в случае, если водный объект используется для:

- судоходства (в том числе морского судоходства), плавания маломерных судов;
- осуществления разового взлета, разовой посадки воздушных судов;

забора (изъятия) из подземного водного объекта водных ресурсов, в том числе водных ресурсов, содержащих полезные ископаемые и (или) являющихся природными лечебными ресурсами, а также термальных вод;

забора (изъятия) водных ресурсов в целях обеспечения пожарной безопасности, а также предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий;

других целей, предусмотренных ч. 3 ст. 11 ВК РФ.

Примечания

- 1 *Бобин П.Н.* Проблемы гражданско-правового регулирования отношений природопользования // Юрист. 2007. № 2.
- 2 Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
- 3 Там же.
- 4 Федеральный закон от 08.08.2001 г. № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3430.
- 5 Там же.
- 6 *Бринчук М.М.* Экологическое право: Учеб. для студентов высших учеб. заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М.: Городец, 2009. С. 197.
- 7 Там же. С. 195–196.
- 8 Водный кодекс РФ. Принят 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 2381.

ПРАВОВАЯ РАБОТА В ОБЛАСТИ ДЕКЛАРИРОВАНИЯ СООТВЕТСТВИЯ КАЧЕСТВА ТОВАРОВ И УСЛУГ

Статья посвящена анализу нового, введенного в Российской Федерации в 2010 г. более простого порядка сертификации ряда товаров в форме их декларирования.

Ключевые слова: правовая работа, область, декларирование, товары, услуги.

С 15 февраля 2010 г. вступил в действие новый, более простой порядок сертификации ряда товаров – путем декларирования. В соответствии с ним качество ряда продуктов, ранее подлежавших обязательной сертификации, может быть подтверждено путем декларирования соответствия действующим техническим или санитарным нормам¹. Так, изготовители косметики, продуктов питания и алкоголя вместо сертификата на эти товары вправе подтвердить их качество торговой организации-продавцу и гражданину-покупателю, представив подписанные ими декларации. Декларацию подписывает сам производитель на основании собственных исследований или с участием третьей стороны – выбранной им самим аккредитованной лаборатории. Сертифицирующий орган уполномочен заверить декларацию изготовителя. Всю процедуру сертификации проводят аккредитованные для этого организации, аккредитацией которых занимается Ростехрегулирование. Эти же организации выбирают лаборатории.

Реформа технического регулирования, энергично начатая в стране с принятием в 2002 г. Федерального закона «О техническом регулировании»², нацелена главным образом на преодоление избыточного государственного администрирования, которое, как

© Бугорский В.П., 2010

справедливо считается, поддержанием нерыночных методов контроля за качеством продукции снижает конкурентоспособность как самой продукции, так и производящих ее предприятий, при этом существенно повышая цену товаров. Продолжено ограничение государственного технического регулирования, которое в соответствии с указанным решением Правительства РФ еще более ограничено только необходимым участием государства, и участие это должно быть зафиксировано в принятом документе. Принятое Правительством РФ решение развивает положения Федерального закона от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании», который предусматривает два способа подтверждения соответствия (ст. 20): в обязательном порядке (сертификация или принятие декларации о соответствии) и добровольно (добровольная сертификация). При обязательном подтверждении соответствия в зависимости от формы – сертификат соответствия или декларация о соответствии (п. 1 ст. 23, ст. 24, п. 2 ст. 25), при добровольном подтверждении соответствия – сертификат соответствия (п. 1 ст. 21).

В соответствии с п. 1 ст. 23 Закона о техническом регулировании обязательное подтверждение соответствия проводится исключительно на соответствие требованиям технического регламента. В то же время в п. 3, 4 ст. 46 «Переходные положения» сказано, что Правительством РФ до вступления в силу соответствующих технических регламентов определяется и ежегодно дополняется перечень отдельных видов продукции, в отношении которых обязательная сертификация заменяется декларированием соответствия, осуществляемым в порядке, установленном Законом о техническом регулировании. До вступления в силу соответствующих технических регламентов схема декларирования соответствия на основе собственных доказательств допускается для применения только изготовителями или лицами, выполняющими функции иностранного изготовителя.

Декларирование практикуется в странах ЕС, когда, например, при подтверждении качества косметики производитель просто посылает пакет документов в регулирующий орган и подписывает соответствующую декларацию. При этом он обязуется по первому требованию предоставить для инспекции все документальные подтверждения.

С учетом этого можно ожидать, что на основе вступивших в силу правовых предписаний начнет складываться практика декларирования качества ряда товаров по почте или через Интернет. Переход на декларирование соответствия продукции должен положительно отразиться на деятельности всех ответственных из-

В.П. Бугорский

готовителей, так как предполагает уменьшение административного и финансового бремени.

Возникли и правовые проблемы. В постановлении не указано, хотя и не запрещено, что сертификатами соответствия, выданными до вступления постановления в силу, компании смогут пользоваться до истечения срока их действия, с учетом чего компаниям, возможно, придется утверждать декларации на продукцию с неистекшими сертификатами. Очевидно, что данную проблему можно решить, установив правило о том, что сертификаты на продукцию, выданные до 15 февраля, будут действительны до истечения срока их действия. Принятие такого решения входит в компетенцию Правительства РФ, инициатива может исходить от Министерства промышленности и торговли РФ.

Другое направление реализации принятого решения о декларировании качества товаров – изменение их маркировки: *знак соответствия, принятый для обязательной сертификации будет заменяться отличающимся от него знаком соответствия*, что потребует переходного периода для этикеток, который также может быть нормативно определен в указанном порядке. При этом необходимо учесть объемы производства декларируемых товаров, в зависимости от чего и должен быть определен переходный период для изменения этикеток.

Решение правовых проблем, возникших при замене обязательной сертификации ряда товаров декларированием, имеет практическую значимость.

Установление новых правил в области правового регулирования качества товаров требует от торговцев более внимательного отношения к установлению в гражданско-правовых договорах условий о качестве и особенно – формированию условий договора поставки. При планировании в торговом предприятии мероприятий по правовой работе необходимо между подразделениями, участвующими в заключении и контроле за исполнением договоров, *распределить обязанности по пересмотру условий поставки товаров, качество которых подтверждается путем декларирования соответствия*. Наряду с другими условиями, определяющими качество товаров, в договор следует включать условие о предоставлении декларации о соответствии качества на косметику, продукты питания и алкоголь. Целесообразно также пересмотреть условия ранее заключенных договоров в отношении партий товаров, которые не поставлены, соблюдая при этом требования гражданского законодательства.

Условие договора о предоставлении декларации на товар можно отнести к числу обычных, что следует из ст. 469 и 721 ГК РФ.

Если в договоре купли-продажи отсутствует условие о качестве товара, то на продавца возлагается обязанность передать покупателю товар, пригодный для целей, ради которых такой товар обычно используется (п. 2 ст. 469 ГК РФ).

Таким образом, именно продавец товара должен обладать декларацией, подтверждающей соответствие качества товара установленным требованиям.

Требования, предъявляемые в договорах к качеству продукции, не подлежащей обязательному подтверждению соответствия, а также к качеству работ, услуг, следует определять путем указания на необходимые стандарты, технические условия и иную документацию, имеющую рекомендательный характер (посредством номеров и индексов).

Определение качества товара путем отсылки к соответствующему стандарту – наиболее распространенный способ и в национальном, и в международном торговом обороте. Стандартизация товаров позволяет четко определять их качество на высоком профессиональном уровне, избегая при этом чрезмерной описательности.

При экспортных поставках, когда требования к качеству формулирует зарубежный покупатель, предпочтительны ссылки на национальный стандарт страны-импортера или на известный международный стандарт (ИСО, МЭК, EN и т. п.) с учетом обязательности сертификации или иного способа подтверждения соответствия. Это повышает степень доверия покупателя к товару и тем самым усиливает позиции российского поставщика при переговорах о цене.

В соответствии с Федеральным законом от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» стандарты содержат рекомендательные нормы. Причем, если стороны договора в отношении товара (работы, услуги), относительно которых в технических регламентах не установлены обязательные требования, определяют условие об их качестве путем указания на соответствующий стандарт, то продавец (подрядчик, исполнитель) обязан обеспечить соответствие товара (работы, услуги) данным требованиям стандарта. Неисполнение им данного договорного условия должно квалифицироваться как ненадлежащее исполнение принятых на себя договорных обязательств и повлечь за собой наступление гражданско-правовой ответственности. Причем «обязательное применение стандарта ввиду того, что стороны при заключении договора сослались на него, не изменяет существа стандарта. Он является по-прежнему рекомендательным».

В.П. Бугорский

С учетом регулятивной функции договора представляется возможным определить основные задачи торгового предприятия в области правовой работы в сфере установления условий договоров о качестве товаров, подтверждаемых путем декларирования его соответствия в условиях изменившегося законодательства.

В договорах следует проверить наличие ссылок на необходимые реквизиты нормативной документации по стандартизации и их правильность, конкретизировать альтернативно сформулированные нормы нормативной документации по стандартизации.

Показатели качества товаров, отсутствующие в нормативной документации по стандартизации, могут быть восполнены путем установления повышенных либо пониженных требований к качеству товаров по сравнению с нормативной документацией по стандартизации.

Частью 2 ст. 19.19 Кодекса РФ об административных правонарушениях предусмотрена ответственность за нарушение правил обязательной сертификации, т. е. за реализацию сертифицированной продукции, не отвечающей требованиям нормативных документов, на соответствие которым она сертифицирована, либо реализацию сертифицированной продукции без сертификата соответствия (декларации о соответствии) или без знака соответствия. Порядок проведения сертификации определен Федеральным законом № 184-ФЗ от 27.12.2002 г. «О техническом регулировании». Согласно ст. 2 Закона сертификация продукции представляет собой форму осуществляемого органом по сертификации подтверждения соответствия объектов требованиям технических регламентов, положениям стандартов или условиям договоров. Следовательно, в случае реализации товаров, в отношении которых предусмотрено декларирование соответствия без соответствующих документов, возможно применение административной ответственности в виде штрафа и конфискации товара.

Контроль за выполнением правил декларирования товаров осуществляет Роспотребнадзор, который, обнаружив факт нарушения, вправе привлечь нарушителей к административной ответственности. При этом решение вопроса о наличии в действиях изготовителей и продавцов нарушения порядка декларирования соответствия качества косметики, продуктов питания и алкоголя необходимо решить вопрос *о сроке*, в течение которого подтверждением сертификации будет считаться знак соответствия, принятый для обязательной сертификации. Таким образом, оперативное решение обсуждаемых правовых проблем декларирования качества косметики, продуктов питания и алкоголя необходимо для законного применения мер административной ответственности.

- ¹ Постановление Правительства РФ № 982 от 1.12.2009 г. «Об утверждении единого перечня продукции, подлежащей обязательной сертификации, и единого перечня продукции, подтверждение соответствия которой осуществляется в форме принятия декларации о соответствии» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 50. Ст. 6096.
- ² Федеральный закон № 184-ФЗ от 27.12.2002 г. «О техническом регулировании» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 52 (часть I). Ст. 5140.

А.В. Милохова

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОБЯЗАННОСТИ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА ЛИЦОМ,
НЕ ЯВЛЯЮЩИМСЯ ПРИЧИНТЕЛЕМ ВРЕДА

Статья посвящена проблеме классификации ответственности вследствие причинения вреда и обязанности по возмещению вреда лицом, не являющимся причинителем вреда. При этом определена природа обязанности родителей по возмещению вреда, причиненного их несовершеннолетними детьми, которая не может рассматриваться с позиций деликтной ответственности, а также ставится вопрос о правомерности предъявления гражданином к государству требований о возмещении вреда, причиненного в результате совершения против гражданина преступления лицом, личность которого не установлена.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность; гражданско-правовая ответственность за причинение вреда; деликтная ответственность; ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними; обязанность государства по возмещению вреда.

В данной статье хотелось бы вновь обратиться к вопросу классификации ответственности вследствие причинения вреда и обязанности по возмещению вреда лицом, не являющимся причинителем вреда. Принципиальное отличие указанных оснований по возмещению вреда состоит в том, что гражданское право допускает возможность предъявления требований о возмещении убытков (вреда), компенсации морального вреда и т. п. в отношении лиц, которые непосредственно вред не причиняли, но в силу закона обязаны возместить вред, причиненный потерпевшему. В данном случае речь следует вести не об ответственности в полном смысле этого слова, а о четко установленной в законе обязанности конкретного лица, не являющегося непосредственным причините-

© Милохова А.В., 2010

лем вреда, восстановить поврежденную имущественную сферу другого лица (потерпевшего). Обусловлено это в первую очередь тем, что в основе возникновения указанной обязанности лежат условия, не образующие полного состава правонарушения.

Осуществление подобной классификации связано в первую очередь с необходимостью четкого определения существа деликтной ответственности, а также обоснованием возможности применения мер гражданско-правовой ответственности в отношении лиц, в действиях которых не обнаруживается состава правонарушения.

В теории права подобная классификация осуществлялась и ранее. В частности Ю.К. Толстой предлагает различать ответственность за причинение вреда и обязательства из причинения вреда, не относящиеся к мерам ответственности¹. При этом ответственность за причинение вреда (деликтная ответственность) будет выступать как охранительное обязательственное правоотношение, а обязанность по возмещению вреда, не относящаяся к мерам ответственности, выступает в качестве обязанности в обязательстве вследствие причинения вреда.

Подобную терминологию использует и законодатель, в частности, устанавливая, что на лицо, не являющееся причинителем вреда, законом может быть возложена обязанность возмещения вреда (абз. 2 п. 1 ст. 1064 ГК РФ).

К подобным обязанностям, на наш взгляд, следует отнести:

возмещение вреда, причиненного правомерными действиями (п. 3 ст. 1064 ГК РФ), в частности случай причинения вреда в состоянии крайней необходимости (ст. 1067 ГК РФ);

возмещение родителями (усыновителями) или опекунами вреда, причиненного их несовершеннолетними детьми (ст. 1073 и п. 2 ст. 1074 ГК РФ);

возмещение вреда, причиненного недееспособными (ст. 1076 ГК РФ);

возмещение вреда, причиненного лицом, которое не могло понимать значения своих действий или руководить ими вследствие психического расстройства (п. 3 ст. 1078 ГК РФ);

возмещение вреда, причиненного в результате террористического акта (ст. 18 Федерального закона «О противодействии терроризму»²) и т. п.

Невозможность отнесения указанных случаев возмещения вреда к ответственности обусловлена рядом причин, и в первую очередь отсутствием необходимой причинной связи между действиями лиц, на которых возложена обязанность возмещения вреда, и возникшим вредом. Так, например, в соответствии со ст. 18 Федерального закона «О противодействии терроризму» государство

А.В. Милохова

осуществляет в порядке, установленном Правительством РФ, компенсационные выплаты физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в результате террористического акта. Возмещение вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, осуществляется за счет средств федерального бюджета в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном Правительством РФ.

В данном случае закон возлагает на государство обязанность по возмещению вреда, не определяя при этом государство в качестве субъекта ответственности за причиненный вред. Более того, в законе подчеркнуто, что компенсация морального вреда, причиненного в результате террористического акта, осуществляется за счет лиц, его совершивших. То есть при наличии реальных причинителей вреда, способных нести ответственность за свои действия, государство в силу объективных причин принимает на себя дополнительные гарантии защиты прав своих граждан и обязывается возместить причиненный вред в объеме, определенном в законе.

Иначе обстоит дело с возмещением вреда, причиненного несовершеннолетними. В соответствии со ст. 1074 ГК РФ несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет самостоятельно несут ответственность за причиненный вред на общих основаниях. В данном случае ответственность за причинение вреда возникает у непосредственного причинителя вреда, в действиях которого могут быть определены все необходимые условия для возложения имущественной ответственности: наличие вреда, противоправность действий причинителя вреда, причинная связь между противоправными действиями и наступившими вредоносными последствиями, а также вина.

В случае же, если вред причинен несовершеннолетним, не достигшим 14 лет (малолетним), закон определяет в качестве субъекта ответственности родителей (усыновителей) или опекунов (ст. 1073 ГК РФ), а не непосредственного причинителя вреда.

Подобная трактовка ответственности родителей получила поддержку и в теории права. Авторы предлагают обоснование ответственности родителей (усыновителей, опекунов и т. п.), усматривая в действиях родителей состав правонарушения, в том числе наличие причинной связи между действиями родителей по воспитанию своих детей и причиненным потерпевшему вредом. Непонятно только, почему указанная причинная связь куда-то исчезает, стоит только несовершеннолетнему достигнуть возраста 14 лет?

Обосновывая вывод о правомерности отнесения обязанности родителей по возмещению вреда, причиненного несовершеннолет-

ним, к ответственности, Ю.К. Толстой, в частности, отмечает, что в указанном случае «можно констатировать наличие причинной связи между вредом и поведением не только непосредственных причинителей, но и лиц, обязанных осуществлять надзор. Например, родители не осуществляют надзор за поведением малолетнего ребенка, чем обуславливают конкретную возможность причинения вреда. Ребенок своими действиями превращает эту возможность в действительность»³.

Здесь хотелось бы отметить, что, во-первых, данное высказывание само по себе противоречит сути поддерживаемой авторами учебника теории возможности и действительности⁴, с помощью которой обосновано наличие ответственности родителей, так как именно последние действия – действия ребенка – превратили возможность причинения вреда в действительность, и в соответствии с приведенной теорией именно между этими действиями и вредоносным результатом может быть установлена причинная связь. Во-вторых, в случае возложения ответственности на родителей мы должны будем констатировать помимо наличия вреда (которое предполагается) еще и наличие в действиях родителей противоправности и виновности, а также наличие причинной связи между такими действиями и вредом. Такое было бы возможно, если бы противоправные и виновные действия родителей выражались в действиях их ребенка (или того хуже – с помощью ребенка), наподобие деятельности, создающей повышенную опасность для окружающих. Безусловно, ясно, что мы не можем подходить к действиям ребенка с той же меркой, что и к воздействию источника повышенной опасности.

Следует обратить внимание на то, что хотя несовершеннолетние не имеют полной дееспособности и признаются недееспособными, т. е. в силу своего недостаточного умственного и психического развития признаются не способными нести ответственность за причиненный ими вред, тем не менее никто не опровергнет того, что ребенок – это в первую очередь личность, и в его действиях проявляется именно его воля к совершению данных действий, а не воля родителей (безусловно, за исключением случаев, если родители сами подтолкнули ребенка к совершению заведомо противоправного действия; однако в данном случае действия родителей уже будет квалифицироваться по другим основаниям). Этим, то есть в первую очередь отсутствием причинной связи, обусловлено, в частности, и отсутствие уголовной ответственности родителей за действия своих несовершеннолетних детей. Поэтому, на наш взгляд, представляется искусственными и не имеющими ничего общего с общими положениями юридической ответственности обос-

А.В. Милохова

нования правомерности отнесения обязанности родителей возместить вред к деликтной ответственности.

Интерес к исследованию указанных проблем вновь возник в связи с принятием 26 января 2010 г. Постановления Пленума Верховного суда РФ «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»⁵ (далее – Постановление)⁶.

Значительное внимание в данном Постановлении уделено выявлению и определению критериев, необходимых и достаточных для доказательства вины причинителя вреда или иных условий, необходимых для применения в отношении него деликтной ответственности. При этом в Постановлении подчеркнута, что «родители (усыновители), опекуны, попечители, а также организация для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в которую несовершеннолетний был помещен под надзор (ст. 155.1 СК РФ), отвечают в соответствии с п. 1 и 2 ст. 1073, п. 2 ст. 1074 ГК РФ за вред, причиненный несовершеннолетним, *если с их стороны имело место безответственное отношение к его воспитанию и неосуществление должного надзора за ним (попустительство или поощрение озорства, хулиганских и иных противоправных действий, отсутствие к нему внимания и т. п.)*. Обязанность по воспитанию на указанных лиц возложена ст. 63, 148.1 и 155.2 СК РФ» (п. 16 Постановления).

Указанное положение раскрывает позицию Верховного суда РФ в отношении определения вины родителей (усыновителей), опекунов, попечителей, а также организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в которую несовершеннолетний был помещен под надзор, подчеркивая, таким образом, наличие состава правонарушения в действиях родителей и иных указанных в ст. 1073 ГК РФ лиц, повлекших причинение вреда.

При этом в Постановлении сделана ссылка на ст. 63 Семейного кодекса РФ⁷, определяющую права и обязанности родителей по воспитанию и образованию детей, в которой указано, что родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. Указанная норма фактически устанавливает одновременно позитивную и негативную ответственность родителей. Позитивная ответственность выражается в ответственном и добросовестном исполнении ими своих обязанностей по воспитанию и развитию своих детей, заботе об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии; негативная – в возможности применения санк-

ций в отношении родителей, уклоняющихся от исполнения указанных обязанностей.

Под негативной ответственностью в данном случае имеется в виду ответственность родителей за собственные действия (или бездействия), связанные с неисполнением или ненадлежащим исполнением возложенных на них законом обязанностей. То есть они должны нести ответственность за невыполнение обязанностей по воспитанию своих детей, неосуществление заботы о их здоровье, физическом, психическом и духовном развитии. Соответствующие основания ответственности установлены в законе с целью защиты интересов ребенка и не могут быть охарактеризованы как деликтная ответственность за вред перед третьими лицами.

При этом возникает вопрос: можно ли, основываясь на мнении, изложенном в Постановлении, сделать вывод о том, что если ребенок рос в благополучной семье, родители уделяли внимание его образованию, водили его в кружки и спортивные секции, читали с ним классическую литературу и таким образом его воспитывали, нравственно и духовно развивали, но ребенок все же причинил вред (например, по неосторожности разбил мячом витрину или помял чью-либо машину и т. п.), то они будут освобождены от обязанности по возмещению вреда на том основании, что они ответственно относились к воспитанию своего ребенка, не поощряли озорство и хулиганство?

На этот тезис могут возразить: если ребенок причинил вред, значит, родители ненадлежащим образом осуществляли за ним надзор, что и привело к возможности возникновения вреда. Однако помимо порока в причинной связи, о котором было сказано выше, данное возражение порождает еще один принципиальный вопрос: является ли факт причинения несовершеннолетним вреда достаточным и безусловным основанием для того, чтобы сделать вывод о неисполнении или ненадлежащем исполнении родителями (усыновителями, опекунами и т. п.) возложенных на них законом обязанностей по воспитанию?

Здесь уместно привести точку зрения А.М. Нечаевой, которая, комментируя ст. 1073 ГК РФ, говорит о том, что «определение вины лица, обязанного нести ответственность за вред, причиненный малолетним, представляет особую важность, поскольку, во-первых, воспитание – это длящийся процесс, во-вторых, чаще всего результаты просчетов в воспитании, пренебрежения к правам и обязанностям по воспитанию дают о себе знать не сразу, могут проявляться неожиданно, в-третьих, между усилиями по надлежащему семейному воспитанию, их полным отсутствием и причиненным вредом не всегда существует прямая зависимость. Однако глубокая внутрен-

А.В. Милохова

няя связь между действиями (бездействием) здесь, как правило, существует. Если ее обнаружить невозможно, говорить об обязанности возместить вред не приходится.

Отсутствие четких критериев в определении вины лица, обязанного надлежащим образом воспитывать малолетнего, не означает, что ответственности за наступивший вред в любом случае не миновать. Если по объективным причинам родители (один из них) никакого участия в воспитании не принимали, вряд ли можно говорить о наличии даже косвенной их вины, поскольку фактическая связь с несовершеннолетним полностью прекратилась по не зависящим от них обстоятельствам. Другое дело, когда родители (один из них) уклонялись от выполнения родительского долга»⁸.

Е.А. Суханов, говоря о презумпции вины родителей, также указывает, что «опровергнуть указанную презумпцию практически невозможно»⁹.

Таким образом, родители в любом случае должны возмещать причиненный их ребенком вред, поскольку доказать наличие или отсутствие надлежащего воспитания зачастую не представляется возможным. При этом нужно сказать, что приведенные точки зрения убедительно свидетельствуют о необходимости возложения обязанности по возмещению вреда именно на родителей (усыновителей, опекунов и т. п.). Однако обоснование в их действиях состава правонарушения не выдерживает никакой критики.

Если вред причинен, он должен быть возмещен. В рассматриваемом случае вред причиняется неделиктоспособным субъектом, и представляется вполне оправданным возложение обязанности по возмещению вреда именно на родителей как на ближайших (по сути) к рассматриваемой ситуации причинения вреда деликтоспособных субъектов, чьи действия по воспитанию и надзору за ребенком находятся в необходимой взаимосвязи с действиями самого ребенка. Однако хотелось бы еще раз подчеркнуть, что речь в данном случае должна идти именно об обязанности родителей по возмещению вреда, а не об ответственности.

При этом обязанность по возмещению вреда не должна быть обусловлена субъективной оценкой осуществления родителями надлежащего воспитания своего ребенка. Причиненный несовершеннолетним вред должен быть возмещен. В то же время в законе следует четко определить критерии освобождения родителей (усыновителей, опекунов и т. п.) от обязанности по возмещению вреда, подобно тому как эти критерии определяются в юридической литературе, в частности в случае доказательства лицом невозможности принимать участие в воспитании своего ребенка.

В заключение хотелось бы отметить, что важность четкого определения оснований и условий деликтной ответственности и установленной законом обязанности по возмещению вреда лицом, не являющимся непосредственным причинителем вреда, состоит в том, что лицо, в действиях которого обнаруживается состав гражданского правонарушения, должно нести ответственность в силу общих норм гражданского законодательства, регулирующих деликтную ответственность (гл. 59 ГК РФ), в том время как обязанность по возмещению вреда может быть возложена на иное лицо только в случаях, прямо указанных в законе, и только в указанных в законе объемах. В связи с этим не могут быть удовлетворены, например, требования к государству о возмещении гражданину вреда, причиненного в результате совершения против него преступления лицом, личность которого не установлена¹⁰. Подобные требования неоднократно заявлялись, и суды отказывали в их удовлетворении, поскольку соответствующей обязанности по возмещению вреда лицом, которое непосредственно вред не причиняло, закон не содержит, а общие нормы в отношении государства не могут быть применены, поскольку оно не является непосредственным причинителем вреда.

Возможность реализации подобной обязанности в отношении государства требует соответствующих законодательных изменений. В то же время требует самостоятельной правовой оценки потребность в регулировании соответствующей обязанности государства по возмещению вреда, причиненного в результате совершения против гражданина преступления лицом, личность которого не установлена.

Примечания

- ¹ См.: Гражданское право: Учеб.: В 3 т. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 14–19.
- ² Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.
- ³ Гражданское право. С. 17.
- ⁴ Там же. С. 16.
- ⁵ Постановление Пленума Верховного суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Российская газета. 2010. № 24.5 февраля.
- ⁶ Указанное Постановление призвано дать разъяснения по ряду вопросов, возникших при применении судами гражданского законодательства, регулирующего

А.В. Милохова

щего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина, в том числе об условиях, порядке и размере возмещения такого вреда. Однако в большинстве случаев положения, изложенные в Постановлении, могут быть применимы и в отношении причинения вреда имуществу гражданина или юридического лица.

- 7 Семейный кодекс РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
- 8 Комментарий к Гражданскому кодексу РФ: В 2 т. Т. 1. Части первая, вторая ГК РФ / Под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
- 9 См.: Гражданское право: В 4 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. Т. 4: Обязательственное право М., 2008.
- 10 См.: Определение Конституционного суда РФ от 16 апреля 2009 г. № 355-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Скибы Сергея Васильевича на нарушение его конституционных прав статьями 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации» (текст Определения официально опубликован не был).

И.В. Воробьева

ЗАЩИТА СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В данной статье анализируется комплекс правовых проблем, в силу которых в настоящее время российские пользователи сети Интернет не могут в полной мере реализовать защиту своих прав. Автором предлагаются конкретные пути для реализации процедур административной и судебной ответственности.

Ключевые слова: средства индивидуализации, доменные имена, сеть Интернет, юрисдикция, арбитражные суды, третейские суды, международная подсудность.

Применение в Российской Федерации документа «Единая политика разрешения доменных споров» (UDRP, Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy) (далее – «Политика разрешения споров» и/или UDRP) представляется достаточно сложным, так как основой процедурой разрешения споров по доменным именам является создание постоянно действующего третейского суда для рассмотрения подобного рода споров. В соответствии с Федеральным законом «О третейских судах» стороны вправе (при определенных обстоятельствах) передать спор на разрешение третейского суда или международного арбитража. Кроме того, в российском законодательстве существует процедура предварительного внесудебного порядка разрешения споров. При этом в своей деятельности третейский суд или арбитраж руководствуются российским законодательством.

Перечень стран, присоединившихся к «Политике разрешения споров», свидетельствует о том, что это в основном небольшие государства и страны третьего мира. В этом списке нет ни одной раз-

И.В. Воробьева

витой страны. Причина этого, на наш взгляд, заключается в следующем. Страны с развитой рыночной экономикой не заинтересованы передавать компетенцию по разрешению споров в своей доменной зоне иностранному посреднику. Они создают свои правила разрешения споров и другие нормативно-правовые акты, в которых учитываются общие принципы единой системы разрешения споров.

Что касается Российской Федерации, то в нашей стране имеется собственный неудачный опыт создания третейских судов для решения споров в сети Интернет. В 2000 и 2001 гг. для разрешения споров, возникающих в сети Интернет, в Российской Федерации были созданы два похожих третейских суда: Третейский суд по информационным спорам при Союзе операторов Интернет и Третейский суд при Ассоциации документальной электросвязи.

Указанные третейские суды были созданы как самостоятельные, постоянно действующие третейские суды, осуществляющие свою деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными нормами, действующими на территории Российской Федерации с целью примирения сторон и выполнения функций по разрешению споров, вытекающих из гражданских правоотношений и могущих быть предметом третейского разбирательства при наличии письменного соглашения сторон о передаче таких споров на рассмотрение третейского суда. Достоинства и удобства процедуры третейского разбирательства за прошедшие годы так и не были востребованы, поскольку третейский суд рассматривает споры при наличии соглашения между сторонами о передаче на его разрешение уже возникшего или предполагаемого спора. Однако ни разу такого соглашения подписано не было в силу невыгодности такого разбирательства для ответчика либо недобросовестного истца.

Данная проблематика все более активно обсуждается российскими цивилистами. В этой связи А.Г. Серго предлагает создать в России процедуру, аналогичную предусмотренной документом «Политика разрешения споров»¹, включить во все договоры правила, подобные Правилам политики разрешения споров, создать список арбитров и административную структуру для рассмотрения споров (российский арбитражный центр), предусмотреть обязательность исполнения решений коллегий арбитров всеми аккредитованными регистраторами. Данная процедура должна быть досудебным способом разрешения споров, не исключающим возможности в дальнейшем обратиться в соответствующий суд. Решение арбитра/арбитров должно иметь для регистратора доменного имени силу исполнительного листа. Однако подобный орган не предусмотрен нормами российского законодательства.

На наш взгляд, в России необходимо разработать правила внесудебного разрешения споров по доменным именам, не подпадающих под действие документа «Политика разрешения споров», а именно: случаи добросовестной, но нарушающей право на товарный знак регистрации доменного имени, а также случаи столкновения прав обладателей различных средств индивидуализации. Возможным представляется предусмотреть создание такой процедуры и специального органа по разрешению подобных споров в федеральном законе, регулирующем отношения по использованию доменных имен в национальном домене верхнего уровня RU.

При обращении в суд за защитой прав встает вопрос о выборе юрисдикции. Понятие «юрисдикция» может использоваться в двух различных значениях²: как сфера действия суверенной власти государства во всех ее проявлениях (то есть законодательной, исполнительной, судебной) и как международная подсудность.

В международном частном праве под понятием «международная подсудность» подразумевается разграничение компетенции национальных судов различных государств по разрешению гражданских дел «с международными характеристиками»³. Определение подсудности следует отличать от определения права, подлежащего применению. В мировой практике сложился ряд критериев, воспринятых разными государствами и их правовыми системами, основываясь на которых, их национальное право определяет пределы и сферу компетенции собственных судебных и иных учреждений. Разграничение компетенции национальных судов в международной теории и практике существует в качестве закрепленных в законодательстве и иных источниках права следующих критериев разграничения: признак гражданства сторон спора, признак местонахождения ответчика, признак «фактического присутствия ответчика».

В Российской Федерации разграничение компетенции собственных и иностранных судов строится преимущественно с использованием территориального критерия места нахождения ответчика. Однако при этом действует и критерий гражданства. Согласно п. 5 ст. 27 АПК РФ арбитражные суды рассматривают подведомственные им дела с участием российских организаций, граждан РФ, а также иностранных организаций, международных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства, осуществляющих предпринимательскую деятельность, организаций с иностранными инвестициями, если иное не предусмотрено международным договором РФ. Согласно ст. 247 АПК РФ арбитражные суды в Российской Федерации рассматривают дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и

И.В. Воробьева

иной экономической деятельности, с участием иностранных организаций, международных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность (далее – «иностранцы»), в случае, если⁴:

ответчик находится или проживает на территории РФ либо на территории РФ находится имущество ответчика;

орган управления, филиал или представительство иностранного лица находится на территории РФ;

спор возник из договора, по которому исполнение должно иметь место или имело место на территории РФ;

требование возникло из причинения вреда имуществу действием или иным обстоятельством, имевшими место на территории РФ, или при наступлении вреда на территории РФ;

спор возник из неосновательного обогащения, имевшего место на территории РФ;

истец по делу о защите деловой репутации находится в РФ;

спор возник из отношений, связанных с обращением ценных бумаг, выпуск которых имел место на территории РФ;

заявитель по делу об установлении факта, имеющего юридическое значение, указывает на наличие этого факта на территории РФ;

спор возник из отношений, связанных с государственной регистрацией имен и других объектов и оказанием услуг в международной ассоциации сетей Интернет на территории РФ;

в других случаях при наличии тесной связи спорного правоотношения с территорией РФ.

Под государственной регистрацией имен и других объектов в международной ассоциации сетей Интернет на территории РФ в настоящее время понимается регистрация доменных имен в национальном домене верхнего уровня RU, что подтверждается судебной практикой.

Так как из содержания подп. 9 п. 1 ст. 247 АПК РФ неясно, о какой «государственной регистрации имен» идет речь и каких «других объектов» такая регистрация касается, предлагаем изменить формулировку данной нормы и изложить ее в следующей редакции: «Спор возник из отношений, связанных с регистрацией доменных имен в национальном домене верхнего уровня RU и оказанием услуг в сети Интернет на территории Российской Федерации с участием иностранных лиц».

В соответствии со ст. 248 АПК РФ арбитражные суды в РФ рассматривают также следующие дела с участием иностранных лиц, отнесенные к их исключительной компетенции:

споры в отношении находящегося в государственной собственности РФ имущества, в том числе по спорам, связанным с приватизацией государственного имущества и принудительным отчуждением имущества для государственных нужд;

споры, предметом которых являются недвижимое имущество, если такое имущество находится на территории РФ, или права на него;

споры, связанные с регистрацией или выдачей патентов, регистрацией и выдачей свидетельств на товарные знаки, промышленные образцы, полезные модели или регистрацией других прав на результаты интеллектуальной деятельности, которые требуют регистрации или выдачи патента либо свидетельства в РФ;

споры о признании недействительными записей в государственных реестры (регистры, кадастры), произведенных компетентным органом РФ, ведущим такой реестр (регистр, кадастр);

споры, связанные с учреждением, ликвидацией или регистрацией на территории РФ юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также с оспариванием решений органов этих юридических лиц.

Из вышеизложенного следует, что споры, отнесенные к исключительной компетенции арбитражных судов в РФ, в основном связаны с регистрацией различных объектов и субъектов на территории РФ. Однако в данном перечне отсутствуют экономические и другие споры, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, возникающие из отношений, связанных с регистрацией доменных имен в национальном домене верхнего уровня RU и оказанием услуг в сети Интернет на территории Российской Федерации с участием иностранных лиц. В связи с этим целесообразным было бы отнести указанную категорию споров к исключительной компетенции арбитражных судов РФ.

Согласно п. 2 ст. 22 ГПК РФ суды рассматривают и разрешают дела с участием иностранных граждан, лиц без гражданства, иностранных организаций, организаций с иностранными инвестициями, международных организаций.

В соответствии с п. 2 ст. 402 ГПК РФ суды в РФ рассматривают дела с участием иностранных лиц, если организация-ответчик находится на территории РФ или гражданин-ответчик имеет место жительства в Российской Федерации. Пункт 3 этой же статьи предусматривает, что суды в Российской Федерации вправе также рассматривать дела с участием иностранных лиц в случае, если орган управления, филиал или представительство иностранного лица находится на территории РФ; ответчик имеет имущество, находящееся на территории РФ; по делу о возмещении вреда, причи-

И.В. Воробьева

ненного имуществу, действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для предъявления требования о возмещении вреда, имело место на территории РФ; иск вытекает из договора, по которому полное или частичное исполнение должно иметь место или имело место на территории РФ; иск вытекает из неосновательного обогащения, имевшего место на территории РФ; по делу о защите чести, достоинства и деловой репутации истец имеет место жительства в РФ⁵.

Анализ норм ГПК РФ показывает, что данный закон не содержит правил, позволяющих отнести споры, связанные с регистрацией доменных имен и оказанием услуг в сети Интернет, возникающие на территории Российской Федерации, к компетенции российских судов общей юрисдикции.

В отношении разграничения компетенции арбитражных судов и судов общей юрисдикции России интерес представляет решение Федерального арбитражного суда Московского округа от 19.07.2005 г. об оставлении в силе решения Арбитражного суда города Москвы и Девятого апелляционного арбитражного суда по спору о домене etro.ru.

Суть спора состояла в следующем: истец, известная иностранная компания, обратился в суд с иском к физическому лицу, не зарегистрированному в качестве индивидуального предпринимателя, о защите прав на товарный знак и взыскании компенсации за незаконное использование товарного знака ETR0, зарегистрированного в отношении ряда товаров, так как ответчик зарегистрировал на свое имя доменное имя etro.ru и использует его для рекламы и предложения к продаже однородных товаров. Арбитражный суд города Москвы запретил ответчику использовать товарный знак ETR0 в доменном имени etro.ru.

Апелляционная инстанция оставила решение без изменения. При кассационном обжаловании ранее принятых судебных актов одним из ключевых доводов кассационной жалобы ответчика являлось указание на то, что спор в соответствии со ст. 27, 33 АПК РФ с участием физического лица, не зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя, подлежит рассмотрению в федеральном суде общей юрисдикции, а не в арбитражном суде. Однако суд кассационной инстанции не согласился с доводами кассационной жалобы в этой части, так как ответчик, физическое лицо, является учредителем компании, а регистрация доменного имени была осуществлена им не в личных целях, а в целях рекламы и предложения к продаже товаров учрежденной им компании. Суд кассационной инстанции также указал, что фактически имеет место осуществление ответчиком – физическим лицом предпринима-

тельской деятельности без осуществления государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, а потому в силу п. 4 ст. 23 ГК РФ ответчик не вправе ссылаться в отношении незаконного использования им доменного имени, что он не является предпринимателем. Суд кассационной инстанции также отметил, что содержание настоящего спора носит экономический характер, который в соответствии со ст. 27 АПК РФ подлежит рассмотрению в арбитражном суде.

Таким образом, Федеральный арбитражный суд Московского округа подтвердил правомерность принятия арбитражным судом к своему производству доменных споров с участием физических лиц – администраторов (владельцев) спорных доменных имен, не зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, но фактически осуществляющих экономическую деятельность, и согласился с тем, что в соответствии с законом указанные дела должны рассматриваться арбитражными судами, а не судами общей юрисдикции.

В различных странах нормы права, регламентирующие пределы компетенции национальных судов, неодинаковы по своему содержанию, что приводит к случаям, когда применительно к одному и тому же спору объявляются компетентными два или несколько судебных учреждений различных стран. Данные ситуации принято называть «конфликтом юрисдикции». «Конфликт юрисдикции» разрешается в международном сотрудничестве государств посредством договорно-правовых средств, т. е. с помощью заключения многосторонних и двухсторонних соглашений. Однако соглашение по регулированию отношений в сети Интернет на международном уровне пока не заключено. Достаточно простой представляется ситуация, когда доменное имя регистрируется в государстве нахождения ответчика и регистрации товарного знака, независимо от государства регистрации и нахождения истца. Более сложные ситуации, требующие регулирования на международном уровне, представляют случаи несовпадения государств регистрации доменного имени, товарного знака, местонахождения истца и ответчика. В таких случаях предъявление иска в государстве нахождения ответчика усложняет процесс рассмотрения спора и исполнения принятого решения.

Представляется целесообразным заключить соглашение на международном уровне, которое бы регулировало отношения, связанные с выбором юрисдикции по спорам на товарный знак при использовании товарного знака в доменном имени. При этом считаем предпочтительным критерием разграничения подсудности принцип государства регистрации доменного имени независимо от государств регистрации и нахождения сторон.

И.В. Воробьева

С использованием данного подхода к выбору юрисдикции будет упрощен порядок исполнения принятого решения, а в случаях несовпадения государств регистрации доменного имени, товарного знака, местонахождения истца и ответчика стороны будут поставлены в равное положение.

Примечания

- ¹ *Серго А.Г.* Доменные имена. М.: Бестселлер, 2009. С. 298.
- ² *Ануфриева Л.П.* Международное частное право: В 3 т. М., 2009. Т. 3. С. 305.
- ³ *Войшиканис Е., Якушев М.* Информация. Собственность. Интернет: Традиция и новеллы в современном праве. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 405.
- ⁴ Арбитражно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 03. 12. 2008 г. № 229-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
- ⁵ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 04. 12. 2007 № 330-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2007. № 50. Ст. 6243.

П.М. Владимирова

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАЩИТЕ КОНКУРЕНЦИИ

Статья посвящена вопросам привлечения к юридической ответственности за нарушение законодательства о защите конкуренции. Рассмотрены три вида ответственности гражданско-правовая, административная и уголовная. Проанализированы актуальные правовые аспекты применения каждого из видов ответственности.

Ключевые слова: конкуренция, антимонопольный орган, ответственность, доминирующее положение, раздел рынка, антиконкурентные действия, Федеральная антимонопольная служба (ФАС).

Нарушение законодательства о защите конкуренции является противоправным деянием, и его совершение влечет неминуемо привлечение к юридической ответственности. Речь не идет о самостоятельном виде ответственности, как это предполагалось в проекте Федерального закона «О защите конкуренции»¹. Законом о защите конкуренции закреплено, что нарушение антимонопольного законодательства влечет привлечение к ответственности, предусмотренной законодательством Российской Федерации².

Нарушителями законодательства о защите конкуренции могут быть должностные лица федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, должностные лица иных органов, осуществляющих функции указанных органов или организаций, а также должностные лица государственных внебюджетных фондов, коммерческие и некоммерческие организации и их должностные лица, физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели. Следовательно, все

П.М. Владимирова

указанные выше категории и могут быть привлечены к юридической ответственности.

Конкретный вид юридической ответственности зависит от ряда факторов, среди которых принято называть: различный характер и степень общественной вредности поступков, неодинаковый характер последствий правонарушений, многообразие целей ответственности, содержание правовых санкций, наличие объективно существующих отраслей права и т. д.³ Как показывает практика, в случае подобных нарушений может возникнуть уголовно-правовая, административно-правовая и гражданско-правовая ответственность, которые «относятся к традиционным видам юридической ответственности по российскому законодательству»⁴.

Гражданско-правовая ответственность представляет собой закрепленные правовыми нормами юридические последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения одним лицом предусмотренных законодательством о защите конкуренции требований, следствием чего является нарушение субъективных гражданских прав других лиц. Причем в рамках каждого вида юридической ответственности существуют различные меры.

Так, к условиям, при наличии которых суд по иску антимонопольного органа вправе принять решение о принудительном разделении коммерческой или некоммерческой организации либо о выделении из их состава одной или нескольких организаций, относятся следующие: систематическое осуществление монополистической деятельности; коммерческая организация должна занимать доминирующее положение; некоммерческая организация должна осуществлять деятельность, приносящую ей доход⁵. При этом под систематическим осуществлением монополистической деятельности понимается осуществление хозяйствующим субъектом монополистической деятельности, выявленное в установленном федеральным законодательством порядке более двух раз в течение трех лет.

Необходимо отметить, что важными условиями наступления ответственности за причинение вреда является следующая совокупность: наличие самого вреда, т. е. уничтожение, умаление какого-либо материального блага, охраняемого законом; противоправность поведения лица, причинившего вред; наличие вины лица, причинившего вред. Только при наличии всех перечисленных условий правонарушитель обязан возместить причиненные убытки.

Следует указать на тот факт, что сегодня глобальной проблемой развития экономики является также смешение властных полномочий с хозяйственной деятельностью, будь то извлечение государственными и муниципальными органами доходов из своих публич-

ных обязанностей или наделение хозяйствующих субъектов эксклюзивными полномочиями на рынке⁶. Поэтому крайне важно развивать механизмы привлечения к юридической ответственности за подобные нарушения, учитывая специфику субъектного состава правонарушителей.

Если говорить о привлечении к административной ответственности, то ей предшествует возбуждение и рассмотрение ФАС России при наличии достаточных оснований дела о нарушении антимонопольного законодательства. По результатам рассмотрения дел ФАС России принимает по ним решения и выдает предписания, причём законодательством выделены четыре основания:

- 1) поступление сведений из государственных и муниципальных органов, указывающих на наличие признаков нарушения антимонопольного законодательства;
- 2) получение заявления юридического или физического лица;
- 3) обнаружение антимонопольным органом признаков нарушения антимонопольного законодательства;
- 4) сообщение средства массовой информации, указывающее на наличие признаков нарушения антимонопольного законодательства.

Получив заявление и соответствующие материалы, ФАС России рассматривает и изучает последние в течение одного месяца со дня их поступления⁷. В процессе рассмотрения указанных материалов ФАС России определяет, относится ли настоящее дело к его компетенции, в достаточном ли объеме представлены материалы, а также определяет круг лиц, подлежащих участию в деле. Кроме этого, необходимо установить наличие признаков нарушения антимонопольного законодательства и определить правовую норму, подлежащую применению. При недостаточности или отсутствии доказательств, свидетельствующих о факте нарушения антимонопольного законодательства, ФАС России имеет право пролонгировать срок рассмотрения заявления до трех месяцев с момента его поступления. Если в ходе рассмотрения дела ФАС России выявит обстоятельства, подтверждающие факт наличия административного правонарушения, он должен возбудить дело об административном правонарушении, и каждое возбуждаемое дело опосредуется созданием соответствующей комиссии по рассмотрению дела о нарушении антимонопольного законодательства (далее – Комиссия). Каждая такая Комиссия выступает от имени антимонопольного органа⁸.

Финальной стадией рассмотрения дела является принимаемое Комиссией решение. Данное решение включает в себя резюме о наличии или об отсутствии оснований для прекращения рассмотрения дела или же о наличии нарушения антимонопольного законо-

П.М. Владимирова

дательства, следовательно, выдачи предписания, и перечень действий, включаемых в предписание и подлежащих выполнению. Кроме того, вывод содержит основания для принятия антимонопольным органом мер по пресечению и устранению последствий нарушения антимонопольного законодательства, а также обеспечению конкуренции, включая основания для обращения с иском в суд, для передачи материалов в правоохранительные органы и т. д.

Если установлен факт монополистической деятельности или недобросовестной конкуренции, хозяйствующий субъект, нарушивший антимонопольное законодательство, обязан по предписанию ФАС России перечислить в федеральный бюджет доход, полученный от таких действий (бездействия). В противном случае данный доход подлежит взысканию в федеральный бюджет. Следовательно, административная ответственность в основном выражается в виде штрафа.

Следует отметить, что впервые в законодательство России об административных правонарушениях внесены положения, предусматривающие отмену наказания для компаний, которые добровольно прекращают свое участие в ограничивающих конкуренцию соглашениях и согласованных действиях и сотрудничают с антимонопольным органом в расследовании таких правонарушений.

Так, лицо, добровольно заявившее в федеральный антимонопольный орган, его территориальный орган о заключении им ограничивающего конкуренцию и недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством соглашения или об осуществлении ограничивающих конкуренцию и недопустимых согласованных действий, отказавшееся от участия или дальнейшего участия в таком соглашении либо от осуществления или дальнейшего осуществления таких согласованных действий и предоставившее имеющиеся у него сведения (информацию) в целях установления факта такого соглашения или таких согласованных действий, освобождается от административной ответственности за административное правонарушение.

Установлена также ответственность за непредоставление ходатайств, уведомлений (заявлений), сведений (информации) в федеральный антимонопольный орган и его территориальные органы.

Уголовная ответственность является ответственностью за совершение преступления, характеризуется особой тяжестью совершенного правонарушения и связана с причинением крупного ущерба потерпевшим. Она выступает как реакция государства на наиболее социально вредные деяния, осуществляемая специальными правоохранительными органами путем установления признаков состава преступления⁹. Впервые уголовная ответственность за мо-

нополистическую деятельность и ограничение конкуренции была предусмотрена в 1996 г. в ст. 178 Уголовного кодекса РФ. Положения указанной статьи о пресечении монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции включены в единую систему государственного антимонопольного регулирования, основанную на общих целях и конституционном принципе недопустимости противоправного монополизма и недобросовестной конкуренции¹⁰.

Тогда в качестве диспозиции выступали монополистические действия, совершенные путем установления монопольно высоких или монопольно низких цен, а равно ограничение конкуренции путем раздела рынка, ограничения доступа на рынок, устранения с него других субъектов экономической деятельности, установления или поддержания единых цен, каковые действия могли быть совершены также неоднократно либо группой лиц по предварительному сговору, либо организованной группой. И в качестве максимальной санкции было предусмотрено лишение свободы на срок от трех до семи лет с конфискацией имущества или без таковой.

Учитывая принятие закона о защите конкуренции, а также принимая во внимание динамичное развитие экономических отношений, законодателю пришлось пересмотреть подход к привлечению к уголовной ответственности. Законодатель больше не стал выделять отдельно монополистическую деятельность, поскольку повлечь уголовную ответственность могут и действия (бездействие), которые не относятся к проявлениям монополистической деятельности в соответствии с требованиями законодательства о защите конкуренции. Теперь в ч. 1 ст. 178 Уголовного кодекса РФ закреплено, что ответственность возникает за «...недопущение, ограничение или устранение конкуренции путем установления или поддержания монопольно высоких или монопольно низких цен, раздела рынка, ограничения доступа на рынок, устранения с него других субъектов экономической деятельности, установления или поддержания единых цен, если эти деяния повлекли причинение крупного ущерба».

Таким образом, диспозиция включает два изменения: во-первых, преступление может быть осуществлено посредством различных деяний, которые ограничивают (устраняют) конкуренции; во-вторых, необходимо наличие крупного ущерба как результата таких действий. Причем в целях данной статьи крупным ущербом признается ущерб, сумма которого превышает 1 млн рублей. Кроме того, максимальная санкция, закрепленная ст. 178 в новой редакции, предусматривает дополнительные материальные обременения, и они выражаются в лишении свободы на срок от трех до семи лет со штрафом в размере до 1 млн руб. или в размере

П.М. Владимирова

заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового.

Можно рассмотреть состав указанного правонарушения – преступления.

Объектом преступления являются общественные отношения, воздействие на которые влечет отрицательное влияние на конкуренцию в целом.

Объективная сторона состава преступления охватывает действия, которые направлены на недопущение, ограничение или устранение конкуренции. Последние могут выражаться в следующих видах незаконной деятельности: установление или поддержание монопольно высоких или монопольно низких цен (проявления монополистической деятельности), раздел рынка, ограничение доступа на рынок, устранение с него других субъектов экономической деятельности, установление или поддержание единых цен. При этом указанные действия должны повлечь причинение крупного ущерба.

Устранение с рынка других субъектов экономической деятельности – действия виновных лиц, принуждающие хозяйствующие субъекты, уже работающие на данном рынке, полностью или частично прекратить экономическую деятельность на соответствующем рынке. Они могут выражаться, например, в распространении среди клиентов хозяйствующего субъекта ложной, неточной или искаженной информации, способной причинить убытки или нанести ущерб его деловой репутации. Ограничение конкуренции и устранение с рынка могут достигаться и с помощью принуждения к отказу от совершения сделки.

Установление или поддержание единых цен – это целенаправленное соглашение двух или более хозяйствующих субъектов об общих ценах (тарифах) на конкретном рынке, применяемых всеми участниками такого сговора.

В отличие от ранее действующей редакции ст. 178 Уголовного кодекса РФ, предусматривающей формальный состав преступления¹¹, теперь, как мы уже отметили выше, обязательным признаком является наличие крупного ущерба. В противном случае указанные правонарушения не будут квалифицироваться как преступления и не повлекут уголовной ответственности. Интересно, что в научной литературе можно было и раньше встретить мнение о том, что в объективную сторону рассматриваемого деяния необходимо ввести признак «причинение существенного вреда»¹², что было реализовано впоследствии законодателем¹³.

Субъектами указанного преступления могут являться руководители хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение на российских рынках, а также иные лица, наделенные правом принимать решения в интересах самих хозяйствующих

субъектов, занимающих доминирующее положение. Субъектом указанного преступления может быть и физическое лицо – индивидуальный предприниматель, зарегистрированный в установленном законодательством порядке¹⁴.

Кроме того, можно рассматривать в качестве антиконкурентных и действия, ущемляющие интересы обладателя товарного знака, знака обслуживания и наименования места происхождения товара, которые были зарегистрированы в установленном законом порядке¹⁵.

Следует отметить, что в ряде стран уже давно наблюдается тенденция к усилению использования уголовного наказания за нарушения конкурентного законодательства¹⁶. В Японии, например, верхний предел уголовных штрафов для фирм и торговых объединений еще в 1992 г. был повышен до 100 млн иен, что было связано с публичным заявлением Комиссии по добросовестной торговле Японии о том, что она будет добиваться применения мер уголовного наказания по случаям злостных и серьезных нарушений, оказывающих обширное воздействие на уровень жизни граждан, таких как ценовые картели, монополизм на торгах, групповые бойкоты и иные нарушения¹⁷.

Уголовное преследование широко применяется в США. Как отмечает В.И. Еременко, дела по фактам нарушения закона Шермана могут рассматриваться как в гражданском, так и уголовном судопроизводстве¹⁸. Причем интересной особенностью уголовно-правовых норм в антитрестовских законах США является то, что в них можно видеть отступления от общего принципа индивидуализации уголовной ответственности, поскольку предусмотренные в них санкции могут быть применены не только против физических лиц, но и против юридических.

Поэтому, по нашему мнению, необходимо развивать механизмы привлечения ко всем указанным выше видам юридической ответственности, исходя из степени вреда, причиненного конкурентам и конкуренции в целом.

При этом, как показывает практика, основным видом юридической ответственности за нарушения законодательства о защите конкуренции является административная ответственность, которая в первую очередь выражается в виде штрафных санкций.

Примечания

¹ См.: Заключение Комитета по промышленности, строительству и наукоемким технологиям Государственной Думы РФ от 30.06.2005 № 43 по проекту Федерального закона № 186242-4 «О защите конкуренции» // Консультант Плюс. 2007.

П.М. Владимирова

- 2 См.: ст. 37 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.
- 3 См.: *Вопленко Н.Н.* О понятиях «вид» и «подвид» юридической ответственности // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 2. С. 42.
- 4 См.: Там же. С. 49.
- 5 В отношении кредитной организации антимонопольный орган подает иск только по согласованию с Банком России.
- 6 См.: *Лобановский П.Л.* Административные ограничения конкуренции на товарных рынках: Учеб. пособие. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та. 2003. С. 145.
- 7 См.: Приказ ФАС РФ от 17.01.2006 № 9 «Об утверждении правил рассмотрения антимонопольным органом дел о нарушениях антимонопольного законодательства и иных нормативных правовых актов о защите конкуренции на рынке финансовых услуг» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 20.
- 8 При рассмотрении дела о нарушении антимонопольного законодательства финансовыми организациями (за исключением кредитных организаций), имеющими лицензии, выданные федеральным органом исполнительной власти по рынкам ценных бумаг, в состав комиссии включаются представители данного федерального органа исполнительной власти, которые составляют половину членов комиссии.
- 9 См.: *Вопленко Н.Н.* Указ. соч. С. 49–50.
- 10 См.: *Кудинов О.А.* Предпринимательское (хозяйственное) право: Учеб. пособие. М.: Дашков и Ко, 2007. С. 73.
- 11 В данном случае ответственность за совершение преступления наступала за факт деяния, целью которого являлось недопущение, ограничение или устранение конкуренции, вне зависимости от того, наступили ли вредные последствия или нет.
- 12 См.: *Андреев А., Гордейчик С.* Монополистические действия и ограничение конкуренции: вопросы квалификации // Российская юстиция. 1998. № 7.
- 13 См.: Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (ред. от 05.01.2006) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.
- 14 См.: Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (ред. от 05.02.2007) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3431.
- 15 См.: Закон РФ от 23.09.1992 № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» (ред. от 24.12.2002) // Российская газета. 1992. № 228. 17 октября.
- 16 См.: *Варламова А.Н.* Правовое регулирование конкурентных отношений на товарных рынках Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 214.
- 17 См.: *Тошиюки Н.* Новейшее расследование и совершенствование следственной деятельности // Сборник тезисов. Вторая междунар. конф. М., 1997. С. 8–9.
- 18 См.: *Еременко В.И.* Антитрестовское законодательство Соединенных Штатов Америки // Законодательство и экономика. 1996. № 23–24. С. 75.

Ю.В. Тихомирова

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ОСОБОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

В статье исследуются правовые вопросы, связанные с определением понятия «особое производство» в теории гражданского процессуального права. Рассматриваются также вопросы выявления признаков особого производства, исходя из определенных, специальных критериев.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, особое производство, признаки вида судопроизводства.

Особому производству посвящен подраздел 4 (гл. 27–38) разд. II Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ)¹. Чтобы правильно определить понятие и сущность этого вида гражданского судопроизводства, необходимо выявить все его признаки.

Признаки особого производства следующие:

1. Цель суда по таким делам состоит в защите субъективных гражданских прав и охраняемых законом интересов, но не путем разрешения спора о праве, как в делах искового производства, а путем выявления и констатации факта (обстоятельства), с которым норма материального права связывает возникновение, изменение или прекращение у заявителя определенных прав и обязанностей. При этом сами права осуществляются не в процессе особого производства, а уже после, вне рамок особого производства. В порядке особого производства устанавливаются также и определенные правовые состояния, например делается вывод о правовом статусе гражданина.

В порядке особого производства судом рассматриваются только специально предусмотренные в законе, а именно в ст. 262 ГПК РФ, категории дел, в которых отсутствуют споры о праве.

© Тихомирова Ю.В., 2010

Ю.В. Тихомирова

2. Субъектный состав характеризуется отсутствием сторон с противоположным юридическим интересом – из-за отсутствия спора о праве. Поэтому обязательным субъектом здесь является заявитель (заявители). Предусмотрена возможность участия в деле заинтересованных лиц.

3. По вышеуказанным причинам отсутствует возможность применения институтов, которые исключаются характером особого производства: участие третьих лиц, иск, встречный иск, признание иска, отказ от иска, мировое соглашение.

4. Средством судебной защиты здесь является заявление (исключения составляют только дела по жалобам на нотариальные действия или на отказ в их совершении). Требования, предъявляемые к содержанию такого заявления², существенно отличаются от требований, предъявляемых к содержанию исковых заявлений³.

5. Специфика задачи суда при рассмотрении данных дел, особенность субъектного состава, а также особенности средства судебной защиты влекут существенные особенности в процессуальном порядке рассмотрения этих дел, который существенно отличается от порядка рассмотрения исковых дел. Например, законом в большинстве случаев точно установлен определенный круг лиц, по заявлению которых может быть возбуждено дело особого производства.

6. Кроме того, каждая из категорий дел особого производства по-своему отличается от дел искового производства, поэтому имеются определенные различия и в процессуальном порядке рассмотрения каждой из категорий дел особого производства⁴.

7. Нельзя не согласиться с тем, что в особом производстве рассматриваются вопросы права. Такой вывод следует из содержания ст. 262 ГПК РФ. Из нее видно, что законодатель относит к особому производству достаточно разнохарактерные дела. Поэтому следует отметить, что судом рассматриваются вопросы права при производстве дел, указанные в подп. 2–8, 10–11 п. 1 ГПК РФ. Так, в вызывном производстве устанавливается факт утраты заявителем ценной бумаги на предъявителя, но в этих делах, кроме того, суд должен пресечь возможные неблагоприятные последствия, связанные с утратой этого документа, а точнее признать недействительным утраченный документ (ст. 300 ГПК РФ).

По делам о признании гражданина безвестно отсутствующим или объявлении его умершим, о признании его ограниченно дееспособным или недееспособным суд обязан не только установить конкретные обстоятельства, но и определить правовой статус конкретного гражданина (рассмотреть вопрос права): признать гражданина недееспособным или ограниченно дееспособным, умершим или безвестно отсутствующим.

Так как в каждом деле особого производства судом решается вопрос об установлении факта, не являющегося очевидным, большой научный интерес в литературе вызывает вопрос о содержании понятия «спорность факта».

Когда лицо обращается в суд с просьбой подтвердить наличие конкретного обстоятельства, от которого зависит наступление определенных правовых последствий, налицо неопределенность существования данного обстоятельства (факта). Такая неопределенность имеет место в случаях, когда данный факт не может быть подтвержден документами, вследствие чего лицо не имеет возможности самостоятельно реализовать принадлежащее ему право. Из этой неопределенности юридического факта следует вывод о том, что этот факт является спорным. Если нет спора о наличии такого факта, то нет и смысла обращаться в суд⁵.

Кроме того, спорность такого факта исключает наличие сторон с противоположными юридическими интересами, так как заявление об установлении юридического факта не содержит в себе никаких материально-правовых претензий к другим лицам, а содержит лишь требование к суду об установлении данного юридического факта. Поэтому если в ходе рассмотрения дела обнаружатся лица с противоположными правовыми интересами, и спор о факте перейдет в спор о праве этих лиц, подведомственный судам, суд должен оставить заявление без рассмотрения и разъяснить спорящим сторонам их право на рассмотрение спора в порядке искового производства, что указано в ч. 2 ст. 263 ГПК РФ.

В теории гражданского процесса по вопросу о связи спора о факте и спора о праве нет единой точки зрения. Одни ученые считают, что возникновение спора о факте обязательно влечет за собой спор о праве⁶, другие утверждают, что может иметь место спор о факте, не переходящий в спор о праве⁷.

Обоснованием первой точки зрения является ссылка на то, что юридический факт и право взаимообусловлены и неразделимы: лицо не может иметь субъективных прав, которые не обусловлены конкретными юридическими фактами, а факт не может быть юридическим, если он не влечет возникновения, изменения или прекращения прав и обязанностей. Поэтому если имеет место спор о факте, то имеет место и спор о праве.

Думается, что такие выводы являются следствием неточного понимания состояния спорности факта. Факт является спорным, потому что он надлежащим образом не подтвержден и не установлен (например, утеряно свидетельство о регистрации брака, а в органе ЗАГС сведения о регистрации данного брака не сохранились). Поэтому пока судом не будет вынесено решение об установлении

Ю.В. Тихомирова

данного факта, даже если имеют место какие-либо другие обстоятельства, свидетельствующие о наличии этого факта (например, совместное проживание, ведение общего совместного хозяйства, наличие детей), ни один государственный орган не будет его считать достоверным и бесспорным, т. е. установленным.

Вследствие этого мнение о том, что возникновение спора о факте обязательно влечет за собой спор о праве, представляется неверным, так как в этом случае вообще ставится под сомнение необходимость особого производства в целом как вида гражданского судопроизводства, предназначенного для судебного подтверждения определенных фактов, которые без прохождения такой процедуры не могут быть (считаться) очевидными.

Что касается производства по жалобам на нотариальные действия или на отказ в их совершении, следует согласиться с правильным утверждением многих ученых, например А.Т. Боннера, Т.Д. Песковой, Д.М. Чечота и других о том, что законодатель данную категорию дел ошибочно отнес к особому производству. По своей правовой природе такие дела являются делами, возникающими из административно-правовых отношений⁸.

В обосновании данного утверждения лежат следующие соображения.

В таких делах имеется наличие спора о праве или охраняемом законом интересе, возникающего из административного (публичного) правоотношения: нотариальный орган как орган, имеющий определенные полномочия и обязанности в сфере государственной деятельности, совершает или отказывается совершать конкретное нотариальное действие, а гражданин или иное лицо считает, что таким поведением нотариального органа нарушается его субъективное право или охраняемый законом интерес.

Имеются две спорящие стороны – нотариальный орган и гражданин, интересы которых противоположны друг другу.

Правоотношения, послужившие предметом спора, носят административный (публичный) характер, так как гражданин находится в некоей зависимости при оформлении определенных, предусмотренных в законе прав от решений и действий органов нотариата.

Средством судебной защиты здесь является жалоба, по сути, административный иск, а не заявление, как во всех остальных делах, рассматриваемых в порядке особого производства.

Поэтому представляется верным утверждение авторов, считающих, что в делах по жалобам на нотариальные действия или на отказ в их совершении судом рассматривается правовой спор⁹.

Кроме того, вышеизложенное опровергает утверждение отдельных авторов о том, что между нотариальным органом и граждани-

ном не существует никаких материальных правоотношений и, следовательно, споров о праве¹⁰.

Все обязанности нотариальных органов по совершению нотариальных действий прописаны в законе. При осуществлении лицом своего права на обращение в нотариальный орган за совершением конкретного нотариального действия, предусмотренного в законе, возникает корреспондирующая обязанность нотариуса произвести проверку документов и принять решение о совершении указанного нотариального действия либо об отказе в его совершении. Как известно, если между субъектами имеются какие-либо права и обязанности, эти субъекты находятся в правовых отношениях друг с другом. Причем эти правоотношения возникают с момента обращения гражданина в нотариальный орган.

Если лицо, обратившееся к нотариусу за совершением конкретного нотариального действия, не согласно с отказом нотариуса совершить конкретное нотариальное действие и оспаривает это решение нотариуса, между этими двумя субъектами имеется спор по поводу их взаимных прав и обязанностей. Кроме того, указанная категория дел возбуждается в суде жалобой. А жаловаться на орган, у которого с заявителем не имеется никаких правоотношений, бессмысленно, так как в таком случае этот орган будет являться ненадлежащим ответчиком. А этим, в свою очередь, ставится под сомнение само существование производства по жалобам на нотариальные действия или на отказ в их совершении.

Руководствуясь изложенным, можно сделать следующее заключение о понятии и материально-правовой природе дел особого производства.

Особое производство – это вид гражданского судопроизводства, характеризуемый особым порядком рассмотрения отнесенных законом к судебной компетенции категорий дел, в которых отсутствует спор о праве, применяются специальные средства и способы защиты, в которых суд защищает права и охраняемые законом интересы граждан путем установления конкретных юридических фактов, правовых состояний.

Примечания

¹ Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

² См.: ст. 267, 270, 277, 282, 291, 295, 308 ГПК РФ.

³ См.: ст. 269, 281, 287, 290, 294, 302, 310 ГПК РФ.

⁴ Гражданское процессуальное право России: Учеб. / Под ред. М.С. Шакарян. М.: Юрист, 2002. С. 406.

Ю.В. Тихомирова

- ⁵ *Логинов В.П.* О системе гражданского процессуального кодекса РСФСР и некоторых вопросах гражданского процесса // Советское государство и право. 1956. № 8. С. 55.
- ⁶ *Мельников А.А.* Особое производство в советском гражданском процессе. М.: Наука, 1964. С. 11; *Морейн И.Б.* Основные вопросы теории особого производства в советском гражданском процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1951. С. 17–18; *Жеруолис И.А.* Некоторые вопросы особого производства // Советское государство и право. 1958. № 8. С. 64.
- ⁷ *Чечот Д.М.* Неисковые производства. М.: Юридическая литература, 1973. С. 19; *Крецу В.А.* Охрана субъективных прав в порядке особого производства. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. С. 64.
- ⁸ *Боннер А.Т.* Производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 9–10; *Пескова Т.Д.* Рассмотрение судами дел по жалобам на действия нотариальных органов. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. С. 15; *Чечот Д.М.* Проблема защиты субъективных прав и интересов в порядке неисковых производств советского гражданского процесса. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1969. С. 31.
- ⁹ *Боннер А.Т.* Указ. соч. С. 9–10; *Козлов А.Ф.* Основные вопросы теории особого производства по закону от 11.04.1937. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1952. С. 6; *Авдюков М.Г.* Виды судопроизводства в советском гражданском процессуальном праве // Вестник МГУ. 1956. № 2. С. 124.
- ¹⁰ *Алиев В.Д.* Особое производство в советском гражданском процессе. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1978. С. 34; *Скитович В.В.* Судебный контроль за законностью действий должностных лиц. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983. С. 74; *Добровольский А.А., Иванова С.А.* Основные проблемы исковой формы защиты права. М.: МГУ, 1979. С. 145.

Н.В. Бандурина

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОРПОРАЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В настоящей статье рассмотрены некоторые законодательные проблемы закрепления правового статуса государственных корпораций. Так, проанализированы механизмы создания государственной корпорации, передачи имущества в уставный фонд и др. Автором также исследуются предложения соответствующего совета при Президенте РФ по совершенствованию института государственных корпораций в России.

Ключевые слова: корпорация, государственная корпорация, управление, федеральная собственность, государство, некоммерческая организация.

Как показывает российская практика последних лет, осознание государством того факта, что решение некоторых жизненно важных для России социально-экономических задач не обеспечивается и не может быть обеспечено без адекватных материальных и иных издержек в традиционных формах юридических лиц, обусловило создание государственных корпораций и государственных компаний как закономерный процесс, вызванный потребностями социально-экономического развития современной России. Будучи юридическими лицами публичного права, они служат инструментом косвенного регулятивного воздействия государства на общественные отношения.

Не вызывает сомнения, что создание новых корпоративных образований с участием государства напрямую связано с усилением роли государства в их регулировании. Но одновременно в законах о создании корпораций последовательно закрепляется рыночная составляющая этого регулирования: государственные корпорации в пределах своей компетенции вовлекают в решение вышеозначен-

Н.В. Бандурина

ных задач российский бизнес на приемлемых для него рыночных условиях.

Поэтому в современных социальных, экономических, политических условиях наиболее подходящим способом обеспечения реализации государством отдельных общегосударственных задач является создание для этих целей государственных корпораций как юридических лиц со специальной компетенцией. Последнее означает наличие у них уникального сочетания строго целевой правоспособности с публичным характером решаемых задач и наделением в том или ином объеме властными полномочиями¹.

В целях эффективного управления государственной собственностью в Федеральный закон «О некоммерческих организациях»² были введены новые формы – государственная корпорация (ст. 7.1.) и государственная компания (ст. 7.2.).

Следует отметить, что такие корпоративные образования как государственная корпорация и государственная компания не предусмотрены в ГК РФ в качестве форм юридических лиц.

В настоящее время функционируют следующие государственные корпорации:

в сфере промышленности и технологий – Российская корпорация нанотехнологий³; Государственная корпорация «Ростехнологии»⁴; Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»⁵;

в финансовой сфере: Агентство по страхованию вкладов⁶; Государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»⁷;

в иных сферах: Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства⁸; Государственная корпорация по строительству олимпийских объектов и развитию города Сочи как горноклиматического курорта⁹.

Относительно вопросов собственности и имущества данных корпоративных образований с участием государства следует отметить, что имущество, переданное государственной корпорации Российской Федерацией, является собственностью государственной корпорации.

Государственная корпорация не отвечает по обязательствам Российской Федерации, а Российская Федерация не отвечает по обязательствам государственной корпорации, если законом о создании государственной корпорации, не предусмотрено иное. Государственная корпорация может осуществлять предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых она создана, и соответствующую этим целям.

Государственная корпорация обязана ежегодно публиковать отчеты об использовании своего имущества в соответствии с законом, предусматривающим создание государственной корпорации.

Согласно ст. 7.1 Федерального закона «О некоммерческих организациях» в случаях и порядке, которые установлены федеральным законом, предусматривающим создание государственной корпорации, за счет части ее имущества может быть сформирован уставный капитал. Уставный капитал определяет минимальный размер имущества государственной корпорации, гарантирующего интересы ее кредиторов.

Следует отметить, что в марте 2009 г. Президентский совет по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства предлагал упразднить государственные корпорации как форму юридических лиц, предлагая преобразовать их в иные формы юридических лиц, не обладающие специальным статусом и особыми привилегиями.

При этом в послании Федеральному собранию 2009 г. Президент России Д.А. Медведев заявил, что считает форму государственной корпорации в современных условиях в целом бесперспективной.

По мнению Д.А. Медведева, государственные корпорации, которые имеют определенные законом временные рамки работы, должны по завершении их деятельности быть ликвидированы, а те, которые работают в коммерческой, в конкурентной среде, должны быть со временем преобразованы в акционерные общества, контролируемые государством.

Данная позиция также нашла отражение в проекте Концепции развития законодательства о юридических лицах, подготовленной Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства в июне 2008 г.

В проекте отмечается, что в ряде случаев государственные корпорации создаются преимущественно или даже исключительно для осуществления предпринимательской деятельности. Идея упразднить организационно-правовую форму государственной корпорации основана на том, что такой формы, по сути, не существует, и каждая государственная корпорация имеет свои специфические черты.

Государственная корпорация как специальная организационно-правовая форма обладает всеми необходимыми признаками юридического лица, предусмотренными российским законодательством, как правовыми (самостоятельно выступает в гражданском обороте; отвечает по своим обязательствам принадлежащим ей на праве собственности имуществом и т. д.), так и материальными (об-

ладает внутренним организационным единством и внешней автономией, ей присуща имущественная обособленность).

В то же время для государственной корпорации характерны некоторые признаки, обуславливающие специфику этой организационно-правовой формы юридического лица:

1) некоммерческий характер корпорации, что означает отсутствие в качестве основной цели деятельности получение прибыли, использование полученной прибыли только на исполнение законодательно установленных функций и, как следствие, отсутствие обязанности перечисления прибыли учредителю (п. 1 ст. 50 ГК РФ, п. 3 ст. 26 Федерального закона «О некоммерческих организациях»);

2) учредитель государственной корпорации – Российская Федерация, что означает, что никто, кроме Российской Федерации, не имеет полномочий по управлению корпорацией и контролю за ее деятельностью. В свою очередь, государство не может прекратить свое учредительство, не ликвидировав саму корпорацию;

3) публичный характер деятельности, поскольку корпорация осуществляет ее в интересах всего общества и для решения социально значимых задач;

4) строго целевой характер деятельности и использования имущества;

5) образование, функционирование и прекращение существования на основании специальных законов;

6) отсутствие необходимости иметь учредительные документы; регламентация законом порядка формирования органов управления и назначения и освобождение должностных лиц корпорации; особая форма отчетности о результатах деятельности;

7) после внесения имущественного взноса в государственную корпорацию Российская Федерация утрачивает на это имущество право собственности, которое переходит к корпорации.

Исходя из изложенного выше, Комиссия Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства сделала вывод, что определяющим является не терминология, а полномочия государственных корпораций и функции, которые они исполняют.

Одной из проблем правового положения государственных корпораций является использование термина «корпорация» не в традиционном смысле, а как синоним понятия «организация». Использование же в законодательстве для обозначения рассматриваемой организационно-правовой формы юридического лица термина «государственная», по сути, отражает то обстоятельство, что имущество государственных корпораций изначально формируется за счет государства, которому они подконтрольны, и исполь-

зуется в целях, установленных законом. А деятельность государственных корпораций направлена на реализацию задач, предусмотренных государством в соответствующих законодательных актах.

Федеральный закон «О некоммерческих организациях» и федеральные законы о создании государственных корпораций устанавливают, что государство передает корпорациям в собственность имущественный взнос в размере, необходимом для успешного осуществления возложенных на соответствующую корпорацию социальных, управленческих или иных общественно полезных функций.

В ст. 209 ГК РФ содержание права собственности раскрывается с помощью традиционной для гражданского права триады правомочий: владения, пользования и распоряжения. Соответственно, государственная корпорация, как и любой другой собственник, вправе совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и законные интересы других лиц.

Поскольку государственные корпорации создаются государством и других учредителей нет, нельзя утверждать, что передаваемое корпорациям имущество навсегда выходит из собственности государства. По сути, здесь идет речь о передаче государством юридическому лицу полномочий по управлению государственным имуществом. Об этом, в частности, свидетельствует некая двойственность правового режима распоряжения имуществом государственных корпораций. С одной стороны, это имущество закрепляется в законе как собственность юридических лиц, а с другой – реальные полномочия собственника находятся в руках органов управления, формируемых из государственных служащих.

В этом отношении показательно, что государство оставляет за собой решение вопроса о судьбе имущества государственной корпорации, в том числе при ее ликвидации¹⁰.

Также отмечено, что ведущиеся в настоящее время вокруг государственных корпораций теоретические споры могут иметь серьезные практические социальные, экономические и даже политические последствия. Предлагаемые изменения потребуют значительных средств для претворения в жизнь, а также повлекут соответствующие временные потери, которые государство не может себе позволить в условиях быстро (а иногда непредсказуемо) меняющейся ситуации в мировой и российской экономике.

Поэтому необходимо продолжать обсуждение вопросов о правовой и социальной значимости института государственных корпораций по мере выполнения уже созданными корпорациями возложенных на них задач.

- 1 См.: Редакционный материал «О государственной корпорации как самостоятельной организационно-правовой форме юридического лица» // Банковское право. 2009. № 3. С. 6.
- 2 Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
- 3 Федеральный закон от 19.07.2007 № 139-ФЗ «О Российской корпорации нанотехнологий» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 30. Ст. 3753.
- 4 Федеральный закон от 23.11.2007 № 270-ФЗ «О государственной корпорации «Ростехнологии»» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 48 (2 ч.). Ст. 5814.
- 5 Федеральный закон от 01.12.2007 № 317-ФЗ «О государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 49. Ст. 6078.
- 6 Федеральный закон от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 52 (ч. 1). Ст. 5029.
- 7 Федеральный закон от 17.05.2007 № 82-ФЗ «О Банке развития» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 22. Ст. 2562.
- 8 Федеральный закон от 21.07.2007 № 185-ФЗ «О фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 30. Ст. 3799.
- 9 Федеральный закон от 30.10.2007 № 238-ФЗ «О государственной корпорации по строительству Олимпийских объектов и развитию города Сочи как горноклиматического курорта» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 45. Ст. 5415.
- 10 Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. Одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

С.В. Тимофеев

ПРИМЕНЕНИЕ РАЗРЕШИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР
В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
БАНКОВ С ИНОСТРАННЫМИ ИНВЕСТИЦИЯМИ
В РОССИИ

В настоящей статье рассматриваются правовые проблемы применения разрешительных процедур в деятельности банков с иностранными инвестициями. Автором анализируются вопросы государственной регистрации банков с иностранными инвестициями, лицензирования их деятельности, квотирования и участия в системе страхования вкладов.

Ключевые слова: банк, иностранные инвестиции, государственная регистрация, лицензия, страхование вкладов, иностранный банк.

Традиционно для регулирования специфических видов деятельности государство устанавливает некие требования, при соблюдении которых субъекты имеют возможность осуществлять те или иные операции и сделки.

Разрешительные процедуры являются составными элементами комплекса разрешительной системы, которая в свою очередь включает в себя материальные и процессуальные аспекты общественных отношений, возникающих при предоставлении государством лицам прав осуществлять определенные виды деятельности или совершать определенные действия, связанные с их хозяйственной и иной деятельностью¹.

В регулировании разрешительных процедур следует выделять материальный и процессуальный аспекты. Материальный аспект заключается в наличии прав и обязанностей субъектов, в отношении которых осуществляется соответствующая процедура, а также прав и обязанностей уполномоченных органов.

Процессуальный аспект выражается в осуществлении конкретных действий уполномоченными органами по наделению хозяйст-

© Тимофеев С.В., 2010

С.В. Тимофеев

вующих субъектов различными правомочиями, т. е. в соблюдении четко установленного порядка (процедуры), в частности подача заявления с соответствующим пакетом документов, порядок рассмотрения документов соответствующим органом государственной власти, выдача разрешения / отказ в выдаче разрешения на осуществление определенного вида деятельности.

В целом разрешительные процедуры применительно к предпринимательской деятельности банков можно определить как установленные уполномоченными государственными органами правила поведения, при соблюдении которых у кредитных организаций есть возможность осуществлять банковскую деятельность.

Основными разрешительными процедурами осуществления банковской деятельности банков с иностранными инвестициями можно назвать следующие мероприятия:

государственная регистрация банков с иностранными инвестициями;

лицензирование деятельности банков с иностранными инвестициями;

соблюдение требований о квотировании участия иностранного капитала в банковском секторе России;

вхождение в систему страхования вкладов.

Государственная регистрация банка с иностранными инвестициями. Согласно ст. 51 ГК РФ юридическое лицо подлежит государственной регистрации в уполномоченном государственном органе в порядке, определяемом законом о государственной регистрации юридических лиц. Данные государственной регистрации включаются в единый государственный реестр юридических лиц, открытый для всеобщего ознакомления.

При этом юридическое лицо считается созданным со дня внесения соответствующей записи в единый государственный реестр юридических лиц.

Нормативные основы регистрации банков с иностранными инвестициями установлены в Федеральном законе «О банках и банковской деятельности»², Федеральном законе «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»³, Инструкцией ЦБ РФ № 109-И⁴, Положением № 437, утвержденным Приказом № 02-195⁵, и иными нормативно-правовыми актами, среди которых преобладающую роль играют акты Банка России.

Следует отметить, что регистрация дочерних кредитных организаций иностранных банков подвергается своеобразному «много-слойному» контролю: во-первых, для создания такой кредитной организации необходимо получить соответствующее предварительное разрешение⁶ от ЦБ РФ, во-вторых, пройти процедуру

регистрации, предусмотренную для всех кредитных организаций, а в-третьих, посредством предусмотренных действий Банка России пройти государственную регистрацию и быть внесенным в единый государственный реестр юридических лиц, как и любое другое юридическое лицо.

На первом этапе учредители кредитной организации с иностранными инвестициями на основании п. 6. Положения № 437 для получения разрешения представляют в центральный аппарат Банка России (Департамент лицензирования банковской и аудиторской деятельности) заявление (ходатайство) о выдаче разрешения на создание кредитной организации с иностранными инвестициями.

Второй этап регистрации дочерней кредитной организации иностранного банка наступает после получения разрешения Банка России. Учредители кредитной организации с иностранными инвестициями (как резиденты, так и нерезиденты) должны представить в территориальное учреждение Банка России по месту предполагаемого нахождения кредитной организации документы, указанные в соответствующих нормативно-правовых актах.

Третий этап регистрации дочерней кредитной организации иностранного банка осуществляется, когда Департамент лицензирования деятельности и финансового оздоровления кредитных организаций Банка России в течение трех рабочих дней с момента принятия решения о государственной регистрации кредитной организации направляет с сопроводительным письмом в уполномоченный регистрирующий орган по предполагаемому местонахождению создаваемой путем учреждения кредитной организации документы, предусмотренные Федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»⁷.

Лицензирование деятельности банков с иностранными инвестициями. Как и государственная регистрация, лицензирование выступает как одна из форм контроля за банковской деятельностью кредитных организаций, поскольку в соответствии со ст. 13 Закона о банках осуществление банковских операций производится только на основании лицензии, выдаваемой Банком России в порядке, установленном Законом о банках, за исключением случаев, когда согласно ст. 13.1 Закона о банках коммерческая организация, не являющаяся кредитной организацией, вправе осуществлять без лицензии, выдаваемой Банком России, банковские операции, указанные в п. 9 ч. 1 ст. 5 данного федерального закона, в части принятия от физических лиц наличных денежных средств в качестве платы за услуги электросвязи, жилое помеще-

С.В. Тимофеев

ние и коммунальные услуги при одновременном соблюдении определенных условий.

Пункт 8.1 Инструкции ЦБ РФ № 109-И предусматривает, что подтверждение своевременной и правомерной оплаты 100% уставного капитала кредитной организации (а также регистрация отчета об итогах первого выпуска акций кредитной организации в форме акционерного общества) является основанием для выдачи ей лицензии на осуществление банковских операций.

Таким образом, лицензия выступает как своеобразное подтверждение Центрального банка РФ о полномочности осуществления предусмотренных в ней операций и сделок.

Выдача лицензии преследует две цели:

– обосновать процесс вхождения в банковскую деятельность путем проведения экономической экспертизы создания кредитной организации;

– убедиться в компетенции и добросовестности руководства банка или финансового института, предлагающего осуществлять банковские операции.

Лицензирование является средством регулирования банковской деятельности, в силу того что по объему правоспособности и сроку существования кредитной организации есть несколько видов лицензий.

Так, согласно п. 8.2 Инструкции ЦБ РФ № 109-И созданному путем учреждения банку могут быть выданы лицензии следующих видов:

1) лицензия на осуществление банковских операций со средствами в рублях (без права привлечения во вклады денежных средств физических лиц), содержащая банковские операции, перечисленные в приложении 6 к Инструкции ЦБ РФ № 109-И;

2) лицензия на осуществление банковских операций со средствами в рублях и иностранной валюте (без права привлечения во вклады денежных средств физических лиц), содержащая банковские операции, перечисленные в приложении 7 к Инструкции ЦБ РФ № 109-И;

3) лицензия на привлечение во вклады и размещение драгоценных металлов, содержащая банковские операции, перечисленные в приложении 8 к Инструкции ЦБ РФ № 109-И.

Можно сделать вывод, что применение особых процедур регистрации и лицензирования кредитных организаций, как российских, так и с участием иностранного капитала, и предъявление дополнительных требований со стороны Банка России в целях надзора за их созданием и последующей деятельностью объясняется необходимостью защиты национальных экономических, информа-

ционных и иных интересов и интересов отечественного банковского сектора, а также развитие здоровой конкуренции в этом секторе.

Соблюдение требований о квотировании деятельности иностранных банков в России. Банк России имеет право наложить запрет на увеличение уставного капитала кредитной организации за счет средств нерезидентов и на отчуждение акций (долей) в пользу нерезидентов, если результатом указанного действия является превышение квоты участия иностранного капитала в банковской системе Российской Федерации.

Правовые основы установления данной квоты определены в ст. 18 Закона о банках, в которой записано, что размер (квота) участия иностранного капитала в банковской системе Российской Федерации устанавливается федеральным законом по предложению Правительства РФ, согласованному с Банком России.

Указанная квота рассчитывается как отношение суммарного капитала, принадлежащего нерезидентам, в уставных капиталах кредитных организаций с иностранными инвестициями и капитала филиалов иностранных банков к совокупному уставному капиталу кредитных организаций, зарегистрированных на территории Российской Федерации.

Определение такой квоты означает, что Банк России прекращает выдачу лицензий на осуществление банковских операций банкам с иностранными инвестициями, филиалам иностранных банков при достижении установленной квоты. Кроме того, Банк России имеет право наложить запрет на увеличение уставного капитала кредитной организации за счет средств нерезидентов и на отчуждение акций (долей) в пользу нерезидентов, если результатом указанного действия является превышение квоты участия иностранного капитала в банковской системе Российской Федерации.

В прошлом квота на участие иностранного капитала в банковской сфере существовала на уровне 12% и была отменена в 2002 г.⁸

В Законе о банках право на введение квоты сохраняется. В соответствии с п. 1 ст. 18 размер (квота) участия иностранного капитала в банковской системе Российской Федерации устанавливается федеральным законом по предложению Правительства Российской Федерации, согласованному с Банком России. Указанная квота рассчитывается как соотношение суммарного капитала, принадлежащего нерезидентам, в уставных капиталах кредитных организаций с иностранными инвестициями и капитала филиалов иностранных банков к совокупному уставному капиталу кредитных организаций, зарегистрированных на территории Российской Федерации.

С.В. Тимофеев

Вхождение в систему страхования вкладов. Многолетний опыт функционирования систем страхования вкладов в развитых странах показывает их эффективность как для членов общества, так и для экономики страны. В нашем государстве подобная система была введена сравнительно недавно – лишь в 2004 г. и представляет собой специальную программу, которая реализуется в соответствии с законодательством.

С введением механизма страхования реализуется на практике положение ст. 840 ГК РФ и ст. 38 Закона о банках об обеспечении возврата вкладов. Сущность страхования предполагает следующее: если банк не способен удовлетворить законные требования вкладчиков, это делает государство.

В настоящее время в Российской Федерации комплекс мер по страхованию вкладов реализуется в рамках специальной государственной программы в соответствии с Федеральным законом «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации»⁹. Финансовой основой системы является фонд обязательного страхования вкладов. В целях осуществления функций по обязательному страхованию вкладов и управления фондом обязательных взносов создано Агентство по страхованию вкладов.

В соответствии с Законом о страховании вкладов возмещение по вкладам выплачивается в размере 100% суммы вкладов в банке, не превышающей 700 000 рублей, плюс 90% суммы вкладов в банке, превышающей 700 000 рублей, но в совокупности не более 700 000 рублей. Валютные вклады пересчитываются по курсу ЦБ на дату наступления страхового случая.

Основой системы страхования является Фонд обязательного страхования вкладов, который финансирует выплаты возмещения по вкладам. Источники формирования Фонда – это вносимые в обязательном порядке взносы банков, пени за несвоевременную их уплату, а также средства федерального бюджета. Страховые взносы банков обязательны и подлежат уплате ежеквартально. При этом их ставка определяется Агентством и не может составлять суммы, превышающей 0,15% средней величины вкладов за квартал. В исключительных случаях (таких, как, например, дефицит фонда) ставка может быть увеличена до 0,3%.

Таким образом, в настоящее время государство уделяет повышенное внимание функционированию банков с иностранными инвестициями, что подразумевает применение ряда разрешительных процедур в их деятельности. Подобные мероприятия способствуют укреплению банковской системы Российской Федерации и направлены на ее стабильное функционирование в послекризисном мировом хозяйстве.

- 1 См.: *Терещенко Л.К., Изнатьюк Н.А.* Предпринимателю о разрешительных процедурах. М.: Юстицинформ, 2005. С. 12.
- 2 Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 6. Ст. 492.
- 3 Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.
- 4 Инструкция ЦБ РФ от 14.01.2004 № 109-И «О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций» // Вестник Банка России. 2004. № 15.
- 5 Приказ ЦБ РФ от 23.04.1997 № 02-195 «О введении в действие Положения об особенностях регистрации кредитных организаций с иностранными инвестициями и о порядке получения предварительного разрешения Банка России на увеличение уставного капитала зарегистрированной кредитной организации за счет средств нерезидентов» // Вестник Банка России. 1997. № 25.
- 6 При этом под предварительным разрешением понимается принципиальное согласие Банка России на участие конкретного нерезидента в создании кредитной организации – резидента.
- 7 Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3431.
- 8 Указание ЦБ РФ от 04.11.2002 № 1204-У «О признании утратившим силу пункта 3 Положения Банка России “Об особенностях регистрации кредитных организаций с иностранными инвестициями и о порядке получения предварительного разрешения Банка России на увеличение уставного капитала зарегистрированной кредитной организации за счет средств нерезидентов” от 23 апреля 1997 года № 437» // Вестник Банка России. 2002. № 62.
- 9 Федеральный закон от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 52 (ч. I). Ст. 5029.

Ю.С. Сидорович

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРОВЕДЕНИЯ ВЫЕЗДНОЙ НАЛОГОВОЙ ПРОВЕРКИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Статья посвящена исследованию существующего порядка регулирования проведения выездной налоговой проверки, в которой выявляются проблемы, связанные с оформлением решения, ходом и сроками ее проведения.

Ключевые слова: выездная налоговая проверка, налогоплательщик, налоговый орган, решение о проведении выездной налоговой проверки, предмет выездной налоговой проверки, сроки проведения выездной налоговой проверки, повторная выездная проверка, приостановление выездной проверки, справка о проведении выездной налоговой проверки, акт налоговой проверки.

В нормах законодательства о налогах и сборах, регулирующих проведение выездной налоговой проверки, существуют проблемы, связанные в первую очередь с оформлением решения о ее проведении, ходом и сроками проведения выездной налоговой проверки, которые требуют законодательного урегулирования.

В соответствии со ст. 89 НК РФ выездная налоговая проверка проводится на территории (в помещении) налогоплательщика. Однако если у налогоплательщика отсутствует возможность предоставления помещения для проведения выездной налоговой проверки, то она проводится по месту нахождения налогового органа. В свою очередь, должностные лица налогового органа имеют право проверить факт отсутствия у налогоплательщика помещений для проведения проверки путем осмотра используемых для осуществления предпринимательской деятельности территорий или помещения, принадлежащего проверяемому лицу (п. 2 ст. 91, ст. 92 НК РФ).

© Сидорович Ю.С., 2010

Налогоплательщик обязан допустить на территорию или в помещении должностных лиц налоговых органов, предъявивших ему служебные удостоверения и решение руководителя (заместителя руководителя) налогового органа о проведении выездной проверки.

Решение о проведении выездной налоговой проверки оформляется на бланке установленного образца¹, в котором содержатся:

- 1) полное или сокращенное наименование организации либо фамилия, имя отчество налогоплательщика;
- 2) предмет проверки, т. е. налоги, правильность исчисления и уплаты которых подлежат проверке;
- 3) периоды, за которые проводится проверка;
- 4) должности, фамилии и инициалы сотрудников налогового органа, которым поручается проведение проверки;
- 5) подпись лица, вынесшего решение, с указанием его ФИО и должности (п. 2 ст. 89 НК РФ).

Предметом выездной налоговой проверки является правильность исчисления и своевременность уплаты определенных налогов, т. е. в решении о назначении налоговой проверки конкретно указывается, какие налоги подлежат проверке при ее проведении.

Закрепление предмета проверки в решении защищает налогоплательщика от повторных проверок по тем же налогам и определяет объем прав налогового органа, в том числе по:

истребованию документов, служащих основанием для исчисления и уплаты налогов, а также подтверждающих правильность их исчисления и своевременность уплаты;

требованию от налогоплательщиков устранения выявленных нарушений законодательства о налогах и сборах и контролю за выполнением указанных требований;

взысканию недоимки, а также пеней и штрафов, начисленных по результатам проверки².

В соответствии с НК РФ налоговые органы не имеют права вносить изменения или дополнения в уже принятое решение о проведении проверки, в частности указывать иной перечень проверяемых налогов.

В случае, если в решении не указывается, какие налоги подлежат налоговому контролю, или вносятся дополнения в перечень проверяемых налогов иными актами и/или фактическими действиями налоговых органов (например, когда перечень проверяемых налогов можно определить посредством анализа требования о предоставлении документов и др.), данные действия являются основанием для признания недействительным не только решения о назначении проверки, но и решения, принимаемого по результатам такой проверки.

Ю.С. Сидорович

Вместе с тем в соответствии с Приказом ФНС РФ от 25.12.2006 № САЭ-3-06/892@ налоговый орган вправе избрать два варианта определения предмета проверки:

1) указать наименования конкретных налоговых платежей, которые подлежат проверке;

2) отметить, что проверке подлежат все налоги, предусмотренные НК РФ. В данном случае, если проверяется налогоплательщик, то в соответствии с п. 4 ст. 89 НК РФ предмет проверки могут составлять все федеральные, региональные и местные налоги. А если проходит самостоятельная проверка филиала (представительства) налогоплательщика, то предметом проверки могут быть только уплачиваемые им региональные и местные налоги (п. 7 ст. 89 НК РФ).

В рамках выездной налоговой проверки могут быть охвачены не более чем три календарных года деятельности налогоплательщика, предшествовавших году, в котором вынесено решение о проведении проверки (п. 4 ст. 89 НК РФ). Например, в ходе проверки, проводимой в 2010 г., налогоплательщика можно проверять только за 2009, 2008, 2007 гг.

Однако если налоговый орган выносит решение о проведении выездной проверки 29 декабря 2009 г., то в этом случае фактически проверка начнется лишь в 2010 г., и тогда 2006 г. как бы выходит за рамки трехлетнего периода.

Такой порядок определения проверяемого периода мог бы позволить налоговым органам фактически увеличивать на один год временные рамки налоговых проверок, но в п. 8 ст. 89 НК РФ закреплено, что датой начала выездной проверки считается дата вынесения налоговым органом решения о ее проведении, а не фактическое пребывание должностных лиц налогового органа на территории или в помещении проверяемого.

Налоговый орган не вправе проводить две и более выездные налоговые проверки по одним и тем же налогам за один и тот же период, за исключением случаев принятия решения руководителем ФНС о необходимости проведения выездной налоговой проверки налогоплательщика сверх указанного ограничения.

Установлены два основания для проведения повторной выездной проверки:

– проверка осуществляется вышестоящим налоговым органом в порядке контроля за деятельностью налогового органа, проводившего проверку;

– проверка проводится налоговым органом, ранее осуществлявшим проверку, в случае предоставления налогоплательщиком уточненной налоговой декларации, в которой указана сумма налога в размере, меньшем ранее заявленного. В рамках повторной выезд-

ной налоговой проверки ревизуется период, за который представлена уточненная налоговая декларация.

Необходимо отметить, что при проведении повторной выездной налоговой проверки может быть проверен период, не превышающий трех календарных лет, предшествующих году, в котором вынесено решение о проведении повторной выездной налоговой проверки (п. 10 ст. 89 НК РФ).

Кроме того, при определении количества выездных налоговых проверок налогоплательщика не учитывается количество проведенных самостоятельных выездных проверок его филиалов и представительств. Данное положение закрепляет право налогового органа в рамках выездной налоговой проверки проверять деятельность филиалов и представительств налогоплательщика. При этом срок проверки не может превышать один месяц.

Срок проведения выездной налоговой проверки составляет два месяца, однако данный срок может быть продлен до четырех месяцев, а в исключительных случаях и до шести (п. 6 ст. 89 НК РФ).

Основания и порядок продления срока проведения выездной (повторной выездной) налоговой проверки до четырех и /или шести месяцев установлены Приказом Федеральной налоговой службы от 25 декабря 2006 г. № САЭ-3-06/892@ и охватывают следующие конкретные случаи:

- 1) отнесение налогоплательщика к категории крупнейших;
- 2) получение в ходе проведения выездной (повторной выездной) налоговой проверки от правоохранительных, контролирующих органов либо из иных источников информации, свидетельствующей о наличии у налогоплательщика, плательщика сбора, налогового агента нарушений законодательства о налогах и сборах и требующая дополнительной проверки;
- 3) возникновение форс-мажорных обстоятельств (затопление, наводнение, пожар и т. п.) на территории, где проводится проверка;
- 4) проведение проверок организаций, имеющих в своем составе несколько обособленных подразделений;
- 5) непредоставление налогоплательщиком, плательщиком сбора, налоговым агентом в установленный срок в соответствии с п. 3 ст. 93 НК РФ документов, необходимых для проведения выездной (повторной выездной) налоговой проверки;
- 6) иные обстоятельства.

Данный перечень оснований для продления срока выездной налоговой проверки не является закрытым, что вносит неопределенность в правовой статус налогоплательщика при осуществлении налогового контроля. Согласно подп. 6 п. 3 Приказа Федеральной налоговой службы от 25 декабря 2006 г. № САЭ-3-06/892@,

Ю.С. Сидорович

налоговые органы по своему усмотрению продлевают сроки проведения выездной налоговой проверки.

Как правильно отмечает Н.А. Фомина, законодатель неограниченно расширяет пределы усмотрения налоговых органов при решении вопроса о сроке проведения выездной налоговой проверки³. Как правило, вышестоящий налоговый орган по запросу налогового органа, осуществляющего проверку, продлевает сроки ее проведения. При этом продление сроков проверки обусловлено не объективными обстоятельствами, а задачей улучшения показателей по сборанию обязательных платежей в бюджетную систему государства.

Так, например, при проведении выездной налоговой проверки в отношении индивидуального предпринимателя одним из оснований для ее продления налоговым органом указана необходимость проведения дополнительной проверки взаиморасчетов между взаимозависимыми лицами – налогоплательщиком и его контрагентами – с целью определения объекта налогообложения и представление налогоплательщиком документов, необходимых для проведения проверки⁴. Однако в решении вышестоящего налогового органа о продлении выездной налоговой проверки не были указаны ни документы, которые не были представлены налогоплательщиком, ни причины, по которым налоговый орган не имел объективной возможности провести указанные мероприятия в двухмесячный срок. При этом требование налогоплательщика о признании действий налогового органа по продлению выездной налоговой проверки незаконными были оставлены арбитражным судом без удовлетворения. В решении ФАС Краснодарского края было указано, что перечень оснований, по которым может быть продлена выездная налоговая проверка, не является закрытым, а форма решения о продлении выездной налоговой проверки не содержит указания на обязательное отражение документов, не представленных налогоплательщиком.

Кроме того, возникает вопрос о законности наделения федерального органа исполнительной власти функциями по установлению оснований и порядка продления срока проведения выездной налоговой проверки, если Конституционный суд Российской Федерации указал, что федеральное законодательство о налогах и сборах призвано создать надлежащие условия исполнения налоговой обязанности, в том числе определить систему налоговых органов, относящихся к федеральным экономическим службам (ст. 71, п. «ж» Конституции Российской Федерации), их задачи, функции, формы и методы деятельности, порядок проверки правильности исчисления и своевременности уплаты (удержания и перечисления) нало-

гов и сборов⁵. Таким образом, правовое регулирование порядка проведения налоговых проверок, в том числе и сроков их осуществления, согласно позиции Конституционного суда РФ находится в компетенции федерального законодателя.

В связи с этим считаем целесообразным закрепить в ст. 89 НК РФ закрытый (четко определенный) перечень оснований для продления сроков проведения выездной налоговой проверки, что обеспечит соблюдение принципа определенности налогового обязательства в части точного определения пределов ограничения прав налогоплательщиков при осуществлении налогового контроля и позволит в большей степени обеспечить защиту их прав и законных интересов.

Налоговые органы часто принимают решение о приостановлении выездных проверок. В соответствии с п. 9 ст. 89 НК РФ руководитель (заместитель руководителя) налогового органа вправе приостановить проведение выездной налоговой проверки для:

- 1) истребования документов (информации) в соответствии с п. 1 ст. 93.1 НК РФ;
- 2) получения информации от иностранных государственных органов в рамках международных договоров Российской Федерации;
- 3) проведения экспертиз (ст. 95 НК РФ);
- 4) перевода на русский язык документов, представленных налогоплательщиком на иностранном языке (п. 1. ст. 97 НК РФ).

В п. 9 ст. 89 НК РФ закреплено положение о том, что приостановление проведения выездной налоговой проверки допускается не более одного раза по каждому лицу, от которого потребовали документы. Общий срок приостановления выездной налоговой проверки не может превышать шести месяцев. В случае если она была приостановлена на основании информации, предоставленной иностранными государственными органами в рамках международных договоров Российской Федерации и в течение шести месяцев налоговый орган не смог получить запрашиваемую информацию от указанных органов, срок приостановления проверки может быть увеличен на три месяца.

В НК РФ закреплено положение о том, что на период приостановления выездной налоговой проверки приостанавливаются действия налогового органа по истребованию документов у налогоплательщика, которому в этом случае возвращаются все подлинники, запрашивавшиеся при проведении проверки, за исключением документов, полученных в ходе проведения выемки, а также приостанавливаются действия налогового органа на территории (в помещении) налогоплательщика, связанные с указанной проверкой

Ю.С. Сидорович

(п. 9 ст. 89 НК РФ). Однако необходимо отметить, что НК РФ не предусматривает, что при приостановлении налоговой проверки приостанавливается течение сроков ее проведения. Хотя судебная практика основывается на обратном, период времени, на который приостановлена налоговая проверка, не учитывается судами при определении сроков проведения выездной налоговой проверки⁶.

На основании вышеизложенного мы приходим к выводу, что налоговые органы имеют право приостанавливать выездную налоговую проверку от 2 до 15 месяцев, хотя в НК РФ закреплено, что продление сроков выездной налоговой проверки до 6 месяцев возможно только в исключительных случаях.

Существующий порядок регулирования сроков проведения выездной налоговой проверки не соответствует требованиям ясности, четкости и определенности правовых норм, так как предоставляет налоговым органам право необоснованно продлевать сроки проведения выездной налоговой проверки сверх установленного шестимесячного срока.

Для обеспечения принципа определенности налогового обязательства при проведении выездной налоговой проверки необходимо внести изменение в ст. 89 НК РФ и закрепить правило, согласно которому приостановление выездной налоговой проверки не приостанавливает течение сроков налоговой проверки.

Срок проведения выездной налоговой проверки исчисляется со дня вынесения решения о назначении проверки и до дня составления справки о ее проведении (п. 8 ст. 89 НК РФ).

Одновременно с выездной проверкой могут проходить инвентаризация имущества налогоплательщика, а также осмотр производственных, складских, торговых и иных помещений и территорий, используемых им для извлечения доходов либо связанных с содержанием объектов налогообложения.

Кроме того, в соответствии с п. 3 ст. 92 НК РФ осмотр производится в присутствии понятых в количестве не менее двух человек (п. 2 ст. 98 НК РФ). В качестве понятых могут быть вызваны любые не заинтересованные в исходе дела физические лица (п. 3 ст. 98 НК РФ), не могут участвовать в осмотре в качестве понятых должностные лица налоговых органов (п. 4 ст. 98 НК РФ).

Также в осмотре участвует сам налогоплательщик или его представитель (п. 3 ст. 92 НК РФ).

В необходимых случаях при осмотре производится фото- и киносъемка, видеозапись, снимаются копии с документов.

При производстве осмотра налоговые органы составляют протокол, в котором понятые должны удостоверить факт действий, производившихся в их присутствии. Кроме того, понятые

вправе делать замечания по поводу произведенных действий, которые подлежат внесению в протокол. В случае необходимости понятия могут быть опрошены по данным обстоятельствам (ст. 98 НК РФ).

Налогоплательщик обязан обеспечить должностным лицам налоговых органов, проводящих выездную налоговую проверку, возможность ознакомиться с документами, связанными с исчислением и уплатой налогов.

По результатам выездной налоговой проверки в течение двух месяцев со дня составления справки (которая выписывается в последний день проверки и в которой указываются сроки проведения проверки и ее предмет, т. е. перечисляются налоги, по которым и осуществлялась проверка) о ее проведении должностные лица налогового органа оформляют акт налоговой проверки (п. 1 ст. 100 НК РФ). Акт подписывается лицами, проводившими соответствующую проверку, и лицом (его представителем), в отношении которого она проводилась.

В случае отказа подписать акт лицом, в отношении которого проводилась налоговая проверка, или его представителем в акте делается соответствующая запись.

В течение пяти дней с даты подписания акт налоговой проверки должен быть вручен лицу, в отношении которого она проводилась, или его представителю под расписку.

Если налогоплательщик или его представитель уклоняются от получения акта налоговой проверки, то данный факт фиксируется в акте налоговой проверки и отправляется налогоплательщику по почте заказным письмом. В таком случае акт налоговой проверки считается врученным налогоплательщику на шестой день, считая от даты отправки заказного письма.

Если налогоплательщик, в отношении которого проводилась налоговая проверка, или его представитель не согласны с фактами, изложенными в соответствующем акте, выводами и предложениями проверяющих, то в течение 15 дней со дня получения акта налоговой проверки они имеют право представить в налоговый орган письменные возражения по акту в целом и или его отдельным положениям (п. 6 ст. 100 НК РФ).

Таким образом, чтобы снизить напряженность и уменьшить количество проблем, возникающих при проведении выездных налоговых проверок, необходимо внести изменения в налоговое законодательство, убрав имеющиеся противоречия, более четко и определенно сформулировать правовые нормы, чему может помочь изучение и обобщение арбитражной практики, складывающейся при проведении налогового контроля.

- ¹ См.: Приказ ФНС от 25.12.2006 № САЭ-3-06/892@ «Об утверждении форм документов, применяемых при проведении и оформлении налоговых проверок; оснований и порядка продления срока проведения выездной налоговой проверки; порядка взаимодействия налоговых органов по выполнению поручений об истребовании документов; требований к составлению акта налоговой проверки» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. № 13.
- ² См.: *Зрелов А.П.* Выездные налоговые проверки: новые налоговые споры // Ваш налоговый адвокат. 2009. № 2.
- ³ См.: *Фоминова Н.А.* Злоупотребление правом в налоговых правоотношениях // Новая правовая культура. М., 2008.
- ⁴ См.: Постановление ФАС Краснодарского края от 3 июля 2009 г. по делу № А32-9128/2008-30/136 // СПС «КонсультантПлюс: судебная практика».
- ⁵ См.: Постановление Конституционного суда РФ от 16 июля 2004 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений части второй статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Д. Егорова и Н.В. Чуева» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 30. Ст. 3214.
- ⁶ См.: Решение Арбитражного суда Республики Коми от 18 июня 2009 г. по делу № А29-27 50/2009, решение Арбитражного суда Свердловской области от 18 июня 2009 г. по делу № А60-11424J2009-С8 // СПС «КонсультантПлюс: судебная практика».

ИНСТИТУТ УСЫНОВЛЕНИЯ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье последовательно рассматриваются понятия института усыновления, его социальное назначение, правоотношения, возникающие в процессе усыновления, проводится сравнительный анализ кровно-родственных отношений и отношений по усыновлению, а также правовые последствия отношений, возникающих между усыновителем и усыновленным.

Ключевые слова: институт усыновления, усыновление, усыновитель, усыновленный, родственная связь, семейные правоотношения.

Традиционно усыновление рассматривается как самостоятельный семейно-правовой институт, предназначенный для обеспечения надлежащего семейного воспитания детей, лишившихся родительского попечения.

В настоящее время многочисленные нормы, содержащиеся в нормативных актах, посвященных усыновлению, различны по отраслевой принадлежности и потому в единстве представляют собой комплексный институт законодательства в широком смысле (например, вопросы, касающиеся процедуры усыновления, в большей степени относятся к сфере административного права, а ответственность за некоторые составы относительно усыновления – к уголовному праву), в узком смысле нормы СК РФ, посвященные усыновлению, образуют сложный и многогранный институт семейного права.

Социальное назначение института усыновления состоит в безукоснительном соблюдении прав и законных интересов несовершеннолетних детей, а также в возможности реализации прав материнства и отцовства потенциальными усыновителями. Именно естественные стремления удовлетворить эти чувства лежат в ос-

Е.Ю. Князева

нове конкретных актов усыновления. Безусловно, нормы института усыновления предназначены не только для урегулирования отношений с участием бездетных граждан. Граждане, имеющие своих детей, также могут быть усыновителями и нередко становятся ими.

Служебная роль института усыновления заключается в обеспечении благоприятных условий, способствующих гармоничному развитию ребенка, позволяющих оказать реальную помощь, прежде всего детям, оставшимся без попечения родителей. При этом институт усыновления включает в себя систему норм, регулирующих отношения по устройству детей, оставшихся без попечения родителей, а форма устройства – это способ определения юридической судьбы ребенка при помощи деятельности определенных органов, направленный на воспитание его в семье усыновителей.

Под усыновлением можно понимать также юридический факт, который устанавливается в судебном порядке и является основанием возникновения комплекса семейных правоотношений. Это означает, что в результате усыновления между усыновителями и его родственниками, с одной стороны, и усыновленным ребенком, его потомством, с другой стороны, возникают такие же права и обязанности, как между родителями и детьми.

В семейном праве одним из определяющих юридических фактов является родство, объединяющее субъектов права в силу происхождения их друг от друга (либо от общего предка), удостоверенное в установленном законом порядке. Это означает, что особенностью юридических фактов в семейном праве является их естественно-биологическое обоснование¹.

Для семейно-правовых отношений характерна их строгая связанность с личностью, что влечет за собой неотчуждаемость, непередаваемость прав и обязанностей, возникающих из этих отношений, другим лицам.

Основанием, порождающим правоотношение по усыновлению, является фактический состав, включающий в себя волеизъявление кандидата в усыновители на усыновление и судебное решение об усыновлении, вступившее в законную силу.

Указанные элементы фактического состава могут быть дополнены с соблюдением соответствующих условий: согласием родителей ребенка, супруга усыновителя, самого ребенка, достигшего возраста 10 лет. Эти факты не обязательны для каждого фактического состава (дополнительными они являются по отношению к обязательным фактам), но необходимы в тех случаях, когда закон объединяет их в фактический состав².

Усыновление как юридический факт влечет за собой следующие виды правовых последствий:

правовое положение усыновленного, а также самого усыновителя (супруга усыновителя) в случаях, когда требуется его согласие на усыновление (п. 1 ст. 133 СКРФ);

правовое положение усыновленного и родственников усыновителя;

правовое положение усыновленного и его потомства по отношению к усыновителю и его родственникам;

правоотношения усыновленного с родителями и другими его родственниками по происхождению.

Таким образом, правовые последствия выражаются как в возникновении новых семейных правоотношений с участием усыновленного и усыновителя усыновленного ребенка с другими родственниками усыновителя усыновленного и его потомства, так и в полном или частичном прекращении ранее существовавших семейных правоотношений. Поэтому усыновление как юридический факт относится к категории правопрекращающих и правоустанавливающих одновременно³.

Анализ возникающих в результате усыновления правоотношений позволяет говорить о том, что усыновление – это юридический факт, направленный на возникновение определенных правовых последствий. Одним из основных вопросов применительно к институту усыновления является вопрос о характере правоотношений, возникающих в результате усыновления между кровными родителями и их детьми, а также лицами аналогичными им.

По мнению одних авторов, в результате усыновления возникают отношения родства между усыновителем, его родственниками и усыновленным и его потомством. Акт усыновления в правовом отношении приравнивается к рождению ребенка⁴. При этом родство представляет собой «не только такую связь, которая вытекает из общности крови, но и такую связь между людьми, которая не имеет под собой такого факта»⁵. Исходя из этого, усыновление детей является полноценным родством в социальном смысле.

По мнению Л.А. Кузьмичевой, «...наличие специфических особенностей в условиях усыновления, в некоторых его последствиях и способах прекращения не влияет на существо порождаемых им правоотношений как родительских»⁶.

Таким образом, в результате усыновления усыновленный ребенок в правовом отношении становится таким же родственником усыновителя, как и его родные дети, а усыновитель – родителем по отношению к усыновленному ребенку и его потомству, т. е. правоотношения по усыновлению отождествляются с родительскими.

Е.Ю. Князева

Иная точка зрения базируется на том, что родство – это только биологическая категория и никакого другого родства, в том числе юридического, формального, не существует, так как родство – прежде всего кровная связь лиц, которая не может быть создана законодателем⁷.

Представляется наиболее приемлемой в современных условиях точка зрения Я.Р. Веберса, который полагал, что родство возникает не только из кровных связей и может основываться не на общности крови. Родство, в том числе и кровное, является не биологической, а общественной связью между людьми. В связи с этим предлагается вообще не употреблять термин «кровное родство» в науке семейного права и рассматривать усыновление как «полноценное родство в социальном смысле слова»⁸.

В результате усыновления возникают не только правовые, но и фактически близкие отношения, создание которых и является основной целью усыновления. Связь между кровными родственниками не отличается от постоянной связи между людьми, возникающей при усыновлении, хотя в ее основе и нет факта естественного биологического происхождения. При этом усыновление определяется как юридический акт, направленный на установление родства в тех случаях, когда до этого усыновитель и усыновляемый в родстве не состояли, или на изменение системы родственных отношений, созданной естественным происхождением, в случаях, когда усыновитель и усыновляемый являются родственниками по происхождению⁹.

Необходимо отметить, что родство как происхождение одного лица от другого или от общего предка может быть признано или не признано, но отнюдь не создано законом. Действительно, согласно ст. 137 СК РФ отношения усыновителя с усыновленным приравниваются к родственным, однако в результате усыновления возникают не только правовые последствия, но и все фактические отношения, складывающиеся между усыновителем и усыновленным, не подлежащие правовому регулированию (например, взаимная привязанность, любовь, иные личные взаимоотношения).

Представляется, что момент осознания усыновленным ребенком, что усыновитель не является его кровным родителем, вряд ли может выступать в качестве критерия, разграничивающего эти виды усыновления. Как уже отмечалось, отсутствие кровной связи между усыновителем и усыновленным характеризует специфику правоотношений, возникающих в результате усыновления.

Отношения между усыновителем и усыновленным ребенком, возникающие в результате усыновления, сходны с отношениями между кровными родителями и их детьми, тождественны им, даже

невзирая на отсутствие происхождения одного лица от другого. Происхождением является биологическая связь родителей и детей, усыновление можно назвать только искусственной правовой связью¹⁰.

Родственная связь – это связь лиц, происходящих от общего предка по боковой линии, которая не может быть установлена в силу закона, а существует априори.

Представляется возможным выделить отличия усыновления от родства по различным параметрам.

1) Основание возникновения: родительские правоотношения – на основании родства; правоотношения по усыновлению – на основании сложного юридического состава;

2) Момент возникновения: родительские правоотношения возникают в момент рождения ребенка; правоотношения по усыновлению возникают с момента вступления соответствующего решения суда в законную силу. Такое решение суда об усыновлении, являясь юридическим фактом, служит первоначальным основанием возникновения прав и обязанностей между усыновителем и усыновленным, а также имеет одновременно и характер правопрекращающего факта.

3) Соблюдение условий: родительские правоотношения – не требуется соблюдения каких-либо условий для возникновения родства; правоотношения по усыновлению – необходимо строгое соблюдение требований законодательства.

4) Основания прекращения правоотношений: родительские права и обязанности могут прекращаться в результате лишения родительских прав, при этом лишение родительских прав возможно только при наличии вины родителя, имеет бессрочный характер, при этом согласно п. 1 ст. 72 СК РФ родители могут быть восстановлены в правах, если родитель «исправился», например, изменил свое поведение, образ жизни, отношение к воспитанию ребенка;

правоотношения по усыновлению прекращаются в результате отмены усыновления; при этом отмена усыновления возможна по основаниям и при отсутствии виновного поведения усыновителя (например, отказ усыновителя от больного ребенка, о состоянии здоровья которого было плохо информировано), отмененное усыновление не может быть восстановлено.

5) Возникновение брачных отношений:

родительские правоотношения – запрещены браки между родителями и детьми, иными кровными родственниками (сестрами, братьями), а если такой брак все же состоялся, то признается недействительным, поскольку лежащее в основании взаимосвязи

Е.Ю. Князева

родителей и детей кровное происхождение никогда не может отпасть;

правоотношения по усыновлению – отмена усыновления устраняет обстоятельства, препятствовавшие браку между этими усыновителем и усыновляемым, такой брак может быть признан действительным.

6) Материальные последствия:

родительские правоотношения – в случае лишения родительских прав родитель не освобождается от обязанностей по содержанию ребенка;

правоотношения по усыновлению – на бывшего усыновителя может быть возложена обязанность по содержанию ребенка в исключительных случаях, т. е. содержание ребенка не является обязанностью усыновителя при отмене усыновления.

7) Отношения наследования:

родительские правоотношения – ребенок, в отношении которого родители лишены родительских прав, сохраняет имущественные права, основанные на факте родства с родителями и другими родственниками, в том числе на получение наследства;

правоотношения по усыновлению – при отмене усыновления взаимные права и обязанности усыновленного ребенка и усыновителей и родственников усыновителей прекращаются.

8) Возникновение новых прав:

родительские правоотношения – родители, лишены родительских прав по отношению к конкретному ребенку, при рождении нового ребенка опять наделяются всей полнотой прав и обязанностей по отношению к новорожденному;

правоотношения по усыновлению – на основании п. 1 ст. 127 СК РФ при отмене усыновления при злоупотреблении родительскими правами усыновителей, последние не имеют права усыновлять ребенка, если предыдущее усыновление отменено судом по их вине.

Проанализировав отличительные черты родственных отношений и правоотношений по усыновлению, нельзя не привести и сходные черты данных видов отношений.

1) В содержании правоотношений: ст. 137 СК РФ указывает, что усыновленные дети и их потомство по отношению к усыновителям и их родственникам приравниваются в правах и обязанностях к родственникам по происхождению.

2) В объеме и характере прав: ст. 137 СК РФ также устанавливает, что усыновленные дети и усыновители приравниваются в личных неимущественных и имущественных правах и обязанностях к родственникам по происхождению. При этом не говорится об уста-

новлении родства между усыновителем и усыновляемым ребенком, в законе устанавливается аналогия содержания правовых отношений между родителями и усыновителями.

3) По выполняемым функциям: усыновители, как и родители, являются законными представителями своих детей (ст. 64 СК РФ).

Несмотря на наличие сходных элементов, усыновление не порождает родительское правоотношение, а возникает новое правоотношение, но со сходным содержанием. Усыновленный ребенок становится сыном или дочерью в семье усыновителей, хотя не был рожден ими. Юридический статус ребенка включает права и обязанности, равные с родными детьми и по объему не меньшие, чем у родных детей. Для закрепления дополнительной гарантии интересов усыновленных детей, положение которых в принципе не должно отличаться от положения ребенка в родной семье, применяются следующие конструкции института усыновления¹¹:

фиксация лицом, не состоящим в браке, личных данных матери (отца) ребенка по указанию усыновителя (п. 3 ст. 134 СК РФ); изменение даты и места рождения усыновленного ребенка и другие сведения для обеспечения тайны усыновления (п. 1 ст. 135 СК РФ).

Названные примеры подтверждают их особое значение при регулировании семейных отношений, выполняющих функции не только формального определения предписаний закона, но и нравственного, социального направления.

Таким образом, обобщая сказанное выше, о понятии «усыновление» можно говорить в следующих смыслах.

Усыновление – *форма воспитания* детей в семье усыновителя, при которой обеспечиваются условия жизни, равные с условиями жизни родных детей. В этом понятии акцентируется внимание на конечной цели – обеспечение ребенку в чужой семье условий, отвечающих бытовой, психологической, духовной близости, которая существует в семьях.

Усыновление как *форма устройства* детей, оставшихся без попечения родителей, – это способ определения юридической судьбы ребенка посредством деятельности государственных, муниципальных органов власти, в том числе судебных, направленный на его устройство в семью усыновителей для воспитания.

Усыновление – *юридический факт*, устанавливаемый в судебном порядке и порождающий возникновение комплекса правоотношений, аналогичных по содержанию с родительскими.

Усыновление – сложная *система правоотношений*, различных по правовой природе, в которой усыновитель и усыновленный состоят в правоотношениях как между собой, так и с третьими лицами.

Е.Ю. Князева

Усыновление – *комплексный институт законодательства*, содержащий нормы различной отраслевой принадлежности, направленные на регулирование отношений по установлению усыновления, а также отношений между усыновителем, усыновленным и третьими лицами.

Законодательство Российской Федерации предусматривает возможность усыновления детей – граждан Российской Федерации иностранными гражданами, гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации, и лицами без гражданства. Процедура такого усыновления регламентируется ст. 124, 165 СК РФ, гл. 29 ГПК РФ, Федеральным законом от 16 апреля 2001 г. № 44-ФЗ «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей», другими нормативными правовыми актами.

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 апреля 2002 г. № 217 «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей, и осуществлении контроля за его формированием и использованием», на основании Федерального закона от 16 апреля 2001 г. № 44-ФЗ «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей» граждане, желающие принять детей на воспитание в свои семьи, вправе обратиться за информацией о детях, оставшихся без попечения родителей, к любому региональному (как правило, орган управления образованием субъекта Российской Федерации) или федеральному оператору государственного банка данных о детях, оставшихся без попечения родителей, по своему выбору.

Примечания

- ¹ *Иоффе О.С.* Советское гражданское право: курс лекций. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. Т. 3. С. 237.
- ² *Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958. С. 50; *Толстой Ю.К.* К теории правоотношения. М., 1959. С. 3; *Исаков В.Б.* Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов, 1980. С. 6; *Данилин В.И., Реутов С.И.* Юридические факты в советском семейном праве. Свердловск, 1989. С. 43.
- ³ *Юрбургский Ю.* Усыновление по советскому семейному праву // Советская юстиция. 1963. № 12. С. 5.
- ⁴ *Маслов В.Ф., Подопригора З.А., Пушкин А.А.* Действующее законодательство о браке и семье. Харьков, 1974. С. 170; *Кузьмичева Л.А.* Усыновление по действующему семейному законодательству // Правоведение. 1973. № 5. С. 110.

- ⁵ Веберс Я.Р. Понятие родства как основание возникновения прав и обязанностей // Вестник МГУ. 1962. Сер. 10: Право. № 4. С. 30.
- ⁶ Кузьмичева Л.А. Усыновление по советскому семейному праву. Дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1976. С. 6–7.
- ⁷ Ворожейкин Е.М. Семейные правоотношения в СССР. М., 1972. С. 38.
- ⁸ Веберс Я.Р. Указ. соч. С. 32; *Он же*. Родство как основание возникновения родительских прав и обязанностей по советскому семейному и гражданскому праву. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1963.
- ⁹ Веберс Я.Р. Сущность усыновления и его правовые последствия // Правоведение. 1966. № 4. С. 57–58.
- ¹⁰ Как отмечал А.Г. Гойхбарг, усыновление есть создание искусственных семейных отношений за отсутствием по общему правилу естественной связи (*Гойхбарг А.Г.* Сравнительное семейное право. М., 1925. С. 163).
- ¹¹ Тарусина Н.Н. Семейное право: Учеб. пособие. М.: Проспект, 2001. С. 133.

Проблемы взаимодействия международного и национального права

П.Е. Земскова

ПОНЯТИЕ «ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ПРАВА, ПРИЗНАННЫЕ ЦИВИЛИЗОВАННЫМИ НАЦИЯМИ»

В статье рассматривается понятие «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями». Автор исследует основные подходы к определению содержания и природы таких принципов. Автор предпринимает попытку ответить на ключевые дискуссионные вопросы, связанные с использованием данного понятия: должны ли общие принципы быть признаны всеми государствами без исключения или только определенным числом государств? каковы критерии отнесения того или иного государства к категории «цивилизованные»? является ли корректным применение данного термина в современном международном праве?

Ключевые слова: общие принципы права, признанные цивилизованными нациями, международное право, договор, обычай, правовая система.

В соответствии со ст. 38 Статута Международного суда ООН Суд разрешает споры, применяя международное право, в частности международные договоры и международные обычаи. В ряде случаев для определения правовой основы своего решения суды обращаются к доктринам наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций. Также среди перечня инструментов, которые правомочен использовать Международный суд, особое место принадлежит «общим принципам права, признанным цивилизованными нациями»¹. Категория «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями» является предметом сложной и продолжительной дискуссии, в том числе о природе таких принципов. Первоначально общие принципы права зарождаются во внутреннем правопорядке различных государств. Государства создают совпадающие нормы самостоятельно,

© Земскова П.Е., 2010

а также используя типовой опыт правового регулирования. Совпадение практики различных государств приводит к возникновению общей практики регулирования внутригосударственных отношений. В дальнейшем ряд принципов проникает в международное право. Последнее является особенно важным для становления принципа в качестве «общего принципа, признанного цивилизованными нациями». Обращаясь к общим принципам права, признанным цивилизованными нациями, суд применяет комплекс принципов, не просто присущих национальным правовым системам различных государств, но и одновременно являющихся частью международного права. То есть «для того чтобы применяться в международном праве... [такие принципы] должны быть признаны государствами в качестве применимых в международном праве, что происходит либо путем заключения договора, либо путем обычая»².

В связи с этим важно сделать еще одно замечание: общие принципы права нецелесообразно выделять в качестве особой категории норм международного права, находящихся свое воплощение в международном договоре и международно-правовом обычае. Однако как источник, играющий важную роль в практике Международного суда ООН, общие принципы права вполне автономны и самостоятельны.

Необходимо также уделить внимание вопросу о том, какие условия должны быть соблюдены для того, чтобы принцип мог играть роль «признанного цивилизованными нациями». Идет ли в данном случае речь о принципах права, которые признаны всеми государствами без исключения, или о принципах права, которые признаны определенным числом государств? Наконец, каковы критерии отнесения того или иного государства к категории «цивилизованные»? И является ли корректным применение данного термина в современном международном праве?

Самым простым было бы предположить, что «общие принципы права» возникают по причине того, что в правовых системах государств-субъектов международных отношений возникают совпадающие принципы, которые в дальнейшем проникают в международное право. Однако, как отмечает Т.Н. Нешатаева, «детальный анализ таких принципов показал, что (а) они не полностью совпадают и (б) не всеми признаются в качестве принципов права»³. В связи с этим целесообразно говорить об общих принципах права, признаваемых не всеми, но «большинством правовых систем». Действительно с большей вероятностью такие принципы можно обнаружить в национальных правовых системах группы государств – «наиболее активных участников международных отношений». Ана-

П.Е. Земскова

логичную точку зрения высказывает и И.И. Лукашук, отмечая, что «общеобязательность принципа предполагает признание его международным сообществом государств в целом, понимаемое как преобладающее, значительное большинство государств»⁴.

Можно предположить, что возникновение «общего принципа, признанного цивилизованными нациями» – это движение навстречу из двух противоположных точек: «от практики государств, когда тот или иной принцип возникает вследствие единообразия национально-правовой практики широкого ряда государств»; и «от сложившегося в международном праве стандартного подхода к пониманию содержания принципа», когда принцип, войдя в международное право, признается государствами-членами международного сообщества вместе с соответствующим подходом к трактовке его содержания. Например, по мнению Н.А. Ушакова практика государств не выработала применительно к основным правам и свободам человека «единообразного понимания существа этих прав и свобод»⁵. При этом государство, присоединяясь, например, к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, признает установленный в ней стандарт понимания существа прав человека и, соответственно, принимает на себя необходимые обязательства по его обеспечению.

Также нельзя не уделить внимание чрезвычайно дискуссионному термину «цивилизированные нации», использованному в ст. 38 Статута Международного суда. Формулировка «цивилизированные нации» в ряде научных работ подвергается активной критике. А.В. Дарда отмечает, что она была применена «в свое время для отмежевания от колониальных и зависимых государств»⁶, однако на сегодняшний день представляется лишней в п. «с» ст. 38 Статута Международного суда.

Судья М. Уайт утверждает, что «это выражение сегодня не несет никакой смысловой нагрузки для современного международного права»⁷.

Также резко критикует данный термин Ю.Н. Малеев: «...трудно понять, почему с таким упорством многие юристы повторяют формулу ст. 38 Статута Международного суда о “цивилизированных нациях”». Ученый характеризует ее как «расистскую формулу, возникшую во времена расцвета колониальных империй и разделяющую нации на полноценные и неполноценные»⁸. Аналогичный непримиримый подход можно встретить и в работах других авторов: «Ссылка на “цивилизированные нации” является неуместной и может игнорироваться: она выражает колониалистскую концепцию и расовую дискриминацию, которая преобладала в XIX столетии... Сегодня мы говорим об общих принципах права, признанных или общих для большинства правовых систем»⁹.

Однако следует выразить несогласие с приведенными выше позициями. Понятие «цивилизированные нации» имеет многолетнюю историю, войдя в теорию и практику международных отношений в 1815 г., благодаря Венскому конгрессу, сыгравшему «важнейшую роль в процессе формирования институтов европейской дипломатии и международного права»¹⁰. Новый термин активно применялся в международных документах и научных трудах. При этом с юридической точки зрения термин «цивилизированные» не рассматривался и не должен рассматриваться сегодня в качестве дискриминирующего. В данном случае речь идет лишь о государствах, достигших согласия в применении единых подходов к урегулированию ряда фундаментальных правовых вопросов (в области основных прав человека, порядка отправления правосудия и др.). Не подлежит оспариванию тот факт, что «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями, – это центральные идеи [впоследствии создавшие основу норм международного права], которые сформировались в течение столетий, в первую очередь, в государствах Европы... где зарождалось и функционировало право во взаимодействии европейских государств». Однако, как было справедливо отмечено в одном из докладов Генерального секретаря ООН, «...можно предполагать потенциальное создание общей международной правовой системы не для того, чтобы заменить национальные правовые системы, а для того, чтобы в определенных случаях служить центральным институтом демократического сотрудничества внутри государств и между ними»¹¹. Известно, что во многих государствах, для которых традиционное понимание содержания общих принципов права является в значительной степени «инородным», имеют место самые специфические варианты толкования и применения таких принципов. Например, Верховный суд Непала в деле *Dhunghana v. Nepal* отказался признавать недействительными положения закона, предусматривающего, что дочь может наследовать имущество отца только при условии, что она достигла возраста 35 лет и не замужем. Отмечая, что ряд международных норм предусматривает равенство мужчин и женщин перед законом, суд пришел к выводу, что данные нормы не соответствуют «патриархальному строю» Непала, несмотря на то что Акт о договорах Непала предусматривает приоритет международных норм над национальным правом¹². Данный и аналогичные ему примеры, часто встречающиеся в международной практике, демонстрируют невозможность отказаться от формулировки «цивилизированные», но не с целью «дискриминирующего разделения», а, скорее, с целью функционально-юридического разграничения государств, готовых и не готовых говорить на едином «языке права». Таким об-

разом, общие принципы права цивилизованных наций, их содержание и примерный перечень, применяемый в международном праве, не являются дискриминирующим обстоятельством, которое поддерживается нормой Статута Международного суда ООН. Это лишь попытка говорить на едином языке, использование которого открывает путь в международное сообщество. Необходимо отдельно подчеркнуть, что описанный процесс не следует понимать упрощенно, как неизбежное движение в направлении стандартизации национальных правовых систем, их преобразование «по западному образцу». Документы ООН подчеркивают значение сохранения многообразия цивилизаций. В Декларации тысячелетия ООН говорится: «Различия внутри обществ и между ними не должны ни вызывать опасений, ни подавляться, они должны оберегаться как ценный вклад в человеческую цивилизацию. Культуру мира и диалог между всеми цивилизациями следует активно поддерживать»¹³. В рамках глобальной международно-правовой системы национальные правовые системы активно взаимодействуют друг с другом, используя все существующие возможности для взаимного согласования. При этом именно общие принципы, демонстрируя единый правовой стандарт, позволяют осуществлять унификацию максимально мягко.

Таким образом, специфические черты общих принципов обуславливают их стабилизирующую функцию и одновременную «гибкость», возможность быть использованными в качестве инструмента оперативного правового реагирования на изменения в социально-экономической сфере. Общие принципы права выступают в качестве прочной защитной системы современного права. Принципы права в той или иной форме присутствуют в каждой из существующих правовых систем, причем в каждой из них общие принципы выполняют сходную функцию – служат связующим звеном между субъективным и объективным правом. Ряд сходных принципов можно встретить одновременно в национально-правовых системах различных государств. Однако принципы, общие для государств, принадлежащих к разным правовым системам, могут носить одинаковое название, но при этом иметь кардинально различное содержание, что определяется специфическими особенностями их формирования в каждой из правовых систем. Международным публичным правом был воспринят преимущественно «романо-германский подход» к пониманию роли принципов во взаимоотношениях субъектов права, а также к трактовке их смысла и содержания. Но для того чтобы тот или иной принцип, в той или иной степени общий для субъектов международного права, был включен в международное право, необходимо согласие междуна-

родного сообщества, которое выражается в том, что принцип становится частью международного права через обычай или договор. Таким образом, под «общими принципами права», указанными в ст. 38 Статута Международного суда, понимаются принципы, присущие современным правовым системам и, кроме того, воспринятые международным правом.

Примечания

- 1 *Корецкий В.М.* «Общие принципы права» в международном праве. Киев, 1957. С. 45.
- 2 Effect of Awards of Compensation Made by the UN Administrative Tribunal, Advisory Opinions // ICJ Reports. 1954. P. 53; Judgments of the Administrative Tribunal of the ILO upon Complaints Made against UNESCO. Advisory Opinions // ICJ Reports, 1956. P. 85–86.
- 3 *Нешатаева Т.Н.* Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Российское право. 2007. № 9. С. 35.
- 4 *Лукашук И.И.* Международное право. Общая часть: Учеб. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 267.
- 5 *Ушаков Н.А.* Государство в системе международно-правового регулирования. М., 1997. С. 41.
- 6 *Дарда А.В.* Проблемы толкования национальными судами общепризнанных принципов международного права. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
- 7 *White M.* Equity – a general principle of law recognized by civilized nations [Электронный ресурс] // QUT Law & Justice Journal. [2004]. URL: // www.austlii.edu.au/au/journals/QUTLJJ/2004/7.html (дата обращения: 18.01.2010).
- 8 *Малеев Ю.Н.* Неизвестные, но общепризнанные // Международное право. 2005. № 1. 11. С. 8–20.
- 9 *Никэз-Перетьякко А.* Элементы международного публичного права. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев в Кыргызской Республике. 1997. С. 21.
- 10 *Ходнев А.* Национальный вопрос в контексте мирового порядка: история и современное состояние [Электронный ресурс] // Professionals for Cooperation. [1999–2007]. URL: <http://www.prof.msu.ru/book/iamomo1.html> (дата обращения: 18.01.2010).
- 11 Доклад ООН: А/51/761, 20 декабря 1996 г. Пункт 113.
- 12 *Dhungana v. Nepal*, Writ No. 3392 (1993) (SC) (unreported and unofficial translation on file with journal).
- 13 *Гаврилов В.В.* Взаимодействие международной и национальных правовых систем и правосознание // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 51.

И.Н. Крапчатова

РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКИХ СТАНДАРТОВ ЗАЩИТЫ
УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА В РАЗВИТИИ
УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

В данной статье рассмотрены проблемы защиты участников уголовного судопроизводства с позиций уголовного права и процесса, а также проанализировано влияние европейских стандартов на уголовно-правовую политику в данной сфере. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса является неотъемлемой частью борьбы с организованной преступностью, в которой немаловажную роль играет европейское право и сотрудничество с другими государствами.

Ключевые слова: европейское право, уголовная политика, защита участников уголовного судопроизводства, Европол, правовое сотрудничество.

Все более активная интеграция России в мировое сообщество, ее членство в Совете Европы делает необходимым приведение в соответствие с международными стандартами и взятыми на себя международными обязательствами действующего в стране правового порядка. На сегодняшний день очевидно, что, для того чтобы соответствовать статусу цивилизованной страны, идущей по демократическому пути развития, необходимо всемерно содействовать приведению внутреннего законодательства, практики его применения в соответствие с международно-правовыми стандартами, общепризнанными принципами и нормами.

Эффективность производства по уголовным делам в значительной мере зависит от создания системы гарантий обеспечения безопасности потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, а также должностных лиц, в производстве которых находится уголовное дело. Такая система должна действовать при наличии посягательств или угроз их жизни, здоровью или имуществу, направ-

© Крапчатова И.Н., 2010

ленных на воспрепятствование выполнению ими обязанностей, служебного и гражданского долга в сфере судопроизводства.

Практика борьбы с преступностью, особенно с ее организованными формами, немыслима без применения специальных мер по обеспечению безопасности участников уголовного процесса и защиты их от возможных преступных посягательств. Уверенность свидетелей, потерпевших и других категорий защищаемых лиц в собственной безопасности и безопасности своих близких, отсутствие давления на них со стороны лиц, противодействующих расследованию, – неперемennые условия эффективного осуществления правосудия.

Страх жертв и очевидцев преступлений перед преступным миром, как и его представителей, готовых сотрудничать с правоохранительными органами, негативные последствия страха (уклонение от выполнения процессуальных обязанностей и др.) достигли масштабов, которые заставили говорить о себе не только специалисты в областях уголовного, уголовно-процессуального права, криминологии и криминалистики на национальном уровне. Экспертами международного сообщества признано, что угрозы и насилие в отношении лиц, сотрудничающих с правоохранительными и судебными органами, стали «наиболее распространенным средством подрыва системы уголовного правосудия»¹; обеспечение безопасности таких лиц отнесено к «глобальным» проблемам в сфере борьбы с преступностью².

Как показывает статистика, в среднем в год в любом государстве независимо от его экономического развития и господствующей правовой системы до 22% населения становятся жертвами преступлений. Из них непосредственно в нашей стране, по данным ВНИИ МВД России, до 60% граждан не обращаются в правоохранительные органы из-за страха перед преступником³, причем прямого физического насилия опасаются от 150 до 300 тыс. человек⁴. Эти негативные тенденции требуют не только учета в деятельности правоохранительных органов, правозащитных организаций, но и глубоких научных исследований в рамках уголовно-процессуальной науки.

Таким образом, можно отметить, что проблемы охраны участников уголовного судопроизводства приобретают в последнее время все большую актуальность.

Проблемам обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в специальной литературе уделено достаточно большое внимание. Так, специально уголовно-правовому аспекту в сфере защиты были посвящены работы Л.В. Вавиловой, С.С. Кузьмина, Г.П. Минеевой, В.Е. Новичкова, уголовно-

И.Н. Крапчатова

процессуальным – С.Л. Марченко, А.К. Тихонова, М.П. Фадеевой, М.В. Новиковой, криминалистическим – С.Ю. Журавлева, В.Н. Карагодина.

Большой вклад в развитие института государственной защиты участников уголовного судопроизводства внесли диссертационные исследования О.А. Зайцева (1999 г.), Л.В. Брусницына (2000 г.), А.Ю. Епихина (2004 г.).

За последние годы количество работ, посвященных проблемам защиты участников уголовного судопроизводства, стабильно увеличивается, что подтверждает актуальность темы исследования.

Однако во всех упомянутых работах затронуты лишь отдельные аспекты проблемы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, в основном касающиеся российского законодательства. Вопросы, связанные с влиянием европейского права на национальное законодательство, с функционированием в Европе пространства свободы, безопасности и правосудия, освещены довольно узко, а комплексное исследование проблемы воздействия европейского права на развитие уголовно-правовой политики в сфере защиты участников уголовного судопроизводства не предпринималось.

Стратегия развития отношений России с ЕС на среднесрочную перспективу (2000–2010 гг.)⁵ определяет сотрудничество в правоохранительной сфере как одно из приоритетных направлений. Существенная часть совместного заявления по итогам Санкт-Петербургского саммита России и ЕС 2003 г. посвящена сотрудничеству в правоохранительной сфере. Принят ряд документов, детализирующих его. Наконец, на саммите ЕС–Россия в мае 2005 г. наша страна обязалась принять участие в формировании четырех общих пространств: общего европейского экономического пространства, общего пространства внешней безопасности, общего пространства научных исследований и образования и общего пространства свободы, безопасности и правосудия.

Таким образом, целью данной работы является установление роли европейского права в развитии уголовно-правовой политики в сфере защиты участников уголовного судопроизводства в России.

Современные интеграционные процессы невозможны без интернационализации правового пространства, что создает объективные предпосылки для большей унификации и координации государствами их уголовной политики.

Международное сообщество в рамках уголовного правосудия уделяет эффективной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного процесса большое внимание. Международные правовые акты играют роль интеграционных механизмов, способ-

ствующих имплементации передовых и наиболее эффективных методов защиты участников уголовного судопроизводства в национальные правовые системы.

Кроме ООН, принципы и стандарты защиты участников уголовного судопроизводства вырабатываются и региональными международными организациями. Значительную деятельность в области правосудия осуществляет Совет Европы, в рамках которого приняты конвенции, большинство из них были открыты для присоединения любых европейских государств. Документы, принимаемые Советом Европы, базируются на тех же принципах, что и нормативные акты ООН.

Среди всего массива документов Совета Европы целесообразно выделить следующие, в которых излагаются меры безопасности, рекомендуемые для использования в национальном судопроизводстве: Рекомендация «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» (1985 г.); Рекомендация «По вопросу запугивания свидетелей и обеспечения прав защиты» (1997 г.) и Рекомендация «О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием» (2005 г.).

Рекомендация 9 (2005) «О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием»⁶, предусматривает руководящие принципы, содержащие меры, которые государства могут принимать во внимание при разработке их национального законодательства и направлений уголовной политики. Среди принципов, касающихся международного сотрудничества, необходимо выделить такие, как оказание помощи в перемещении за границу свидетелей и обеспечение их защиты, содействие по использованию современных средств связи, а также сотрудничество и обмен передовым опытом между органами, ответственными за осуществление мер по защите участников судопроизводства.

Стратегия тысячелетия⁷ в 5 Рекомендации № 25 определяет, что в ЕС должно быть разработано модельное соглашение о защите участников судопроизводства с учетом опыта Европола, которое будет применяться на двусторонней основе. Вторым шагом стала разработка Европолом двух документов – «Основные принципы полицейского сотрудничества Европейского союза в области защиты свидетеля» и «Общие критерии для принятия свидетелей в программу защиты», которые имеют конфиденциальный статус, т. е. предназначены только для служебного пользования.

Европейский совет на основе Гагской программы⁸, принятой в 2004 г., в которой изложены 10 приоритетных задач по укреплению пространства свободы, безопасности и правосудия, решил развивать стратегическую концепцию по борьбе с организованной пре-

И.Н. Крапчатова

ступностью с привлечением таких европейских институтов, как Европол, Агентство Евросоюза по координации национальных систем правосудия, Европейский колледж полиции. Также разработка мер по защите участников судопроизводства является одним из направлений европейской программы «Профилактика и борьба с преступностью на 2007–2013 гг.»⁹.

Таким образом, участие России в Совете Европы настоятельно требует реализации в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве рекомендаций по обеспечению прав участников уголовного судопроизводства, их личной безопасности в ходе уголовного процесса.

УПК РФ, вступивший в законную силу с 1 июля 2002 г., впервые закрепил обязанность судебно-следственных органов принимать в пределах своей компетенции меры безопасности в отношении участников судопроизводства, которым угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо иными опасными противоправными деяниями (ч. 3 ст. 11 УПК РФ)¹⁰. Кроме того, правовую базу в сфере обеспечения безопасности участников судопроизводства составляют два федеральных закона: от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»¹¹ и от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»¹². Таким образом, в отечественной юридической науке были заложены основы для создания института государственной защиты участников уголовного судопроизводства.

Европейская полицейская организация уделяет особое внимание защите свидетелей и потерпевших в рамках уголовного судопроизводства. В составе отдела Европола по борьбе с организованной преступностью создана специализированная рабочая группа, одной из задач которой является обобщение имеющегося опыта по данной линии работы, а также развитие международного сотрудничества. В состав этой группы входят главы специализированных подразделений по защите свидетелей, имеющих представительства во всех 25 странах – членах Европейского союза, а также шести государств – не членов Европейского союза, восьми международных организаций, действующих в этой области, а также зарубежные наблюдатели из Австралии, Канады, Новой Зеландии, Южной Африки и США.

Применительно к России правовую основу такого сотрудничества составляет Соглашение о сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейской полицейской организацией от 6 нояб-

ря 2003 г.¹³ Во исполнение данного соглашения в 2004 г. был создан Российский национальный контактный пункт по взаимодействию с Европолом, являющийся структурным подразделением Национального центрального бюро Интерпола при Министерстве внутренних дел Российской Федерации.

Обмен практическими знаниями, унификация проводимых процедур, а также постоянный анализ законодательных и нормативных актов в указанной сфере являются залогом успеха в предупреждении совершения противоправных действий, направленных против участников уголовного судопроизводства.

Подводя итог, можно отметить, что унификация европейских и национальных норм в сфере уголовного права и процесса является объективно необходимым условием объединения усилий различных государств в деле борьбы с преступностью и обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Европейское сообщество рассматривает обеспечение безопасности лиц, содействующих правосудию, как исключительно важную компоненту борьбы с преступностью, и, соответственно, их рекомендации позволяют сформировать эффективное законодательство, гарантирующее безопасность лиц, участвующих в уголовном процессе.

Рассматривая роль европейского права в формировании российской уголовной политики в сфере защиты участников уголовного судопроизводства, нужно отметить особое значение Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, прецедентов Европейского суда по правам человека в Страсбурге, а также Европола в решении данной проблемы.

Примечания

- 1 Выводы и рекомендации Совещания Специальной группы экспертов по уменьшению риска насилия в системе уголовного правосудия // Доклад E/CN.15/1994/4/Add.3, 25 February, 1994. С. 10.
- 2 Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества. М., 1995. С. 187.
- 3 *Зайцев О.А.* Государственная защита участников уголовного процесса. М.: Экзамен, 2002. С. 9.
- 4 Рекомендации по итогам работы круглого стола на тему «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: защита потерпевших и других участников процесса» (г. Москва, 22 апреля 2003 г.). М.: Комитет Совета Федерации по правовым и судебным вопросам (исх. № 3.2-45/451 от 11 июня 2003 г.). С. 1.

И.Н. Крапчатова

- 5 Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским союзом на среднесрочную перспективу (2000–2010 гг.). Принята в г. Хельсинки 22.10.1999 // Дипломатический вестник. 1999. № 11. С. 20–28.
- 6 Recommendation Rec (2005) 9 of the Committee of Ministers to member states on the protection of witnesses and collaborators of justice // Adopted by the Committee of Ministers on 20 April 2005 at the 924th meeting of the Ministers' Deputies.
- 7 The prevention and control of organized crime: a European union strategy for the beginning of the new millennium // OJ C 124 03.05.2000.
- 8 The Hague Programme // OJ C 053 03.03.2005.
- 9 Council Decision 2007/125/JHA (12.02.2007), OJ L 58, 24.02.2007.
- 10 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ч.1. Ст. 4921.
- 11 Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных органов и контролирующих органов» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1455.
- 12 Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.
- 13 Соглашение о сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейской полицейской организацией. Заключено в г. Риме 06.11.2003 // Бюллетень международных договоров. 2004. № 3. С. 58–62.

ДВЕ ФОРМЫ КОНТРОЛЯ ЗА ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ КАНДИДАТОВ И ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ: К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ОТМЕНЫ ИНСТИТУТА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ФОНДОВ НА ВЫБОРАХ

Представленная статья посвящена проблемам контроля за финансовой деятельностью кандидатов и избирательных объединений, главным образом политических партий, на выборах, приведены формы контроля избирательных комиссий за финансами политических партий и рассмотрены некоторые другие вопросы, связанные с финансированием избирательных кампаний кандидатов и избирательных объединений в нашей стране, в частности вопрос необходимости существования избирательных фондов.

Ключевых слова: финансирование выборов, контроль за финансированием, избирательный фонд, денежные средства, кандидат, избирательное объединение, финансовая деятельность, избирательный процесс.

В настоящее время ЦИК России и избирательные комиссии субъектов Российской Федерации осуществляют две формы контроля за поступлением и расходованием частных средств, имеющих конечной целью финансовое обеспечение электорального процесса. В первом случае речь идет о текущем контроле за финансовой деятельностью политических партий, их региональных отделений как субъектов, постоянно участвующих в выборах различного уровня. Избирательные комиссии, в которые согласно законодательству поступает информация о всех пожертвованиях на счет той или иной политической партии, проверяют в данном случае правомерность их поступления и расходования, осуществляют контроль за соблюдением законодательства в части ограничения источников финансирования политических партий, реализуют некоторые другие полномочия.

Вторая форма контроля осуществляется теми же избирательными комиссиями и в том же объеме, в том числе с реализацией аналогичных полномочий и задач, но уже в отношении денежных средств, поступающих в избирательный фонд конкретной партии. То есть, по сути, осуществляя контроль за одним счетом политической партии, ее регионального отделения, избирательная комиссия периодически, в период избирательной кампании, начинает осуществлять контроль еще за одним счетом той же политической партии, ее регионального отделения, но с прежними целями и полномочиями. Изменяются в данном случае с учетом специфики проведения избирательной кампании только направление расходования средств избирательного фонда, аккумулированных на таком счете (специальный избирательный счет), которые обязательно должны направляться только на проведение избирательной кампании данной политической партии, ее регионального отделения, а также сроки представления в комиссию сведений о поступлении и расходовании денежных средств политической партией и публикации таких сведений.

Таким образом, при отмене избирательного фонда на выборах контроль за финансовым обеспечением избирательных кампаний политических партий останется неизменным, но будет осуществляться посредством контроля за текущей финансовой деятельностью партий.

В этом случае политические партии получают возможность самостоятельно финансировать свою предвыборную кампанию с использованием только собственных средств¹.

Кроме того, в поддержку данного направления реформирования института избирательных фондов говорит и практика проведения выборов в законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации. На этих выборах политические партии, как правило, расходуют сумму меньше предельного размера допустимой суммы расходования средств, поэтому практическая значимость избирательных фондов здесь прежде всего в том, что они обеспечивают контроль со стороны государства за источниками поступления и расходования денежных средств, составляющих избирательные фонды. В качестве примера можно привести структуру поступления и расходования средств избирательных фондов политических партий на выборах депутатов Законодательного собрания Пермского края 3 декабря 2006 г. (табл. 1). Предельный размер расходования из средств избирательных фондов составлял 60 млн руб.

Таблица

Поступление и расходование средств избирательных фондов политических партий на выборах депутатов Законодательного собрания Пермского края 3 декабря 2006 г. (в тыс. руб.)²

Политическая партия	Поступило денежных средств	Возвращено жертвователям	Израсходовано	Осталось
Единая Россия	48 086	537	47 549	–
Союз правых сил	20 598	–	11 598	9000
ЛДПР	10 285	657	9 628	–
Российская партия пенсионеров	30 655	3 000	18 655	9000
КПРФ	2 957	–	2 957	–
Аграрная партия России	21 800	–	12 260	9540
Родина	4 107	–	4 107	–
Патриоты России	10 480	–	10 480	–

Из данной таблицы видно, что даже такой крупной политической партией как «Единая Россия» израсходовано средств значительно меньше, чем это разрешено законодательством, но при этом эта сумма больше средств, потраченных на данную избирательную кампанию КПРФ более чем в 15 раз. В связи с этим положения, устанавливающие предельный размер расходования средств избирательных фондов, играют в данном случае скорее формальную роль. Вместе с тем такая ситуация наблюдается во многих регионах России при проведении как региональных, так и местных выборов, поэтому можно заметить, что устанавливать предельную сумму расходов из средств избирательных фондов на данном уровне нецелесообразно.

Что касается федеральных выборов, то анализ финансовых отчетов партий по результатам проведения выборов депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации пятого созыва в 2007 г. показал, что наполнения федеральных избирательных фондов до верхнего предела также не происходит. Если оценить расходы четырех партий, допущенных по результатам выборов до распределения депутатских мандатов, можно заметить, что политические партии «Единая Россия», «Справедливая Россия» и ЛДПР практически приблизились к предельной отметке в

Н.Е. Рыжков

400 млн руб. (суммы расходов из средств избирательных фондов составили 398, 392 и 387 млн руб. соответственно)³, а КПРФ, занявшая по результатам голосования второе место и получившая 57 депутатских мандатов, имела самый «скромный» избирательный фонд, расходы из которого составили всего 172 млн руб.⁴ При этом, как отмечают некоторые исследователи проблемных вопросов проведения данных выборов, в частности Ю.А. Бузин, А.Е. Любарев, «если учитывать фонды региональных отделений (т. е. подсчитать средства консолидированных избирательных фондов), то картина заметно изменится. Окажется, что «Единая Россия», достаточно приблизившаяся к «консолидированному потолку»⁵ (1 551 млн руб.), получила более чем двукратное финансовое преимущество перед ЛДПР (622 млн руб.) и «Справедливой Россией» (720 млн руб.), а КПРФ потратила примерно втрое меньше, чем эти две партии»⁶.

Не отрицая права авторов на собственное мнение, хотелось бы вместе с тем заметить, что приведенные выше данные сами по себе говорят о том, что так называемое финансовое преимущество одних политических партий над другими, которое выражается в более значимых суммах расходов на избирательную кампанию по сравнению с другими партиями, еще не является однозначным и беспроблемным средством достижения высокого результата на выборах, к чему изначально стремятся партии.

Кроме того, обращаясь к результатам выборов депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации четвертого созыва в 2003 г., хотелось бы отметить следующее.

По итогам финансовых отчетов политических партий и сведениям Сбербанка России, по объему расходов на избирательную кампанию на данных выборах лидировал «Союз правых сил» (205 млн руб.), который набрал 3,97% голосов и не был допущен к распределению депутатских мандатов; второе место было у «Единой России» (187 млн руб.), набравшей по итогам выборов 37,57% голосов, на третьем месте – партия «Яблоко» (122,8 млн руб.), которая так же, как и СПС, не преодолела необходимого на тот момент 5-процентного заградительного порога (избирательного барьера) и набрала всего 4,3% голосов, опередив вместе с тем по количеству затраченных на выборы средств избирательный блок «Родина» и ЛДПР, (84 и 50,5 млн руб. затраченных средств соответственно). Еще одна партия и два блока, не допущенные к распределению депутатских мандатов, обогнали по уровню расходов на свои избирательные кампании КПРФ (затратила 50,2 млн руб.). Всего на данных выборах к распределению депутатских мандатов из 23 политических партий и избирательных блоков было допущено 3 политические партии и 1 избирательный блок, которые не яв-

лялись лидерами по количеству средств, затраченных на проведение своих избирательных кампаний и, тем более, не достигли предельного порога расходования средств избирательных фондов.

Из этого вытекает, что количество затраченных на избирательную кампанию средств само по себе преимущества для политических партий в предвыборной гонке не дает. Напротив, сведение всей политической работы партий к поиску источников финансирования их текущей деятельности и избирательных кампаний приводит к результатам, когда институт политических партий, изначально созданный как независимый институт участия населения в политической и государственной жизни, может стать инструментом для реализации интересов отдельных финансово состоятельных групп, слоев населения или лиц. И здесь хотелось бы отметить высказывание Ю.А. Веденева и В.И. Лысенко, что «социальная ценность выборов в том и состоит, что они являются одним из существенных моментов политического самоутверждения граждан, политической самоорганизации гражданского общества, обеспечивающими его автономию, юридически признанной за гражданами и их политическими объединениями возможностью быть субъектами государственной власти»⁷.

В связи с этим можно отметить, что политическим партиям, сделавшим основную ставку на привлечение большего количества денежных средств на свою предвыборную кампанию, следует с большой ответственностью подходить к их расходованию. Кроме того, законодательство с учетом интересов политических партий предусматривает возможность свободного, без оплаты из средств избирательного фонда использования движимого и недвижимого партийного имущества в избирательной кампании, поэтому отмена избирательного фонда не только не потребует значительного реформирования системы финансового контроля за деятельностью партий, но и логически отобразит степень эффективности в использовании собственных средств и иных ресурсов для победы на выборах.

Необходимо заметить, что применительно к иным избирательным объединениям, имеющим право принимать участие в региональных и муниципальных выборах, исключение нормы о создании избирательного фонда потребует внесения изменений в законодательство. С учетом того, что большинство организаций, наделенных по решению соответствующей избирательной комиссии на выборах статусом избирательного объединения, уже имеют текущий счет как юридические лица, контроль за поступлением и расходованием средств на их избирательную кампанию может осуществляться через этот счет. Как один из вариантов может потребоваться обязать соответствующие кредитные учреждения предоставлять ин-

Н.Е. Рыжков

формацию о движении средств на счетах, в том числе источниках поступления средств на соответствующие счета, и контрагентах, которым они перечисляются в период избирательной кампании.

Несколько по-другому видится ситуация в отношении кандидатов, принимающих участие в выборах на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Если в отношении последних действует норма п. 1 ст. 58 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», согласно которой при проведении выборов в органы местного самоуправления создание кандидатом избирательного фонда необязательно при условии, что число избирателей в избирательном округе не превышает пяти тысяч и финансирование кандидатом своей избирательной кампании не производится (чем, надо заметить, кандидаты активно пользуются), то применительно к кандидатам, баллотирующимся на выборах Президента Российской Федерации либо на выборах в органы государственной власти субъекта Российской Федерации избирательный фонд целесообразно оставить.

Вместе с тем полагаем, что порядок открытия специального избирательного счета должен быть несколько другим.

Представляется возможным с внесением соответствующих изменений в законодательство Российской Федерации предоставить избирательной комиссии, которая осуществляет проведение выборов соответствующего уровня, полномочия по открытию специального избирательного счета кандидата. Кандидату в этом случае потребуются представить в избирательную комиссию все необходимые данные, требуемые кредитной организацией для открытия счета. При этом комиссия должна иметь возможность аналогичного по сравнению с политическими партиями контроля за движением всей денежной массы избирательного счета кандидата. В этом случае на нет сойдут ряд проблем, которые существуют в настоящее время в связи с самостоятельным открытием избирательных счетов кандидатами⁸. Указанный порядок может использоваться как при наличии у кандидатов собственных счетов, так и при их отсутствии.

Примечания

¹ Заметим, что с момента поступления правомерного пожертвования оно становится собственностью политической партии. Что касается неправомερных пожертвований, то в случае установления таковых, соответствующие суммы денежных средств должны быть возвращены политической партией либо перечис-

- лены в доход бюджета, что напоминает процедуру, установленную ст. 238 Гражданского кодекса Российской Федерации.
- 2 Мониторинг демократических процедур / Под ред. Иванченко А.В. // Бюллетень. 2007. № 2. С. 103–104.
 - 3 Указанные политические партии в соответствии с Приложением к Постановлению ЦИК России от 8 декабря 2007 г. № 72/591-5 «О результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыва» получили 315, 38 и 40 мандатов, что составляет 1, 4 и 3 места в общем списке соответственно.
 - 4 Статистические данные см.: Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыв. 2007: Сборник информационно-аналитических материалов. М., 2008. С. 203–207.
 - 5 По мнению указанных авторов «консолидированный потолок» составляет предельная сумма денежных средств, которую политическая партия могла потратить на этих выборах с учетом средств федерального избирательного фонда (предельная сумма расходов на этих выборах составляла 400 млн руб.) и региональных избирательных фондов, предельная сумма расходования средств из которых устанавливалась регионом в зависимости от числа избирателей в нем. На выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации пятого созыва он составлял около 1 млрд 806 млн руб.
 - 6 Бузин Ю.А., Любарев А.Е. Преступление без наказания: Административные избирательные технологии федеральных выборов 2007–2008 годов. М., 2008. С. 37–38.
 - 7 Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации / Отв. ред. А.В. Иванченко. М., 1999. С. 14.
 - 8 Например, в настоящее время законодательством предусмотрено обязательное закрытие избирательных счетов кандидатов после проведения выборов и исполнения всех обязательств, связанных с их статусом, вместе с тем никаких санкций за неисполнение данной обязанности не предусмотрено. В связи с этим неоднократно создавались ситуации, когда кандидаты не закрывали избирательные счета, учитывая, что ни избирательные комиссии, ни банки самостоятельно их закрыть не могли, специальный избирательный счет мог находиться в банке достаточно долгое время. Кроме того, кандидатам представлено ограниченное время для открытия избирательного счет, в течение которого они должны, находясь в банке наряду с другими его вкладчиками, пройти все процедуры открытия счета.

А.А. Веденин

ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ «КОМПЛЕКС ИМУЩЕСТВА»
В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена новому правовому понятию – «комплекс имущества» и его месту в системе гражданского права РФ. Его правовая конструкция усложняет деловую активность в предпринимательских отношениях. Показана практическая необходимость введения данного правового понятия в гражданское законодательство РФ.

Ключевые слова: новое правовое понятие, комплекс имущества, предприятие как имущественный комплекс, купля-продажа комплекса имущества.

В российском законодательстве до конца не исследована проблема правового статуса объектов, которые по тем или иным причинам не используются в предпринимательской деятельности или не созданы для таковой.

Существуют и создаются объекты, которые не предназначены для использования в предпринимательской деятельности, например некоторые медицинские, образовательные, санаторно-курортные учреждения, отдельные производственные и промышленные объекты, организации социального обеспечения и т. д.

Также некоторые собственники не используют или не могут использовать принадлежащие им объекты (например, объекты незавершенного строительства) или осуществляют их перепрофилирование с учетом экономических потребностей. В этот период объекты не действуют, что говорит об отсутствии предпринимательской деятельности.

Очевидно, что действующему российскому законодательству не хватает специального правового инструмента, способного осуществить регулирование отдельных объектов гражданского права. По-

требность в должном правовом регулировании обусловлена их особой ролью в современном хозяйственном обороте.

В настоящей статье предлагается определить юридическую и экономическую целесообразность предложения о включении в действующее гражданское законодательство РФ нового правового понятия, способного осуществить должное правовое регулирование таких объектов.

Как следует из ст. 132 ГК РФ, предприятием как имущественным комплексом и объектом гражданских прав признается имущественный комплекс, который используется для осуществления предпринимательской деятельности.

Причислив предприятие к объектам гражданских прав, законодатель поставил перед правоприменителем ряд сложных правовых проблем теоретического и практического характера, появляющихся из весьма своеобразного содержания и характера данного понятия как особого гражданско-правового института.

В российской правовой доктрине отсутствует единая точка зрения на понятие «предприятие» как имущественный комплекс.

По мнению А.А. Бурмистрова, «в настоящее время сформировались две позиции относительно того, как влияет процесс функционирования на способность предприятия выступать объектом гражданских правоотношений»¹.

Сторонники одной теории утверждают, что для признания предприятия объектом правоотношений безразлично, эксплуатируется ли предприятие или нет в определенный момент времени².

Сторонники противоположного подхода признания только действующего предприятия в качестве объекта гражданских прав утверждают, что именно деятельность предприятия – тот существенный признак, который позволяет отличить предприятие от иных имущественных комплексов³.

Так, А. Грибанов выразил мнение, что объектом прав служат не сами входящие в предприятие элементы, а деятельность, осуществляемая с помощью последних⁴.

В. Витрянский высказывает аналогичную мысль, что под предприятием следует понимать действующий имущественный комплекс («на ходу»), факт использования в предпринимательской деятельности собственника соответствующего имущества, которое по своему характеру позволяет выделить из всех обязательств собственника те обязательства, которые связаны исключительно с деятельностью самого имущественного комплекса и поэтому входят в его состав⁵.

А.А. Бурмистров считает, что «имущественный комплекс остается только имуществом, если он не задействован в экономическом

А.А. Веденин

обороте. Предприятием же может выступать лишь эксплуатируемый, работающий имущественный комплекс (“на ходу”), приносящий доход своему владельцу»⁶.

Что касается понятия «доход» как обязательной составляющей предприятия, то это представляется спорным. На определенной стадии деятельности предприятие как имущественный комплекс может и не приносить его владельцу доход.

Следует согласиться с мнением В. Витрянского, суть которого заключается в том, что только непосредственное участие предприятия как имущественного комплекса в предпринимательской деятельности позволит с полным основанием говорить о его наличии.

Известное российскому законодательству правовое понятие «предприятие как имущественный комплекс» не может охватить столь широкий спектр экономических отношений, которые в настоящее время быстро развиваются и изменяются, а также не способно осуществлять должное правовое регулирование многих объектов.

Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что предложенная российским законодателем правовая конструкция понятия «предприятие как имущественный комплекс» не в полной мере отвечает предъявленным требованиям современного предпринимательского оборота.

Вопрос о необходимости включения в действующее гражданское законодательство РФ нового правового понятия ставил ранее В.А. Белов в своей книге «Имущественные комплексы»⁷. Он пишет: «Законодательное признание факта существования предприятий – имущественных комплексов, предназначенных для осуществления предпринимательской деятельности, – как особых объектов гражданских правоотношений, закономерно порождает следующий вопрос: нельзя ли рассматривать как имущественные комплексы такие имущественные системы, которые предназначены для ведения целенаправленной деятельности иной, нежели предпринимательская? В принципе ярко выраженную целевую направленность имеют все некоммерческие организации, но ни общего правила, ни правил об отдельных их видах, которые позволяли бы судить о законодательном отношении к их имуществу, мы не находим»⁸.

Учитывая недостаточность имеющихся понятий для эффективной и полноценной оборотоспособности объектов гражданского права предложение о включении в действующее гражданское законодательство РФ нового правового понятия своевременно и актуально.

Принимая во внимание изложенные правовые аргументы, а также учитывая обусловленные экономической реформой изменения

в сфере правового регулирования имущественных отношений, мы видим необходимость появления в отечественном гражданском законодательстве нового правового понятия – «комплекс имущества».

До настоящего времени отечественный законодатель не использовал понятие «комплекс имущества». Оно является новой юридической конструкцией, включающей в себя различные виды сложных с юридической и экономической точек зрения объекты гражданских прав, основанные на потребностях свободного предпринимательского оборота и обладающие готовностью реагировать на изменение экономической ситуации.

Признаки комплекса имущества:

- 1) принадлежит юридическим и (или) физическим лицам;
- 2) это объединение различных объектов движимого и (или) недвижимого имущества с единым или различным хозяйственным и (или) производственным назначением;
- 3) не используется в предпринимательской деятельности или не создан для использования в предпринимательской деятельности.

Комплекс имущества – это принадлежащая физическим и (или) юридическим лицам не используемая в предпринимательской деятельности или не созданная для этой цели совокупность объектов движимого и (или) недвижимого имущества.

О теоретической и практической необходимости включения в действующее гражданское законодательство нового правового понятия написано в статьях «Правовая категория “комплекс имущества”: понятие и общая характеристика»⁹ и «“Комплекс имущества”: новая правовая категория»¹⁰.

Причин, объясняющих актуальность и своевременность предложения о включении в действующее гражданское законодательство РФ нового правового понятия «комплекс имущества», несколько, и заключаются они в следующем.

Во-первых, понятно «комплекс имущества» сможет обеспечить должное функционирование и оборотоспособность тех объектов, которые не урегулированы действующим Гражданским законодательством РФ.

Во-вторых, предложение о включении нового правового понятия в гражданское законодательство РФ юридически и экономически целесообразно. Его наличие и четкая правовая конструкция ускорит деловую активность в предпринимательских отношениях, что, безусловно, даст должное эффективное развитие экономики в целом.

Научно-практический потенциал позволит быть новому понятию эффективным инструментом для решения актуальных задач юридической практики.

А.А. Веденин

В-третьих, новое правовое понятие необходимо для всех участников гражданско-правовых отношений и судебной власти.

Например, для совершения сделки купли-продажи комплекса имущества сторонам нет необходимости осуществлять некоторые юридические процедуры, а именно исследовать у юридического лица наличие или отсутствие прав требований и долгов; уведомлять о данной сделке кредиторов юридического лица.

Это обосновано тем, что долги, права требования и кредиторы связаны исключительно с юридическим лицом.

Следует отметить, что включение в гражданское законодательство РФ нового правового понятия «комплекс имущества» как объекта гражданских прав значительно упростит регулирование многих гражданско-правовых сделок, что в конечном счете приведет к уменьшению судебных споров.

Все это подчеркивает юридическую и экономическую целесообразность включения в действующее российское законодательство нового правового понятия «комплекс имущества».

Рассматривая теоретическую основу комплекса имущества и предприятия как имущественного комплекса можно увидеть, что они тесно взаимосвязаны, а также могут трансформироваться из одного в другое.

Комплекс имущества может, например, трансформироваться в предприятие как имущественный комплекс, если начнется процесс привлечения рабочей силы, выпуск продукции, т. е. будет осуществляться предпринимательская деятельность. Это уже полноценное предприятие как имущественный комплекс и объект гражданского права, которое отвечает требованиям Гражданского кодекса РФ.

Правильность изложенной позиции подтверждает решение кассационной инстанции о признании соответствующими законодательству РФ выводов судов нижестоящих инстанций о том, что проданный имущественный комплекс не подпадает под понятие «предприятие как имущественный комплекс» в смысле ст. 132 ГК РФ, так как «завод длительное время не функционировал как объект прав, а представлял собой имущественный комплекс, не используемый для осуществления предпринимательской деятельности»¹¹.

Следовательно, можно сделать вывод, что предприятием как имущественным комплексом нельзя признать объект, ранее эксплуатируемый, но функционирование, которого приостановлено в силу каких-либо причин.

Вышеуказанное судебное решение свидетельствует о том, что если отсутствует главный признак предприятия как имуществен-

ного комплекса – осуществление предпринимательской деятельности, то в этом случае говорить о предприятии как имущественном комплексе нельзя. В таком случае правомерно говорить о комплексе имущества. Судебное решение еще раз доказывает экономическую и юридическую целесообразность такого правового понятия как «комплекс имущества».

Очевидно, что назрела необходимость законодательного закрепления понятия «комплекс имущества» в разделе I «Общие положения» подразд. 3 «Об объектах гражданских прав» Гражданского кодекса РФ.

Необходимо отметить, что предложение о включении в действующее гражданское законодательство РФ нового правового понятия «комплекс имущества» отвечает не только насущным потребностям предпринимательского сообщества, но и полностью согласуется с Концепцией развития гражданского законодательства Российской Федерации¹². Уже сейчас данное понятие присутствует не только в плоскости рассуждений, но и конкретных примерах судебно-арбитражной практики.

Для того чтобы увидеть, что такое «комплекс имущества», и проследить процесс его трансформации в понятие «предприятие как имущественный комплекс», рассмотрим конкретное судебное дело¹³.

ООО «Микрон» (далее – Общество) обратилось в Арбитражный суд г. Москвы с иском к ЗАО «Фирма “Би-Газ-Си”» (далее – Фирма) об истребовании из незаконного владения ответчика двух имущественных комплексов автозаправочных станций (далее – АЗС).

К участию в деле в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, привлечены ООО «Миними», Департамент имущества города Москвы, Департамент транспорта и связи города Москвы, ГП «Московский производственный комбинат автообслуживания» (далее – Предприятие).

Как установлено судом, распоряжением Комитета по управлению имуществом Москвы (далее – КУМИ) от 03.10.1994 № 2573-р «О регистрации государственного предприятия “Московский производственный комбинат автообслуживания”» и договором, заключенным между КУМИ и Предприятием, имущественные комплексы АЗС № 66 и 126 были закреплены на праве хозяйственного ведения за Предприятием.

В соответствии с п. 2.2 прилож. 5 к постановлению Правительства Москвы от 16.11.1993 № 1039 «О неотложных мерах по ускоренному развитию сети автозаправочных станций в городе

А.А. Веденин

Москве и улучшению обеспечения моторным топливом авто-транспортных средств» утвержден Порядок организации и проведения конкурса по передаче в аренду фирмам-инвесторам действующих АЗС, подлежащих реконструкции, совместно с земельным участком (далее – порядок передачи АЗС инвесторам). Согласно данному порядку, Предприятие заключает договор с компанией, ставшей победителем конкурса по реконструкции существующих АЗС, а Департамент транспорта и связи правительства Москвы совместно с Комиссией по земельным отношениям и градостроительству оформляет передачу в аренду конкретных АЗС. По условиям проведения реконструкции АЗС должно быть осуществлено следующее: введение новых мощностей по дополнительным услугам (моечной станции, ремонтной зоны, магазина автозапчастей, кафе и т. п.).

Распоряжениями правительства Москвы утвержден Перечень автозаправочных станций, подлежащих передаче фирмам-инвесторам для реконструкции, в том числе предусмотрена передача Фирме АЗС № 66 и 126.

Во исполнение указанных распоряжений между КУМИ и Предприятием, с одной стороны, и Фирмой с другой стороны, были заключены договоры аренды, согласно которым спорные АЗС № 66 и 126 в целях реконструкции были переданы Фирме на правах аренды. Кроме того, в соответствии с утвержденным правительством Москвы Порядком передачи АЗС инвесторам между КУМИ, Фондом имущества города Москвы, Департаментом транспорта и связи правительства Москвы, Предприятием и Фирмой были заключены инвестиционные контракты, которыми предусмотрено право инвесторов на приобретение реконструированного объекта в собственность на основании и условиях договоров купли-продажи.

В процессе реализации заключенных договоров АЗС № 126 и 66 были капитально отремонтированы Фирмой и приняты в эксплуатацию государственной комиссией.

Из указанных документов усматривается, что Фирма на основании действующих правовых актов и инвестиционных контрактов путем модернизации двух АЗС и строительства дополнительных объектов автосервиса в соответствии с разработанными проектами создало новые имущественные комплексы.

Таким образом, после приемки в эксплуатацию и реконструкции имущественных комплексов АЗС № 66 и 126 владельцем этих комплексов является Фирма.

Судами установлено, что материалами дела подтверждаются создание Фирмой новых имущественных комплексов АЗС в резуль-

тате полной реконструкции прежних АЗС и выполнение инвестором всех обязательств по контракту и договорам и отсутствие между их участниками спора о праве на реконструированные объекты АЗС.

Исходя из указанных обстоятельств, суд кассационной инстанции правильно пришел к выводу о том, что в результате инвестиционной деятельности Фирмы на законных основаниях, в силу п. 1 ст. 218 ГК РФ, Фирма приобрела имущественные комплексы АЗС № 66 и 126 в собственность.

Анализируя данный пример и используя предложенное новое правовое понятие – «комплекс имущества», необходимо отметить следующее:

во-первых, показан переход от понятия «предприятие» как имущественный комплекс к понятию «комплекс имущества»;

во-вторых, предприятием как имущественным комплексом нельзя признать объект, ранее эксплуатируемый, но функционирование которого приостановлено в силу каких-либо причин (в данном случае – это реконструкция АЗС);

в-третьих, в тексте судебного дела неправильно применено понятие «имущественный комплекс» (АЗС на определенной стадии не работала и для целей предпринимательской деятельности не использовалась, следовательно, предприятием как имущественным комплексом была не всегда).

Таким образом, подводя итоги вышесказанного, сформулируем несколько основных выводов.

1. Представляется необходимым предложить включить в действующее Гражданское законодательство РФ правовое понятие «комплекс имущества» и легально закрепить данный правовой институт на уровне Федерального законодательства РФ.

2. «Комплекс имущества» является новой гражданско-правовой конструкцией, отсутствовавшей как в Гражданском законодательстве дореволюционного и советского периодов, так и в действующем законодательстве РФ.

3. Правовое понятие «комплекс имущества» логично вписывается в систему гражданского законодательства РФ.

До настоящего времени отечественной юриспруденцией накоплен большой опыт, который является базовым для дальнейшего развития юридической мысли и появления новых правовых понятий, так необходимых в настоящее время.

Однако развитие действующего законодательства и появления в нем новых правовых институтов возможно только при продолжении исследования в данном направлении.

- ¹ *Бурмистров Р.Е.* Правовая природа предприятия как объекта гражданских прав // Российский судья. 2006. № 8. С. 29.
- ² Там же.
- ³ Там же.
- ⁴ *Грибанов А.* Правовая природа предприятия как имущественного комплекса в праве России // Хозяйство и право. 2003. № 7. С. 64.
- ⁵ *Витрянский В.В.* Пути совершенствования законодательства о недвижимом имуществе // Хозяйство и право. 2003. № 6. С. 10.
- ⁶ *Бурмистров Р.Е.* Указ. соч. С. 29.
- ⁷ *Белов В.А.* Имущественные комплексы. М., 2004.
- ⁸ Там же. С. 112–113
- ⁹ *Веденин А.А.* Правовая категория «комплекс имущества»: понятие и общая характеристика // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2009. № 9. С. 6–9.
- ¹⁰ *Веденин А.А.* «Комплекс имущества»: новая правовая категория // Законодательство. 2010. № 1. С. 83–86.
- ¹¹ Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 23.05.2001 № ФО4/1416-261/АОЗ-2001 [Электронный ресурс] // ИПС Консультант Плюс. Версия 3000.03.16.М., 2007.
- ¹² URL: <http://www.privlaw.ru/concepciya.rtf>.
- ¹³ Постановление президиума ВАС РФ № 9713/06 от 22.01.2008 г. [Электронный ресурс] // ИПС Консультант Плюс. Версия 3000.03.16. М., 2007.

М.М. Ильичева

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОСПАРИВАНИЯ СДЕЛОК, В СОВЕРШЕНИИ КОТОРЫХ ИМЕЕТСЯ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ

Статья посвящена вопросам оспаривания сделок с заинтересованностью, а именно основаниям оспаривания сделок. В статье определяется круг лиц, которые могут оспаривать сделки, в совершении которых имеется заинтересованность, поднимаются проблемы правового регулирования оспаривания сделок с конфликтом интересов.

Ключевые слова: сделка с заинтересованностью, конфликт интересов, оспаривание сделки, недействительность сделки, акционер, общество.

В процессе своей деятельности хозяйственные общества совершают разнообразные сделки, т. е. действия, направленные на возникновение, изменение и прекращение своих прав и обязанностей. В любом хозяйственном обществе, безусловно, имеются лица, для которых заключение сделки представляет личный интерес. В результате этого может возникнуть конфликт интересов указанного лица и самого общества или его акционеров (участников)¹. Одним из инструментов нахождения баланса интересов является институт сделок с заинтересованностью. Идея введения данного института весьма проста: поставить все сделки общества, выгоду от которых может извлечь лицо, оказывающее или способное оказывать непосредственное влияние на управление обществом, под контроль всех акционеров через введение специальной процедуры их одобрения².

Общегражданское законодательство предусматривает три вида последствий нарушения требований закона или иных правовых актов при совершении сделок: ничтожность, оспоримость, иные последствия нарушения (ст. 168 ГК). При совершении с нарушением

М.М. Ильичева

законодательства сделок с заинтересованностью закон предусматривает возможность признания их недействительными в форме оспоримости³.

Последствия несоблюдения процедуры заключения сделки с заинтересованностью заключаются в возможности признания такой сделки недействительной. Правом предъявления иска о недействительности сделки с заинтересованностью обладают само общество и его акционеры (участники). В старой редакции ФЗ «Об АО» этот круг лиц не был определен, но, тем не менее, суды и раньше придерживались того же самого принципа.

Причем, как верно отмечает М.В. Телюкина, с правом акционера предъявлять иск возникает серьезная проблема, состоящая в вопросе: какой именно акционер имеет указанное право – тот, который является акционером на момент совершения сделки, либо тот, который впоследствии стал таковым.

С точки зрения теории право заявлять о недействительности заинтересованных сделок должно быть представлено любому акционеру, являющемуся таковым на момент предъявления иска. Такой акционер, безусловно, имеет интерес в опровержении сделки, заключенной с нарушениями. К примеру, В.В. Ярков, рассуждая о косвенных исках, отмечает: «...может возникнуть вопрос и такого характера – вправе ли акционер обратиться с косвенным иском по фактам, которые имели место до того, как он приобрел акции, стал акционером общества». Автор положительно отвечает на свой вопрос: «...если убытки обществу причинены действиями менеджера, имевшими место до приобретения акций истцом, полагаем, что и в этом случае такой акционер выступает в качестве надлежащего истца. Ведь причиненные убытки не возмещены, и это сказывается и на текущем состоянии финансово-хозяйственной деятельности общества»⁴.

Данной позиции придерживается и А.В. Габов, который пишет: «Нельзя согласиться с логикой тех судебных решений, которые связывают саму возможность удовлетворения исковых требований акционера с моментом, когда лицо стало акционером. При такой логике не учитывается, что сделки, как правило, имеют последствия в части возникновения или прекращения обязательств общества. Очевидно, что эти последствия не “исчезают” в момент совершения сделки, напротив, продолжают существовать и влиять на финансовые показатели общества, а соответственно, и на права как тех акционеров, которые были таковыми в момент совершения сделки, так и тех, которые стали акционерами позднее этого момента»⁵.

Однако при принятии этого подхода возникают абсолютно неразрешимые проблемы практического характера, связанные с по-

рядком предъявления иска в контексте истечения срока исковой давности. Поскольку рассматриваемые сделки являются оспоримыми, иски о признании их недействительными и применении последствий их недействительности могут предъявляться в течение одного года в соответствии с п. 2 ст. 181 ГК РФ (о чем также говорится в Постановлении Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 г. № 19⁶ (далее по тексту – Постановление № 19)). Срок исковой давности начинается для акционера не ранее, чем с момента приобретения им акций общества. Соответственно при принятии рассмотренной выше концепции возможно будет признание сделки недействительной в течение неограниченного времени по иску любого нового акционера, что с практической точки зрения немыслимо. Поэтому необходимо принять иную концепцию, в рамках которой заявлять иски о недействительности сделки с заинтересованностью могут акционеры, являвшиеся таковыми на момент заключения сделки. Правда, при этом возникает еще один вопрос: обладают ли правом заявлять рассматриваемые иски акционеры, являвшиеся таковыми на момент заключения сделки, но впоследствии (на момент предъявления иска) переставшие ими быть?

ВАС РФ исходит из того, что субъект, не являющийся акционером на момент совершения сделки, не имеет права заявлять о ее недействительности⁷. И данное решение на сегодняшний день вполне оправданно.

Но самое печальное, что контрагент хозяйственного общества по такой сделке даже не отнесен законодателем к числу субъектов, которые вправе оспорить такую сделку. Хотя следует признать, что Президиум ВАС РФ сделал вывод, несколько обнадеживающий контрагента. Так, в п. 17 Информационного письма от 13 марта 2001 г. № 62 он разъяснил, что организация, не участвующая в сделке, в совершении которой имеется заинтересованность лиц, названных в Законе, не вправе оспаривать эту сделку в судебном порядке⁸. На первый взгляд, исходя из позиции высшей судебной инстанции, контрагент как лицо, участвующее в сделке, вправе оспаривать сделку в судебном порядке. Однако для такого вывода не имеется оснований, поскольку в п. 1 ст. 84 ФЗ «Об АО» круг лиц, которые могут оспаривать подобные сделки, определен исчерпывающим образом, и контрагент хозяйственного общества не назван в качестве потенциального истца. Кроме того, в законодательстве не предусмотрено, что заинтересованное лицо или хозяйственное общество, не сообщившие необходимую информацию контрагенту сделки, в совершении которой имеется заинтересованность, обязаны возместить ему убытки⁹.

М.М. Ильичева

Сравнительный анализ общегражданского и акционерного законодательств, а также правоприменительной и арбитражной практики позволяет условно классифицировать основания признания сделки с заинтересованностью недействительной на две группы: а) формально-технического характера и б) повлекшие или влекущие за собой убытки.

Первоначально на практике не было единообразия в применении положений ФЗ «Об АО» о возможности признания указанных сделок недействительными. Так, в ряде случаев суды для признания сделки недействительной исходили только из факта несоблюдения порядка заключения сделки, в совершении которой имеется заинтересованность (формально-технический характер). В других случаях судебные органы реализацию права акционера (участника) на признание указанной сделки недействительной ставили в зависимость от наличия нарушения оспариваемой сделкой прав или охраняемых законом интересов данного лица и целью предъявления иска считали именно восстановление этих прав и интересов.

Таким образом, для признания сделки, в совершении которой имеется заинтересованность, недействительной (как и для крупной сделки) достаточно было формального несоблюдения порядка ее заключения, т. е. даже незначительное нарушение порядка заключения подобной сделки приводило к возможности признания ее недействительной.

Такой подход законодателя подвергся критике в научной литературе, поскольку практика показала, что часто иски о признании недействительными крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, подают акционеры, владеющие 2–4 акциями и действующие в интересах определенных лиц, желающих причинить вред акционерному обществу¹⁰, однако суд, исходя из законодательных положений, должен был признавать такую сделку недействительной. Кроме того, в некоторых странах Европы, например во Франции, уже допускалось удовлетворение иска акционера о признании недействительными сделок с заинтересованностью только при условии, что спорная сделка повлекла неблагоприятные последствия для акционерного общества¹¹.

Так, Е. Макеева писала: «В Законе об АО содержится положение о том, что крупные сделки, как и сделки с заинтересованностью, могут быть признаны недействительными по иску акционера или общества. Однако в нем, в отличие, например от Федерального закона от 26 октября 2002 г. “О несостоятельности (банкротстве)” умалчивается, к каким последствиям должно приводить совершение сделки, чтобы она была признана недействительной. Соответственно, возникает вопрос: достаточно ли для этого лишь факта

обращения акционера в суд с заявлением о том, что сделка совершена с процедурными нарушениями? Действующая редакция закона позволяет сделать вывод, что да. И это вряд ли можно отнести к достоинствам закона»¹².

Однако постепенное совершенствование практики применения п. 1 ст. 84 ФЗ «Об АО» арбитражными судами шло по пути признания того, что закрепленное в указанной норме право акционера или акционерного общества оспаривать сделку, в которой имелась заинтересованность, заключенную обществом с нарушением установленного порядка, отнюдь не носит абсолютного характера.

Основой для формирования именно такой судебной практики в принципе послужила ст. 12 ГК РФ, относящая признание оспоримой сделки недействительной, и применение последствий ее недействительности к способам защиты гражданских прав, а также нормы АПК РФ: п. 1 ст. 2, определяющий, что задачами судопроизводства в арбитражных судах является защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, и ч. 1 ст. 4, которая предусматривает, что заинтересованное лицо вправе обратиться в арбитражный суд за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в порядке, установленном АПК РФ¹³.

Президиум Высшего арбитражного суда РФ, рассматривая дело об оспаривании одним из акционеров сделки, в совершении которой обществом имелась заинтересованность, указал в постановлении от 12 ноября 2002 г. № 6288/02 следующее. Пунктом 1 ст. 84 ФЗ «Об АО» предусмотрено право акционера предъявлять иски о признании сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, недействительными. Однако реализация этого права возможна в том случае, если оспариваемой сделкой нарушены права или охраняемые законом интересы акционера общества и целью предъявленного иска является восстановление этих прав и интересов.

Истец не указал, какие реально его права как акционера нарушены и какие конкретно неблагоприятные последствия повлекла для него данная сделка. Истец также не обосновал, а суды не выяснили, возможно ли при избранном способе защиты восстановление прав (если имело место их нарушение), с учетом предъявления иска о признании недействительной уже исполненной сделки, и требований об устранении имущественных последствий, которые возникли в результате исполнения, либо убытков не заявлено.

Закрепляя этот подход, Пленум ВАС РФ в п. 38 Постановления № 19 отметил, что иски акционеров о признании недействительными сделок, заключенных акционерными обществами, могут

М.М. Ильичева

быть удовлетворены в случае предоставления доказательств, подтверждающих нарушение прав и законных интересов акционера.

Пленум ВАС РФ в п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 20 июня 2007 г. № 40¹⁴ (далее – Постановление № 40) вновь подтвердил, что нарушение прав и законных интересов истца является условием признания сделки с заинтересованностью недействительной. Но в этой части положения Постановления № 40 по ряду важных моментов содержат весьма существенные, если не сказать принципиальные, уточнения позиции, ранее сформулированной ВАС РФ.

Из п. 3 Постановления № 40 абсолютно недвусмысленно следует, что независимо от того, кто (акционер или общество) является истцом по иску о признании недействительной сделки с заинтересованностью, истец должен доказать, каким образом оспариваемая сделка нарушает его права и законные интересы.

Правда, при этом возникнет несколько парадоксальная ситуация. Получается, если иск предъявлен акционером к своему обществу и его контрагенту по сделке с заинтересованностью и при этом акционер ссылается на то, что сделка нарушает права и законные интересы общества, это означает, что формально истцу надо доказать, что сделка нарушает права ответчика¹⁵.

Постановление № 19, определяя условие, при котором сделка с заинтересованностью может быть признана недействительной, оперирует лишь одним понятием – «нарушение прав и законных интересов акционеров». Постановление № 40 использует другую формулировку, указывая на то, что «при рассмотрении дел об оспаривании сделок с заинтересованностью судам необходимо исходить из того, что условием для признания сделки с заинтересованностью недействительной является наличие неблагоприятных последствий, возникающих у акционерного общества или акционеров в результате ее совершения». Но наряду с введением новой формулировки в постановлении сохранилось и прежнее положение, в силу которого истец по спору о признании недействительной сделки с заинтересованностью должен показать, каким образом оспариваемая сделка нарушает его права и законные интересы.

И если появление новой формулировки сразу поставило перед юристами проблему наиболее точного раскрытия смысла выражения «неблагоприятные последствия», то сохранение прежнего положения заставляет думать о соотношении понятий «неблагоприятные последствия» и «нарушение прав и законных интересов».

В самом Постановлении № 40 в необходимых минимальных пределах определяются те принципы, исходя из которых должно

раскрываться содержание введенного понятия «неблагоприятные последствия». Как указал Пленум ВАС РФ, при определении, возникли ли в результате совершения сделки с заинтересованностью неблагоприятные последствия у акционерного общества или акционеров, «исследуется, какие цели преследовали стороны при совершении сделки, отвечающей признакам сделки с заинтересованностью, было ли у них намерение таким образом ущемить интересы акционеров, повлекла ли эта сделка убытки для акционерного общества, не являлось ли ее совершение способом предотвращения еще больших убытков для акционерного общества».

Ю. Еременко отмечает: «Предложить однозначное толкование понятия “неблагоприятные последствия” пока сложно в связи с новизной данного термина для российской деловой и правоприменительной практики. Однако надлежащая интерпретация, несомненно, будет дана со временем. В частности, неблагоприятные последствия могут определяться тем или иным отклонением от существующих рыночных цен, ставок, сроков и т. д. (например, выдача займа на условиях о размере процента, незначительно отличающихся от рыночной ставки по банковским депозитам)»¹⁶.

Также интересно то, что в Постановлении № 40 одновременно используются три выражения – «нарушение прав и законных интересов», «убыточность» и «неблагоприятные последствия».

Как полагает А.М. Гудиева, «...высшей судебной инстанцией дается весьма конструктивное разъяснение, которым фактически отождествляется убыточность сделки для общества с нарушением прав и законных интересов акционера. Удивительно, но большинством судов убытки общества не рассматривались как нарушение прав и законных интересов акционеров, и суды требовали представления доказательств несения акционерами, заявляющими иски, прямых убытков в связи с совершенной сделкой, что было возможным далеко не всегда. Поэтому в контексте сложившейся благодаря небезызвестным постановлениям ВАС РФ судебной практики Постановление № 40 в части понимания вопросов убыточности сделки и нарушения прав и интересов акционера можно считать прогрессивным»¹⁷.

Пленум ВАС РФ рассматривает «убыточность» сделки с заинтересованностью лишь как одно из возможных «неблагоприятных последствий», возникших в результате совершения акционерным обществом этой сделки. Поэтому прежде всего возникает вопрос не о соотношении понятий «убыточная сделка» и «сделка, нарушающая права и законные интересы истца», а о соотношении понятий «сделка, повлекшая неблагоприятные последствия» и «сделка, нарушающая права и законные интересы истца».

Представляется, что Постановление № 40 исходит из того, что нарушение прав и законных интересов истца (акционера или акционерного общества) оспариваемой сделкой с заинтересованностью не всегда проявляется в том, что эта сделка повлекла неблагоприятные последствия. То есть понятие «нарушение прав и законных интересов акционеров» более широкое, чем понятие «неблагоприятные последствия». Именно поэтому истец во всех иных случаях, кроме тех, когда он ссылается на то, что сделка имела для него неблагоприятные последствия, должен доказать, что она нарушает его права и законные интересы. Если же истец ссылается на неблагоприятные последствия (в том числе и на убыточность сделки), возникающие в результате совершения сделки с заинтересованностью, то бремя доказывания отсутствия этих последствий возлагается на ответчика (ответчиков). Следовательно, при недоказанности факта отсутствия этих последствий для общества или его акционеров.

Также немаловажно замечание О. Гутникова о том, что закон не учитывает добросовестность контрагента общества, совершающего сделку с заинтересованностью. По мнению О. Гутникова, для сделок с заинтересованностью это сделать крайне необходимо, поскольку признаки сделок с заинтересованностью подчас неочевидны даже для самого общества или его исполнительного органа, не говоря о добросовестном контрагенте.

Сложная процедура одобрения сделок с заинтересованностью также говорит в пользу учета добросовестности контрагента. Поэтому возможность признания недействительной сделки с заинтересованностью должна быть поставлена в зависимость от того, знала ли другая сторона о том, что для общества сделка является сделкой с заинтересованностью, и о том, что был нарушен порядок ее одобрения¹⁸.

Ответ на вышеизложенное замечание дает Постановление № 40, в п. 2 которого говорится, что если будет установлено, что другая сторона в двусторонней сделке или выгодоприобретатель по односторонней сделке не знали и не должны были знать о наличии признаков заинтересованности в сделке и несоблюдении установленного порядка ее совершения, по смыслу ст. 84 ФЗ «Об АО» сделка не может быть признана судом недействительной.

С учетом направленности норм о сделках с заинтересованностью на защиту интересов акционеров бремя доказывания того, что другая сторона в двусторонней сделке или выгодоприобретатель по односторонней сделке не знали и не должны были знать о наличии признаков заинтересованности в сделке и несоблюдении установленного порядка ее совершения, возлагается на указанных лиц.

При решении вопроса о том, должны ли были названные лица знать о наличии признаков заинтересованности в сделке и несоблюдении установленного порядка ее совершения, во внимание принимается то, насколько данные лица могли, действуя разумно и проявляя требующуюся от них по условиям оборота осмотрительность, установить наличие указанных признаков и несоблюдение порядка совершения сделки.

Из вышесказанного следует, что при оспаривании сделки с заинтересованностью возникает немало вопросов. С момента введения данной сделки в ее правовое регулирование было внесено множество изменений, однако заимствованная из практики корпоративного управления других государств сделка «в российской судебной практике стала полем судебных баталий, целью которых весьма часто выступает не защита прав и интересов участников корпоративных отношений, а корпоративный шантаж и передел собственности»¹⁹. Практика применения норм о данных сделках выявила ряд недостатков правового регулирования. Эти недостатки усугубляются изъянами в законодательной технике, неясностью терминов и понятий, неточностью в регулировании самой процедуры одобрения крупных сделок и сделок с заинтересованностью, а также внутренними противоречиями и несогласованностью. Существующие правила о сделках с заинтересованностью недостаточно эффективно защищают права и интересы акционеров и самого общества, порождают неоправданные издержки для добросовестных участников оборота и являются источником для злоупотреблений. Судебная практика и разъяснения ВАС РФ и федеральных арбитражных судов округов, к сожалению, не могут разрешить все проблемы, возникающие при разрешении споров по сделкам с заинтересованностью. Недостаточное внимание к данной проблематике может привести к игнорированию ряда существенных проблем, в связи с чем надеемся на законодательное закрепление положений, исключающих возникающие на сегодняшний день вопросы при оспаривании сделок с заинтересованностью.

Примечания

- 1 Шиткина И.С. Корпоративное право. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 504.
- 2 Мурзин Д., Прохоренко В. Сделки с заинтересованностью и конфликт интересов: перспективы развития // Корпоративный юрист. 2006. № 8. С. 21.
- 3 Долинская В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции. М., 2006. С. 573.

М.М. Ильичева

- ⁴ Решетникова И.В., Ярков В.В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. М.: НОРМА, 1999. С. 59.
- ⁵ Габов А.В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ. Проблемы правового регулирования. М.: Статут, 2005. С. 108.
- ⁶ Российская Федерация. О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах»: [постановление Высшего арбитражного суда РФ от 18 ноября 2003 г. № 19] // Вестник ВАС РФ. 2001. № 7. С. 19.
- ⁷ Телюкина М.В. Комментарий к ФЗ «Об акционерных обществах». М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 68.
- ⁸ Российская Федерация. Обзор практики разрешения споров, связанных с заключением хозяйственными обществами крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность: [информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.03.2001 № 62] // Собрание законодательства РФ. 2001. № 1. Ст. 174.
- ⁹ Шичанин А., Гривков О. Оспоримость сделок, в совершении которых имеется заинтересованность // Российская юстиция. 2003. № 4. С. 15.
- ¹⁰ Гололобов Д.В. Акционерное общество против акционера: противодействие корпоративному шантажу. М.: Юстицинформ, 2004. С. 78.
- ¹¹ Рябова С. За интересом – выгода // Эж-Юрист. 2003. № 34. С. 45.
- ¹² Макеева Е. Сделки с усложненной процедурой заключения: Форма VS Содержание // Корпоративный юрист. 2007. №1. С. 17.
- ¹³ Маковская А. Комментарий к постановлению Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 20.06.2007 г. № 40 «О некоторых вопросах практики применения положений законодательства о сделках с заинтересованностью» // Хозяйство и право. 2008. № 3. С. 41.
- ¹⁴ Российская Федерация. О некоторых вопросах практики применения положений законодательства о сделках с заинтересованностью: [постановление Высшего арбитражного суда РФ от 20 июня 2007 г. № 40] // Вестник ВАС РФ. 2007. № 8. Ст. 17.
- ¹⁵ Маковская А. Указ. соч. С. 43.
- ¹⁶ Еременко Ю. Следки с заинтересованностью: новеллы правоприменения // Корпоративный юрист. 2007. № 10. С. 52.
- ¹⁷ Гудиева А.М. Понятие выгодоприобретателя и основания признания недействительными сделок с заинтересованностью // Корпоративный юрист. 2007. № 10. С. 50.
- ¹⁸ Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания. М.: Книжный мир, 2005. С. 294.
- ¹⁹ Молотников А. Оспаривание сделок общества в интересах гринмэйлера // Слияния и поглощения. 2003. № 5/6. С. 69.

М.С. Ноздрин

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ИНДИВИДУАЛЬНОМУ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЮ В РОССИИ

Статья посвящена краткому освещению истории становления и развития института компенсации морального вреда индивидуальному предпринимателю в России. Также описаны два основных подхода к решению вопроса о возможности компенсации морального вреда индивидуальному предпринимателю, связанного с нанесением вреда его деловой репутации.

Ключевые слова: компенсация морального вреда, индивидуальный предприниматель, деловая репутация, репутационный вред, нематериальные блага.

Проблемы возмещения морального вреда в настоящее время стоят не на последнем месте среди проблем права. Сегодня вырабатываются пути решения вопросов, связанных с возможностью возмещения морального вреда определенным субъектам права, а также размер денежной компенсации. Несмотря на стройную систему российского права, мы можем увидеть, что в зарубежных странах этот вопрос изучен более подробно. Говоря об этом, нельзя утверждать, что понятие морального вреда и тем более компенсации его индивидуальному предпринимателю чуждо для нашей правовой системы.

Если обратиться к истории, то мы можем увидеть, что, не выделяя непосредственно понятие морального вреда, законодатель закреплял нормы, его компенсирующие. Ведь в Русской Правде преступление «определялось не как нарушение закона и княжеской воли, а как “обида”, то есть причинение морального или материального вреда лицу или группе лиц»¹. Компенсационный же момент можно проследить в нормах, закрепляющих ответствен-

М.С. Ноздрин

ность виновного лица в виде штрафов – «вира» и «продажа». За убийство человека платили «виру» в казну, виновный должен был уплатить также и «головничество» родственникам убитого. Эта выплата была равна «вире». При других преступлениях против личности виновный выплачивал в казну штраф – «продажу», а самому потерпевшему «урок», т. е. денежное возмещение за причиненный ущерб².

Нормы, предусматривающие такого рода компенсации, можно отследить и в Судебнике Ивана III (1497 г.): головщина или головничество³; в Уложении царя Алексея Михайловича (1649 г.): «А будет кто не бояся Бога, и не опасаяся государския опалы и казни, учинит над кем нибудь мучительское наругательство, отсечет руку или ногу, или нос, или ухо, или губы обрежет, или глаз выколет, а сыщется про то допряма, и за такое его наругательство самому ему то же учинити, да на нем же взяти из вотчин его и из животов тому, над кем он такое наругательство учинит, будет отсечет руку, и за руку пятьдесят рублев, а будет отсечет ногу, и за ногу пятьдесят же рублев, а за нос, и за ухо, и за губы, и за глас, по тому же за всякую рану, по пятьдесят рублев»⁴.

В XIX в. существовали разные взгляды юристов на имущественную компенсацию морального вреда. И.А. Покровский и С.А. Беляцкий считали, что «компенсация может пойти на благо обществу и его членам, особенно стоящим внизу социальной лестницы»⁵. В работах С.И. Раевича, И.С. Вольмана, Г.Ф. Шершеневича и других можно встретить понятие компенсации за бесчестье или вознаграждение «за личную обиду»⁶.

Можно сказать, что институт компенсации морального вреда развивался в нашей стране и носил изначально характер компенсации за причинение вреда здоровью, постепенно дополняясь защитой нематериальных благ.

В период существования СССР данному вопросу не уделялось должного внимания. Вследствие этого было упущено время на развитие теоретической базы института морального вреда, а также и возможность выработки судебной практики.

Имея достаточно богатый опыт в развитии института морального вреда, сейчас можно увидеть спорный вопрос о возможности применения компенсаций к индивидуальным предпринимателям как участникам экономического оборота. Не стоит забывать, что в бывшем СССР предпринимательство рассматривалось как антиобщественная деятельность, а его субъекты привлекались к уголовной ответственности. Ситуация начала меняться в конце 80 – начале 90-х годов. Например, был принят Закон СССР от 19.11.1986 г. «Об индивидуально-трудоустроенности»⁷. Таким образом, ин-

ститут индивидуального предпринимательства был возрожден и начал развиваться в условиях новой рыночной экономики.

Впервые в гражданском законодательстве нашей страны деловая репутация упоминается в Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. (п. 1 ст. 7).

Деловая репутация отнесена Гражданским кодексом Российской Федерации к группе гражданских прав как нематериальное благо. Деловая репутация также имеет свою имущественную ценность и может выступать в качестве предмета договорного обязательства (например, договор коммерческой концессии).

Институт деловой репутации узаконен сравнительно недавно, положения же ст. 152 ГК РФ недостаточно детализированы, потому суды сталкиваются с определенными сложностями при применении норм о защите деловой репутации индивидуальных предпринимателей.

Пленум Верховного суда РФ принял постановление от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», из п. 15 которого можно сделать вывод о том, что индивидуальный предприниматель имеет право требовать компенсации морального вреда при нанесении вреда его деловой репутации.

Но дела с участием юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, связанные с осуществлением ими коммерческой деятельности, подсудны арбитражному суду, следовательно, дела о защите деловой репутации индивидуальных предпринимателей рассматриваются в арбитражных судах РФ, которые вырабатывали свою практику в решении таких дел.

Обратившись к практике арбитражных судов по делам о защите деловой репутации, можно увидеть, что достаточно часто вместе с требованием об опровержении сведений порочащего характера заявляется требование о взыскании с лица, распространившего несоответствующие действительности сведения, компенсации морального вреда. Ведь деловая репутация отнесена законодателем к числу нематериальных благ, при причинении вреда которым закон допускает возможность денежной компенсации⁸.

Единообразного подхода в решении по таким делам нет, но можно говорить о том, что сформировались две позиции. По одной компенсация морального вреда предпринимателю невозможна⁹, по другой – такая компенсация допускается и необходима¹⁰.

Первая позиция аргументируется тем, что требование о компенсации морального вреда может быть заявлено только гражданином, а предприниматель не может сослаться на ст. 151 ГК РФ, так как в силу п. 3 ст. 23 ГК РФ к предпринимательской деятельности

М.С. Ноздрин

граждан, осуществляемой без образования юридического лица, применяются правила ГК РФ, которые регулируют деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями, т. е. индивидуальные предприниматели не относятся к числу субъектов, имеющих право на возмещение морального вреда.

Вторая позиция опирается на то, что в ГК РФ нет запрета на компенсацию морального вреда гражданину, если он является индивидуальным предпринимателем. И если деловой репутации предпринимателя нанесен вред, то его статус индивидуального предпринимателя не исключает возможности претерпевать физические и нравственные страдания и, как следствие, не исключает возможность получить компенсацию за полученный моральный вред. А правила ГК РФ, регулирующие деятельность коммерческих организаций, применяются к самой предпринимательской деятельности граждан, а не к отношениям по защите неотчуждаемых нематериальных благ¹¹.

На сегодняшний день можно выделить еще одно значимое событие в решении вопроса о возможности индивидуального предпринимателя требовать компенсации морального вреда за вред, нанесенный его деловой репутации. Это проект Постановления Пленума ВАС РФ «О способах защиты прав и законных интересов участников экономического оборота в случае причинения им вреда со стороны государственных органов, органов местного самоуправления, а также их должностных лиц», вынесенный на обсуждение в 2008 г.

В п. 2 данного документа указывается, что участникам экономического оборота, юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, может быть нанесен вред не только имущественный (утрата или умаление имущества), но и вред нематериального характера (нанесение морального вреда, репутационного вреда и иного нематериального вреда). Необходимо, чтобы при принятии такого постановления ВАС РФ определил четкие границы морального вреда для индивидуального предпринимателя, решил вопрос о возможности компенсации, тем самым прекратив споры, и выработал единый подход к решению таких дел в арбитражных судах.

В условиях свободы экономических связей субъектов предпринимательской деятельности и рыночной экономики важнейшей характеристикой юридического лица и индивидуального предпринимателя является его деловая репутация. Поддержание доброго имени на должном уровне приобретает особое значение, поскольку именно от него зависит реальное экономическое благополучие хозяйствующего субъекта. И уже сам факт вынесения на обсуждение указанного выше проекта постановления дает основания полагать, что в будущем мы сможем увидеть документ, в котором ВАС РФ

укажет на возможность компенсации морального вреда индивидуальному предпринимателю.

На данный момент проект постановления еще не принят. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что в последние несколько лет арбитражные суды идут по пути практического решения дел о защите нематериальных благ участников экономического оборота и возмещении им морального, репутационного и иного нематериального вреда.

Примечания

- ¹ *Исаев И.А.* История государства и права России. М.: Юрист, 2005. С. 47.
- ² Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 1. С. 47.
- ³ *Бородин С.В.* Проблемы возмещения ущерба за умышленные убийства // Государство и право. 1994. № 4. С. 93.
- ⁴ Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. С. 290.
- ⁵ *Покровский И.А.* Возмещение вреда и разложение его // Вестник права. 1899. № 9.
- ⁶ *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. М.: СПАРК, 1995. С. 402.
- ⁷ Свод законов СССР. 1990. Т. 2. С. 48.
- ⁸ См.: Гражданский кодекс РФ, ст. 150, 151 // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
- ⁹ См.: Судебные акты Арбитражного суда Свердловской области по делу № А60-19479/04, Арбитражного суда Курганской области по делу № А34-4702/04, Арбитражного суда Пермской области по делу № А50-1557/2003, Арбитражного суда Краснодарского края по делу № А32-20839/2005-42/520, решение Арбитражного суда Республики Дагестан по делу № А15-1522/2002-10, постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа по делу № А58-4866/01-Ф02-867/02 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс: судебная практика».
- ¹⁰ См.: Постановления Федерального арбитражного суда Уральского округа по делам № Ф09-1062/05, Ф09-3705/04, Ф09-2214/03, постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа по делу № Ф03-А51/06-1/5358, постановления Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа по делам № Ф08-1203/200, Ф08-2379/2004 // КонсультантПлюс: судебная практика.
- ¹¹ См.: Обобщение арбитражной практики. Справка по проблемным вопросам, выявленным по итогам обобщения практики рассмотрения споров, связанных с защитой деловой репутации, 2007 [Электронный ресурс] // Арбитражный суд Свердловской области. [2003–2008]. URL: www.ekaterinburg.arbitr.ru/obzor/ (дата обращения: 18.12.2009).

Е.Б. Воронцова

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ВЫБОРА УПРАВЛЯЮЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ЖИЛИЩНОЙ СФЕРЕ

Данная статья посвящена правовому механизму выбора (отбора) управляющей организации в жилищной сфере путем проведения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме либо по результатам проведения органом местного самоуправления открытого конкурса по отбору управляющей организации.

Ключевые слова: управляющая организация, собственники жилых помещений, многоквартирный дом, общее собрание, товарищество собственников жилья.

В соответствии с ч. 2 ст. 161 Жилищного кодекса (далее – ЖК) собственники помещений в многоквартирном доме обязаны выбрать один из способов управления многоквартирным домом:

- 1) непосредственное управление собственниками помещений в многоквартирном доме;
- 2) управление товариществом собственников жилья (далее – ТСЖ) либо жилищным кооперативом (далее ЖК) или иным специализированным потребительским кооперативом;
- 3) управление управляющей организацией.

Таким образом, выбор управляющей организации является одним из предусмотренных законодателем способов реализации права граждан на управление многоквартирным домом.

Данный способ управления многоквартирным домом – с помощью управляющей организации – опосредуется путем заключения договора управления (ст. 162 ЖК). Однако это не единственный случай, когда собственники обращаются к услугам управляющей

организации. Возможен также вариант, когда собственники избирают в качестве способа управления ТСЖ или ЖК, а последние, действуя в интересах собственников, заключают договор с управляющей организацией.

В первом случае происходит следующее: собственники на их общем собрании выбирают в качестве способа управления конкретную управляющую организацию, после чего с каждым собственником помещения в таком доме заключается договор управления на условиях, указанных в решении данного общего собрания (ч. 1 ст. 162 ЖК).

Во втором случае собственники на общем собрании выбирают способом управления ТСЖ (ЖК), а данное товарищество или кооператив через свои органы заключает договор с управляющей организацией. Так, в соответствии со ст. 137, 148 ЖК заключение договора управления многоквартирным домом входит в компетенцию товарищества собственников жилья. При этом «описанная модель в значительной мере девальвирует роль товарищества собственников жилья, которое в этом случае практически устраняется от управления многоквартирным домом. Задача товарищества сводится лишь к грамотному выбору организации, которая будет осуществлять управление общим имуществом»¹.

Итак, до заключения договора с управляющей организацией необходимо проведение общего собрания собственников. В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 44 ЖК выбор способа управления многоквартирным домом относится к исключительной компетенции общего собрания собственников помещений такого дома.

В целом сама процедура проведения общего собрания собственников, закрепленная в Жилищном кодексе, является весьма сложной и трудно реализуемой на практике. Рассмотрим некоторые проблемы, возникающие в связи с этим, более подробно.

Как было отмечено выше, собственники, имеющее намерение передать управление своим домом управляющей организации, могут это сделать либо непосредственно, выбрав способом управления управляющую организацию, либо через ТСЖ, ЖК или иной специализированный потребительский кооператив.

Выбирая управляющую организацию напрямую, собственники должны включить в повестку дня общего собрания следующие вопросы:

1. Выбрать способом управления многоквартирным домом управляющую организацию (указать наименование конкретной организации).
2. Заключить договор управления между управляющей организацией и каждым собственником помещения многоквартирного до-

Е.Б. Воронцова

ма на следующих условиях (требование ч. 1 ст. 162 ЖК): ... (здесь необходимо указать сведения, перечисленные в п. 1–4 ч. 3 ст. 162 ЖК – существенные условия договора).

Если собственники создают ТСЖ, то вопрос о выборе конкретной управляющей организации, а также о согласовании условий договора управления многоквартирным домом переходит к компетенции товарищества.

Каждая из вышеуказанных моделей имеет свои преимущества и недостатки.

В частности, при выборе управляющей организации общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме с каждым собственником помещения в таком доме заключается договор управления. Реализовать на практике заключение договора управления с каждым собственником представляется затруднительным, особенно если речь идет о многоквартирном доме с большим количеством собственников. Как верно отмечает С.В. Стрембелев, «возможна ситуация, когда договоры с выбранной управляющей организацией заключили не все собственники. В этом случае нет механизма понуждения собственника к заключению договора»².

С другой стороны, при заключении договора управления через ТСЖ собственники фактически отстранены как от выбора конкретной управляющей организации, так и от согласования условий договора управления. Эти вопросы решаются исключительно членами правления товарищества.

В любом случае при проведении общего собрания собственники сталкиваются с множеством трудностей, порожденных несовершенством законодательства.

Так, в ЖК предусмотрено два варианта проведения общего собрания: очное – совместное присутствие собственников помещений многоквартирного дома для обсуждения вопросов повестки дня и принятия решений по вопросам, поставленным на голосование; заочное голосование – передача в место или по адресу, которые указаны в сообщении о проведении общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме, в письменной форме решений собственников по вопросам, поставленным на голосование.

Сначала необходимо уведомить каждого собственника о проведении собрания заказным письмом с уведомлением о вручении либо вручить каждому под роспись. В противном случае при оспаривании результатов общего собрания в суде практически невозможно доказать, что каждый собственник был уведомлен о проведении собрания в установленном законом порядке, а это может служить основанием для признания решения собственников недействительным.

Проведение очного голосования представляется возможным только тогда, когда количество собственников невелико. В противном случае, если в доме насчитывается 200–300 квартир, собрать собственников обладающих 50% голосов от общего числа голосов (чтобы собрание имело кворум) в одном месте в одно время для проведения собрания практически нереально. Кроме того, порядок письменного оформления волеизъявления каждого собственника, принявшего участие в таком голосовании, в законодательстве четко и однозначно не закреплён.

Проведение заочного голосования не менее проблематично. Управляющие организации сталкиваются с массой трудностей при его организации.

Так, Жилищный кодекс предусматривает, что в сообщении о проведении общего собрания в форме заочного голосования должна быть указана дата окончания приема решений собственников (п. 3 ч. 5 ст. 45). Однако представляется разумным в сообщении о проведении собрания указывать не только дату окончания, но и дату начала приема решений собственников. Более того, поскольку собрание в форме заочного голосования представляет собой процесс, занимающий не один день, было бы целесообразно закрепить законодательно период времени, в течение которого может проводиться заочное голосование. Например, не более одного месяца. Иначе получается, что листки заочного голосования по повестке дня можно принимать в течение целого года, поскольку в законодательстве не предусмотрено иное, а это неизбежно влечет за собой затягивание процесса проведения собрания.

Несмотря на то что законодательно установлен крайне сложный порядок проведения общего собрания, процедура обжалования решения такого собрания очень проста. Достаточно того, чтобы один собственник обратился в суд с соответствующим иском, если решение принято с нарушением требований ЖК и данный собственник не принимал участия в этом собрании или голосовал против принятия такого решения и если таким решением нарушены его права и законные интересы (ч. 6 ст. 46 ЖК). Таким образом, управляющие организации сталкиваются с трудностями не только при проведении общего собрания собственников помещений многоквартирного дома, но и на этапе последующего отстаивания в суде принятого таким собранием решения, поскольку риск его обжалования есть всегда.

Так, несколько собственников помещений многоквартирного дома обратились в суд с иском о признании недействительным решения общего собрания, на котором способом управления была выбрана управляющая организация (протокол заочного голосования от 22.05.2008). Суд, выслушав объяснения явившихся в суд лиц,

Е.Б. Воронцова

изучив материалы дела, пришел к выводу о необходимости удовлетворения иска.

В суде было установлено, что какое-либо предварительное оповещение жильцов дома (сообщение) о проведении общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме в письменной форме по вопросам, поставленным на голосование, с указанием срока начала и окончания такого голосования, не проводилось. При этом показания свидетелей суд отверг, так как с их слов, они «где-то в конце марта 2008 года» наблюдали на доске информации «какое-то объявление», но не помнят его содержание.

В п. 2 ч. 3 ст. 47 установлено, что при проведении заочного голосования в письменных решениях собственников обязательно должны быть указаны, кроме прочего, сведения о лице, участвующем в голосовании, и сведения о документе, подтверждающем право собственности лица, участвующего в голосовании, на помещение в соответствующем многоквартирном доме.

Однако в соответствии с изученными доказательствами в суде было установлено, что некоторые решения собственников, согласно которым подсчитывались голоса, были заполнены с нарушениями указанных норм закона:

не указаны «сведения о лице, участвующем в голосовании» с помощью которого можно отличить каждого проголосовавшего от иных лиц (фамилия, имя, отчество, дата рождения);

не указаны «сведения о документе, подтверждающем право собственности лица, участвующего в голосовании, на помещение в соответствующем многоквартирном доме»;

не указана общая площадь помещения, право собственности на которое имеет лицо, участвовавшее в голосовании и т. д.

Суд также установил, что если управляющая организация выбирается на общем собрании собственников помещений многоквартирного дома, как это пытались сделать ответчики в оспариваемом случае, то в решении такого собрания, а значит, в поставленных на голосование вопросах и решениях собственников соответственно должны быть указаны условия договора управления многоквартирным домом (ч. 1 ст. 162 ЖК РФ), чего в рассматриваемом случае сделано не было.

В итоге суд решил исковое заявление удовлетворить, признать решение собственников помещений многоквартирного дома (протокол заочного голосования от 22.05.2008) недействительным.

Судом кассационной инстанции данное решение было оставлено в силе³.

Интересно отметить, что некоторое время спустя в этом же многоквартирном доме было проведено еще одно общее собрание в

форме заочного голосования с повесткой дня о выборе ТСЖ в качестве способа управления домом. В свою очередь, сторонники управляющей организации и противники ТСЖ обратились в суд с иском о признании данного решения недействительным. Суд удовлетворил иск и признал решение недействительным приблизительно по тем же основаниям, которые были указаны в приведенном выше решении суда о признании недействительным решения по выбору управляющей организации.

В данном случае речь идет о многоквартирном доме с большим количеством собственников, общая площадь которого превышает 20000 м кв., а число квартир более 350. Представляется, что в таких домах проведение общих собраний еще гораздо более затруднительно, чем в домах с небольшим количеством собственников.

Получается, что законодатель, с одной стороны, наделил жильцов правом самостоятельно выбирать способ управления домом (и это несомненный плюс), но, с другой стороны, предусмотрел весьма сложную процедуру реализации этого права, в которой, во-первых, существует много неясностей (необходимо активное разъяснение гражданам нового жилищного законодательства), а во-вторых, собственники практически не могут своими силами проводить собрания, поскольку для этого требуются серьезные материальные и временные затраты.

В ряде случаев управляющая организация может быть не только выбрана на общем собрании собственников, но и назначена органом местного самоуправления по результатам открытого конкурса. Так, Жилищный кодекс предусматривает следующие случаи проведения конкурса.

1. Управление многоквартирным домом, все помещения в котором находятся в собственности Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования, осуществляется путем заключения договора управления данным домом с управляющей организацией, выбираемой по результатам открытого конкурса или, если такой конкурс в соответствии с законодательством признан несостоявшимся, без проведения такого конкурса (ч. 2 ст. 163 ЖК).

2. Орган местного самоуправления в порядке, установленном уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, проводит открытый конкурс по отбору управляющей организации, если в течение года до дня проведения указанного конкурса собственниками помещений в многоквартирном доме не выбран способ управления этим домом или если принятое решение о выборе способа управления этим домом не было реализовано. Открытый конкурс проводится также в

Е.Б. Воронцова

случае, если до окончания срока действия договора управления многоквартирным домом, заключенного по результатам открытого конкурса, не выбран способ управления этим домом или если принятое решение о выборе способа управления этим домом не было реализовано (ч. 4 ст. 161 ГК).

В процессе применения данной нормы законодательства возникает ряд вопросов.

Во-первых, что означает формулировка «в течение года до дня проведения указанного конкурса»?

Во-вторых, что подразумевается под «нереализацией» решения о выборе способа управления домом?

В литературе отмечается, что «ч. 4 ст. 161 ЖК РФ не устанавливает, с какого момента течет указанный в ней годичный срок. Очевидно, таким моментом является приемка в эксплуатацию государственной комиссией вновь возведенного многоквартирного дома либо дата окончания осуществления ранее выбранного домовладельцами способа управления многоквартирным домом»⁴.

Однако ч. 1 ст. 18 Федерального закона от 29.12.2004 № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» конкретизирует положения ч. 4 ст. 161 ЖК и устанавливает, что орган местного самоуправления в соответствии с положениями статьи 161 Жилищного кодекса Российской Федерации проводит до 1 мая 2008 г. открытый конкурс по выбору управляющей организации, если собственниками помещений в многоквартирном доме до 1 января 2007 г. не выбран способ управления многоквартирным домом или принятое такими собственниками решение о выборе способа управления многоквартирным домом не было реализовано⁵.

Рассматривая вопрос о «реализации» решения о выборе способа управления многоквартирным домом, необходимо обратиться к Правилам проведения органом местного самоуправления открытого конкурса по отбору управляющей организации для управления многоквартирным домом, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 06.02.2006 № 75⁶, в пп. 2 п. 3 которых сказано, что конкурс проводится, если принятое собственниками помещений в многоквартирном доме решение о выборе способа управления домом не реализовано, в том числе в следующих случаях:

большинство собственников помещений в многоквартирном доме не заключили договоры, предусмотренные статьей 164 Жилищного кодекса Российской Федерации (речь идет о непосредственном управлении многоквартирным домом собственниками помещений);

собственники помещений в многоквартирном доме не направили в уполномоченный федеральный орган исполнительной власти документы, необходимые для государственной регистрации товарищества собственников жилья либо жилищного кооператива или иного специализированного потребительского кооператива (управление через ТСЖ, ЖК или иной специализированный потребительский кооператив);

не заключены договоры управления многоквартирным домом, предусмотренные статьей 162 Жилищного кодекса Российской Федерации (управление через управляющую организацию).

Если толковать вышеприведенную норму закона буквально, получается, что для того, чтобы решение о выборе в качестве способа управления ТСЖ считалось реализованным, достаточно лишь зарегистрировать товарищество в установленном законом порядке. Однако это не является гарантией того, что ТСЖ фактически приступило к выполнению возложенных на него законом обязанностей по управлению домом.

На практике это приводит к вынесению необоснованных судебных решений. В частности, собственники многоквартирного дома обратились в суд с иском к ответчику – администрации города об обязанности провести открытый конкурс по отбору управляющей организации по управлению домом, мотивируя свои требования следующими обстоятельствами. В 2005 г. в данном многоквартирном доме было создано товарищество собственников жилья, однако указанное решение о выборе способа управления домом не было реализовано, поскольку за период с 2005 по 2009 г. ТСЖ не заключило договор с какой-либо управляющей организацией на управление многоквартирным домом, также не заключило договоры с соответствующими организациями на оказание коммунальных услуг либо иные договоры в интересах собственников помещений в жилом доме. ТСЖ не выполняло каких-либо работ по обслуживанию вышеуказанного дома и не предоставляло каких-либо услуг собственникам жилых помещений в доме. Кроме того, с момента приемки дома в эксплуатацию на протяжении 5 лет управление многоквартирным домом осуществляется другой организацией, у которой имеются действующие договоры с ресурсоснабжающими организациями и которая несет все расходы по содержанию дома. Регистрация ТСЖ в качестве юридического лица не является доказательством его фактической деятельности по управлению домом.

Однако суд отверг доводы истцов о том, что решение о выборе способа управления домом в виде ТСЖ не реализовано, мотивируя это тем, что из смысла ст. 161 ЖК РФ следует, что реализацией выбранного собственниками помещений способа управления домом в

Е.Б. Воронцова

данном случае является создание ТСЖ и регистрация его в установленном законом порядке. Учитывая изложенное, суд пришел к выводу об отказе в удовлетворении исковых требований, поскольку они не основаны на законе⁷.

Таким образом, несовершенство жилищного законодательства создает проблемы в процессе его применения для судов, органов местного самоуправления, товариществ собственников жилья, управляющих организаций, а в конечном итоге – для собственников жилых помещений. Это касается как процедуры проведения общих собраний собственников помещений многоквартирных домов, так и порядка проведения открытых конкурсов по отбору управляющих организаций. Представляется, что практика применения нового жилищного законодательства выявит его пробелы и недостатки и потребует внесения необходимых изменений и дополнений как в сам Жилищный кодекс, так и в непосредственно связанные с ним законы и подзаконные акты.

Примечания

- ¹ Дроздов И.А. К вопросу о передаче многоквартирных домов в управление // Закон. 2007. № 6.
- ² Стрембелев С.В. О некоторых особенностях структуры договорных отношений при управлении многоквартирным домом // Закон. 2006. № 8.
- ³ Решение Лыткаринского городского суда Московской области от 22.12.2008 по делу № 2–1096/08.
- ⁴ Дроздов И.А. Указ. соч.
- ⁵ Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 15.
- ⁶ Российская газета. 2006. № 37. 22 февраля.
- ⁷ Решение Лыткаринского городского суда Московской области от 15.12.2009 по делу № 2–1050/09.

Е.В. Матвеева

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЗАЩИТЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Статья посвящена проблеме защиты несовершеннолетних от информационной продукции, причиняющей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию. Также рассматривается необходимость формирования законодательной базы в данной сфере.

Ключевые слова: культ насилия и жестокости, возрастная классификация, правовое регулирование, международный уровень.

Интенсивное развитие в современный период информационной инфраструктуры государств-участников СНГ, расширение технических возможностей современных телекоммуникационных систем, включая сеть Интернет, внедрение цифрового вещания, мобильной и иных видов электронной связи, обеспечение их совместимости и взаимной ассимиляции создают предпосылки для широкого распространения злоупотреблений свободой слова и массовой информацией. Этому способствует отсутствие в виртуальном пространстве территориальных границ, расширение аудитории пользователей систем электронной и сотовой связи, анонимность размещения в них вредной для детей информации.

Отсутствие федерального закона не позволяет надежно защитить детей от вредной для них информационной продукции, в том числе от пропаганды суицидального, аморального, криминального поведения, аборт, демонстрации жестокости и насилия, от разрушительной для детской психики информации, распространяемой посредством электронных игр и телекоммуникационных сетей.

Культ жестокости, насилия, порнографии, пропагандируемый в СМИ, печатных изданиях неограниченной продажи, в компьютер-

Е.В. Матвеева

ных играх, ведет к неосознанному желанию подростков и молодежи подражать этому, способствует закреплению таких стереотипов поведения в их собственных привычках и образе жизни, снижает уровень пороговых ограничений и правовых запретов, что наряду с другими условиями открывает для многих из них путь к правонарушениям.

В 1972 г. психологи Р. Либерт и Р. Бэрн в результате эксперимента выявили сильное влияние на юных зрителей фильмов, в которых они находят подходящие для себя модели поведения. Несколько детей посмотрели эпизоды из телевизионной программы, в которой показывались люди, намеренно причинявшие друг другу вред. Было отмечено, что после просмотра эти дети вели себя более агрессивно по отношению к окружающим, чем дети, которые смотрели нейтральную телевизионную программу (скачки). Исследователи сделали следующий вывод: когда дети видят, как люди на экране ведут себя агрессивно, они сами начинают проявлять агрессивность. В эксперименте принимали участие дети из разных возрастных групп (5–6-летние и 8–9-летние), как девочки, так и мальчики, и все они реагировали на сцены насилия практически одинаково¹.

Наличие связи криминального поведения подростков с негативным влиянием на них средств массовой информации признано и на международном уровне. Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (1990 г.) ориентируют государства на сведение «к минимуму показа материалов, связанных с порнографией, наркотиками и насилием».

В сфере обеспечения информационной безопасности детей законодательство большинства государств-участников СНГ серьезно отстает от законодательства ведущих стран мира (США, Канады, Германии, Великобритании, Нидерландов, Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии, Австрии, Франции, Италии, Японии и др.). В законодательстве этих стран предусмотрены ограничения и запреты на распространение среди детей и подростков информации, разрушающей их нравственность и нарушающей их благополучие, проведение экспертизы информационной продукции, способной нанести вред здоровью и развитию детей; осуществляется возрастная классификация такой продукции; установлен временной водораздел в трансляции детских и взрослых передач; созданы специальные контрольно-надзорные органы по защите детей от информации, наносящей вред; действуют строгие меры ответственности за незаконный оборот информационной продукции среди несовершеннолетних, вплоть до уголовной.

В Германии с 1951 г. действует Закон о правовой защите молодежи в общественных местах, с 1953 г. – Закон о распространении материалов, вредных для молодежи, с 1997 г. – Закон об информационных и коммуникационных услугах, содержащий нормы о защите нравственности и здоровья детей; в 1954 г. создано Федеральное ведомство по проверке материалов, вредных для молодежи, в полномочия которого входит ведение списка материалов (включая СМИ, книги, видеофильмы и компьютерные игры), вредных для молодежи и запрещенных для оборота.

В соответствии с законами Великобритании о видеозаписи 1984 г. и о кинематографии 1985 г. Британским комитетом классификации фильмов осуществляется возрастная классификация кино- и видеофильмов, которая учитывается при их демонстрации на телеканалах, в кинотеатрах, при распространении путем продажи или почтовой рассылки. Запрещено распространение среди детей информации, демонстрирующей преступное поведение, использование наркотиков, жестокие поведение или происшествие, сексуальные действия людей, а также поведение или происшествие, наводящие ужас.

Согласно рекомендациям Совета Европы законодательство многих зарубежных стран предусматривает уголовную ответственность за распространение среди детей вредной для их психики и нравственного развития информации: УК ФРГ – за подстрекательство к противоправным деяниям, а также за показ актов насилия и демонстрацию жестокости и бесчеловечности способом, ущемляющим человеческое достоинство; УК Голландии – за демонстрацию изображений или предметов, показ которых должен считаться вредным для лиц до 16 лет; УК Швейцарии – за пропаганду насилия, выставление безнравственных изображений или сочинений; УК Швеции – за незаконное изображение насилия, а также распространение среди детей или молодежи литературы, изображений или технических записей, которые могут привести к грубости или жестокости или иным образом создать серьезную опасность для морального воспитания молодежи; УК Дании – за продажу непристойных изображений или предметов; УК Испании – за распространение информации, пропагандирующей насилие, и иной негативной информации.

В Литве, Латвии, Армении, Украине также действуют законы, защищающие детей от вредного информационного воздействия: они ограничивают оборот информации, которая может повредить физическому, психическому или нравственному развитию несовершеннолетних; устанавливают возрастные категории фильмов и обозначающие их знаки; вводят реестры фильмов и печатной про-

Е.В. Матвеева

дукции, оказывающих вредное влияние на детей; запрещают использование их образов в продукции эротического характера, а также при проведении зрелищных мероприятий сексуального характера; устанавливают ограничения по времени трансляции опасной информации, порядок ее анонсирования и маркировки и заблаговременного предупреждения о ее содержании.

В 14 субъектах Российской Федерации приняты нормативные правовые акты, направленные на защиту общественной нравственности, охрану интересов детей в сфере оборота информации. В Республике Алтай, Краснодарском крае, Тюменской и Камчатской областях действуют специальные законы о защите нравственности и здоровья детей. Однако отдельные законодательные акты не обеспечивают государственных гарантий информационной безопасности детства на всей территории России.

В то же время в большинстве государств – участников СНГ регулирование вопросов информационной безопасности несовершеннолетних осуществляется фрагментарно, на уровне не согласованных между собой нормативных правовых актов, имеющих преимущественно подзаконный, ведомственный характер. Предусмотренные ими ограничения и запреты на допуск несовершеннолетних к вредной для их здоровья и развития информации не всегда охватывают наиболее опасные для детей виды информационной продукции, в том числе распространяемой посредством информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования мобильной (сотовой связи), компьютерных и иных электронных игр, цифрового вещания.

В России неоднократные попытки законодателей урегулировать отношения в этой области пока не имеют успеха. Проект Федерального закона «О Высшем Совете по этике и нравственности в области кинематографии и телерадиовещания в Российской Федерации» так и не был принят. Федеральный закон «О государственной защите нравственности и здоровья граждан и об усилении контроля над оборотом продукции сексуального характера» отклонен Президентом РФ (письмо Президента РФ от 10 мая 1999 г. № Пр-603).

В 2001 г. в НИИ Генеральной прокуратуры России была создана межведомственная рабочая группа ученых и специалистов по разработке законопроекта о защите от вредной информации детей, их здоровья и развития.

Концепция законопроекта была одобрена на заседании Комитета Государственной думы Федерального собрания РФ по делам женщин, семьи и молодежи 10 марта 2005 г. Однако там в силу разных причин он затем и «застрял» на два с половиной года. Хотя за необходимость внесения и рассмотрение Государственной думой

данного законопроекта в этот период высказались Общественная палата Российской Федерации, Московская городская дума, в ряде субъектов РФ были приняты свои региональные законы по этим вопросам, но ушедшая уже в историю предыдущая Государственная дума так и не сумела рассмотреть этот законопроект.

В настоящее время регулирование охраны и защиты прав детей в информационной сфере на федеральном уровне осуществляется не согласованными между собой правовыми актами и не охватывает всех видов информационной продукции. Деятельность многочисленных общественных организаций, в том числе родительских комитетов, по защите детей от такого воздействия, большое количество обращений граждан в органы государственной власти с просьбами о проверке фактов и защите населения от влияния вредной информационной продукции на их психику – все это указывает на отставание законодательства от практики общественных отношений в этой сфере.

Только за первое полугодие 2004 г. прокуратурой г. Москвы в ходе проверки исполнения законодательства, направленного на защиту детей от распространения информации, наносящей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию, по фактам грубейших нарушений законности возбуждено 46 уголовных дел и 18 дел об административном производстве, в адрес государственных органов и должностных лиц внесено 74 представления.

Проведенное в первом полугодии 2006 г. Генеральной прокуратурой Российской Федерации в 17 субъектах Российской Федерации обобщение практики противодействия преступлениям против несовершеннолетних с использованием новых информационных технологий, включая Интернет, показало, что отсутствие достаточных правовых гарантий защиты детей от деструктивной информационной продукции создает предпосылки нарастания процессов нравственного кризиса и криминализации несовершеннолетних, их вовлечения в преступную деятельность либо использования в качестве объектов коммерческой сексуальной эксплуатации и источников извлечения нелегальной прибыли.

Ученые и специалисты заявляют в один голос: средства скрытого информационно-психологического воздействия, которыми являются продукция средств массовой информации, печатная, кино-, видео-, фоно-, фото- и иная аудиовизуальная продукция, электронные игры и программы, а также информация, распространяемая посредством публичных зрелищных мероприятий и в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования (включая Интернет и телефонную мобильную (сотовую) связь) и другие, – реальность XXI в.². Уже существующие и апробированные средст-

Е.В. Матвеева

ва и методы психофизического воздействия являются угрозой безопасности человечества. Однако, как образно выразился один ученый, «ящик психофизической Пандоры» только приоткрывается³. Взяв за основу существующие темпы научно-технического прогресса и колоссальные объемы финансирования исследований в области психофизического воздействия во многих странах, можно предположить, что уже через несколько десятков лет могут быть созданы такие средства психического порабощения людей, существование которых сделает самые мрачные антиутопии «благоприятными сценариями развития будущего».

В связи с этим защита личности и общества от скрытого психофизического воздействия становится одной из наиболее актуальных проблем в сфере информационной безопасности в XXI в. К сожалению, это осознано далеко не всеми.

Примечания

¹ Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 2001. С. 352.

² Прокофьев В.Ф. Опасно! Объект атаки - психика и сознание человека [Электронный ресурс] // Официальный сайт Политико-правового журнала «Президент. Парламент. Правительство». [М., 2007]. URL: <http://p-p.ru/?page=J&year=2007&number=1&article=26> (дата обращения: 16.02.2010).

³ Там же.

Персоналии

В.Н. Белоновский

СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ МУРОМЦЕВ – ЮРИСТ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Сергей Андреевич Муромцев (1850–1910) – известный юрист, исследователь, публицист и политический деятель – родился в Санкт-Петербурге в старинной дворянской семье. Он начал учебу в 3-й московской гимназии, в 1871 г. окончил юридический факультет Московского университета. Продолжая обучение за границей и слушая в Геттингене лекции знаменитого Р. Иеринга, он становится его верным последователем.

В 1875 г. С.А. Муромцев блестяще защищает магистерскую диссертацию «О консерватизме в римской юриспруденции», и его в качестве преемника выдающегося юриста Н.И. Крылова избирают доцентом кафедры римского права. По получении докторской степени в 1877 г. (за диссертацию «Очерки общей теории гражданского права», 1876 г.) С.А. Муромцев становится профессором той же кафедры, работая на которой, проявляет себя оригинальным мыслителем и блестящим лектором. Абсолютно заслуженно с этого времени его имя фигурирует на одном из первых мест юридического факультета МГУ, рядом с А.И. Чупровым и М.М. Ковалевским.

Совет Московского университета выдвигает в 1880 г. С.А. Муромцева проректором Московского университета. В тот же год он избирается председателем Юридического общества при университете (в 1899 г. оно было закрыто). В должность проректора С.А. Муромцев вступил в самый разгар студенческих волнений, поэтому он старается умиротворить волнуемую молодежь, энергично выступая ее защитником перед Советом университета.

В 1884 г. «вследствие сообщенных Министру народного просвещения Министерством внутренних дел сведений о политической неблагонадежности», Муромцев С.А. был лишен кафедры. В результате отстранения от учебной работы он начинает активно за-

В.Н. Белоновский

ниматься адвокатской практикой и вступает в присяжные поверенные Московской судебной палаты. С этого времени его имя звучит среди видных адвокатов эпохи.

В период с 1879 по 1892 г. Муромцев является редактором журнала «Юридический вестник», в котором публикует теоретически глубокие и публицистически яркие статьи с требованиями конституционных реформ.

С 1897 г. С.А. Муромцев – гласный Московской городской думы, участник многих земских и городских съездов 1904–1905 гг. В это время он становится одним из основателей и лидеров Конституционно-демократической (кадетской) партии России, а с октября 1905 г. – член ее Центрального комитета. С.А. Муромцев участвует в составлении проекта «Основного закона Российской империи», а также ряда законопроектов о свободах и правах граждан.

В 1906 г. С.А. Муромцев избирается в члены Первой Государственной думы от города Москвы и практически единогласно по результатам голосования (426 записок «за» из 436) становится ее председателем. В качестве председателя представительного органа России он производит на современников впечатление величественной и авторитетной фигуры, политического лидера, оставившего заметный след в истории русского парламентаризма. Несмотря на непродолжительность работы первой российской Думы, Муромцев успел установить прочный порядок и последовательную процедуру думских заседаний. После роспуска Думы С.А. Муромцев вместе с большинством ее членов отправляется в Выборг, где, председательствуя на совещаниях 9–10 июля 1906 г., подписывает известное «Выборгское воззвание», протестующее против роспуска Государственной думы. За это вместе с единомышленниками он был привлечен к суду, который лишил его политических прав и приговорил к трехмесячному тюремному заключению. Наказание он отбывает в Москве в 1908 г. Лишенный вследствие этого приговора права избираться в Государственную думу, земские и городские учреждения, исключенный также особым приговором тульского дворянства из его среды, С.А. Муромцев в последние годы своей жизни уже не может участвовать в широкой политической и общественной деятельности.

Однако он не потерял силы духа и бодрости после этих жизненных ударов и мобилизовал всю силу своего таланта для публицистической деятельности. Даже в год своей смерти (1910 г.) он успел напечатать ряд замечательных статей и произнес несколько ярких речей на общественно злободневные темы. Впоследствии публицистические статьи и речи С.А. Муромцева были изданы в пяти вы-

пусках под общим заглавием «Статьи и речи» (М., 1908–1910), которые им самим были отредактированы и подготовлены к печати.

В Первой Государственной думе С.А. Муромцев возглавлял Комиссию по выработке проектов устава, организации и деятельности первого Московского городского народного университета (будущего университета им. А.Л. Шанявского) и возглавил общество по сбору необходимых средств. По личному распоряжению А.Л. Шанявского он был назначен пожизненным членом попечительского совета создаваемого университета. С момента открытия в 1908 г. университета и до своей кончины в 1910 г. С.А. Муромцев являлся профессором и первым ректором (председателем) университета А.Л. Шанявского. В университете в октябре 1908 г. им была прочитана первая лекция по юриспруденции, впоследствии он читает курсы по римскому и гражданскому праву, истории римского и гражданского права, общей теории права, государственному (конституционному) праву.

Перу С.А. Муромцева принадлежат широко известные монографии, ставшие результатом его научных исследований: «О консерватизме римской юриспруденции» (М., 1875), «Очерки общей теории гражданского права» (М., 1878), «Гражданское право древнего Рима» (М., 1883), «Рецепция римского права на Западе» (М., 1885) и др.

С.А. Муромцев был юристом гуманистического направления, он верил в мощь человеческой личности, человеческого разума и сознания, добрую совесть человечества как могучий двигатель развития не только римского, но и современного права, он верил в справедливость как самостоятельную и созидательную силу. Будучи юристом-политиком, Сергей Андреевич являлся убежденным защитником тесной связи права и жизни, отстаивал мысль о долге юриста быть носителем лучших культурных идеалов времени, творческим деятелем в отправлении правосудия. Залог такой деятельности он видел в более свободном, чем допускала теория, положении судьи по отношению к закону, а также участии присяжных в гражданском и уголовном судопроизводствах.

Эти идеи им были изложены в специальных статьях: «Суд и закон в гражданском праве» (Юридический вестник, 1880, № 11), «Творческая сила юриспруденции» (Ш.б., 1887, № 9), «Право и справедливость» (Сборник правоведения, II). Неоконченными, к сожалению, остались оригинально задуманные «Социологические очерки» («Русская мысль». М., 1889).

Умер С.А. Муромцев в октябре 1910 г. и был похоронен в Москве на кладбище Донского монастыря. По свидетельству современников, его похороны собрали виднейших представителей юридиче-

В.Н. Белоновский

ской науки, политических партий, либерально-демократической интеллигенции России, которые вылились в многолюдную политическую манифестацию.

Памяти выдающегося юриста и ученого посвятили статьи его современники: В.М. Нечаев (С.А. Муромцев как ученый и профессор. СПб., 1910), А.И. Каминки, М.М. Ковалевский (статьи-некрологи в журнале «Право» за 1910 г.). Его парламентская и научная деятельность получила отражение в «Стенографических отчетах Первой Государственной думы», сборнике статей «Первая Государственная дума» (СПб., 1906), сборнике «Сергей Андреевич Муромцев» (под ред. кн. Д.И. Шаховского, М., 1911; в этом же издании приведен и полный список его работ), сборнике «Венок на могилу С.А. Муромцева» (М., 1910) и др.

В 1912 г. при открытии нового здания Городского народного университета им. А.Л. Шанявского, построенного на Миусской площади (г. Москва), в память о выдающемся юристе и его заслугах в создании и руководстве первым вольным общедоступным народным университетом одной из аудиторий было присвоено имя С.А. Муромцева. В 2010 г. по предложению профессорско-преподавательского состава юридического факультета ИЭУП РГГУ ежегодно проводимой международной научно-практической конференции приказом ректора РГГУ Е.И. Пивовара был придан статус Муромцевских чтений.

Л.П. Муромцева

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С.А. МУРОМЦЕВА

На протяжении многих десятилетий либералы боролись за созыв общероссийского выборного собрания народных представителей. Впервые идею создания в России представительного учреждения под названием «Государственная дума» изложил еще выдающийся реформатор М.М. Сперанский в своем проекте преобразований «Введение к уложению государственных законов» (1809)¹. Осуществить эту идею удалось лишь через 100 лет. В критической для российского самодержавия ситуации – в разгар революции 1905–1907 гг., столкнувшись с необходимостью легитимации собственного режима, верховная власть решилась на частичную модернизацию государственного устройства империи. В 1905 г. в ответ на активные революционные действия народных масс и требования либеральной общественности Николай II пошел на уступки, издав 17 октября Манифест, который устанавливал новый порядок производства законодательства и сообщал о воле государя: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов... привлечь теперь же к участию в Думе... те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку, и установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей». За Манифестом последовал именной указ Сенату от 11 декабря 1905 г. «Об изменении Положения о выборах в Государственную думу»².

© Муромцева Л.П., 2010

Л.П. Муромцева

Еще продолжалась революция, а в Петербург в конце апреля 1906 г. начали съезжаться со всех концов Российской империи народные избранники. Всего в Думу было избрано около 500 человек. На торжественном открытии I Государственной думы, состоявшемся 27 апреля (по старому стилю) в Георгиевском тронном зале Зимнего дворца, с краткой приветственной речью выступил император Николай II, после чего депутаты на пароходе отправились по Неве в Таврический дворец на свое первое деловое заседание. По пути их встречали восторженными возгласами толпы петербуржцев, скандировавших «Амнистия!» и ждавших от народных избранников демократических перемен в жизни страны. Относительное большинство мест (свыше одной трети) на выборах в Думу завоевали конституционные демократы, заранее согласовавшие на своем партийном съезде кандидатуру ее председателя – Сергея Андреевича Муромцева, известного ученого-юриста, адвоката, либерального общественного деятеля. Его кандидатура получила одобрение и думских депутатов, представлявших другие политические партии, и беспартийных парламентариев и при голосовании прошла почти единогласно. В тот памятный день Сергей Андреевич обратился к депутатам с такими словами: «Кланяюсь Государственной думе... Совершается великое дело, воля народа получает свое выражение в форме правильного, постоянно действующего, на неотъемлемых законах основанного, законодательного учреждения. Великое дело налагает на нас и великий подвиг, призывает к великому труду. Пожелаем друг другу и самим себе, чтобы у всех нас достало сил для того, чтобы вынести его на своих плечах на благо избравшего нас народа, на благо Родины»³. Избрание председателем I Государственной думы стало венцом жизненного пути С.А. Муромцева, его многолетнего служения обществу.

Родился Сергей Андреевич 23 сентября 1850 г. в Петербурге, на Фонтанке, в казармах лейб-гвардии Московского полка, в котором служил офицером его отец Андрей Алексеевич. Происходил он из старинного дворянского рода, корни которого сам Сергей Андреевич проследил до XVI в. Все Муромцевы по мужской линии были военными, принимали участие во взятии Казани, в разгроме польской интервенции в начале XVII в., в Отечественной войне 1812 г. Вопреки семейной традиции Сергея Муромцева совсем не привлекала перспектива военной службы. Он избрал для себя научное, а затем политическое поприще. К этой деятельности он готовился с юных лет.

В его детской памяти запечатлелись рассказы деда по матери о заграничном походе русской армии в 1813–1814 гг. и обсуждавшиеся взрослыми газетные публикации о походах Джузеппе Гарибаль-

ди. В душу мальчика глубоко запали и беседы с дядей Семеном Алексеевичем Муромцевым, убежденным либералом. Переписка с ним продолжалась и в юношеские, и в зрелые годы. Гораздо позже, став уже профессором-юристом, племянник напишет ему в 1878 г., приступая к изданию «Юридического вестника»: «Каждый раз, милый дядя, когда мне приходится браться за новое дело и вести его с борьбой против всяких предрассудков, невежества, пошлости, передо мною восстает Ваш образ, служащий мне символом борьбы за правду. С самого детства я привык видеть в Вас человека, который ставил своею жизнью такую борьбу и имел достаточно мужества и перед властью, и перед толпою (которая подчас бывает опаснее власти), чтобы делать свое дело до конца, как следует»⁴.

Особенно запомнились близким Сергея Андреевича его детские игры в «государство». Отличаясь любознательностью и большими способностями, мальчик, прочитав в библиотеке отца «Справочную книгу офицера», содержащую краткие сведения о политическом устройстве зарубежных стран, объявил отцовское имение Лазавку (в Новосильском уезде Тульской губернии) конституционным государством, в котором имелся парламент с верхней и нижней палатами, размещавшимися в двух беседках сада, а резиденция его главы располагалась в господском доме. Сергей сочинил конституцию своего государства, нарисовал карту, разделил на губернии и уезды, составил письменную историю, а чуть позже стал выпускать ежедневную семейную газету. Таким образом, уже в детстве постепенно формировались многие черты характера и будущие интересы Сергея Андреевича.

Благодаря матери, Анне Николаевне, происходившей из дворянского рода Костомаровых, С.А. Муромцев получил хорошее домашнее образование. К сентябрю 1860 г. семья Муромцевых переселилась из тульского имения Лазавка в Москву. Здесь Сергей поступил в гимназию и в 1867 г. окончил ее с золотой медалью⁵.

Становление С.А. Муромцева происходило в годы общественного подъема, вызванного буржуазными реформами 60 – начала 70-х годов XIX в. В Москве в свободные от занятий часы гимназиста можно было увидеть на заседаниях окружного суда, интересовала молодого Муромцева и деятельность Московского губернского земского собрания. Так, задолго до окончания гимназии он вполне осознанно и твердо сделал свой жизненный выбор, считая юриспруденцию и самым подходящим для себя, и весьма нужным людям занятием.

Рано проявившийся интерес к государственному праву привел Сергея Муромцева в 1867 г. на юридический факультет Московского университета. На первых двух курсах его интересовали не

Л.П. Муромцева

только специальные предметы (энциклопедия права, статистика и др.), но и блистательные лекции знаменитого историка Сергея Михайловича Соловьева, способствовавшие укреплению западных настроений будущего первого председателя Государственной думы. Активно участвовал он и в деятельности студенческого кружка, рассматривавшего на своих примерных судебных заседаниях уже решенные уголовные дела, полученные при содействии профессуры из окружного суда. Функции его председателя обычно выполнял Сергей Муромцев, готовивший, правда, себя к научной карьере⁶. Он еще в 1869 г. в записной книжке пророчески наметил ее основные вехи: защита магистерской диссертации через шесть лет, чтение лекций, а затем спустя некоторое время отставка «за распространение либерализма»⁷.

И действительно, в 1871 г. С.А. Муромцев был утвержден Советом Московского университета в степени кандидата права «за отличные успехи», а немногим позже оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию. Для совершенствования образования С.А. Муромцев вместе со своим близким другом князем Л.С. Голицыным в 1873 г. направился в Германию. По пути к главной цели путешествия им довелось побывать в Константинополе, Афинах, ряде городов Италии, Австрии. Один семестр они занимались в Лейпцигском университете, а в Геттингене на Муромцева произвели неизгладимое впечатление лекции профессора Рудольфа фон Иеринга, основоположника социологического направления в европейском правоведении. Под его влиянием еще в 70-е годы XIX столетия, т. е. за полвека до Е. Эрлиха и Р. Паунда, С.А. Муромцев выдвинул, разработал и сформулировал идеи социологического изучения права (с применением функционального и историко-сравнительного методов), предложил понятие права как действующего правопорядка, противопоставил «живое» право «мертвому». С помощью социологической теории права С.А. Муромцев пытался оправдать судебское правотворчество, направленное на эволюционную замену абсолютистского режима либеральным правопорядком⁸.

По возвращении из зарубежной поездки, значительно расширившей его кругозор, Сергей Андреевич защитил в 1875 г. диссертацию «О консерватизме римской юриспруденции», получил степень магистра гражданского права и стал доцентом юридического факультета Московского университета. В 1877 г. последовала успешная защита докторской диссертации «Очерки общей теории гражданского права». Обе диссертации были сразу же опубликованы в виде отдельных монографий. Следующие вехи в его послужном списке – экстраординарный и ординарный профессор кафедр

ры римского права (1878), проректор Московского университета (1880–1881). Одна за другой издавались новые книги С.А. Муромцева: «Определение и основное разделение права» (1879); «Гражданское право Древнего Рима» (1883); «Рецепция римского права на Западе» (1886). Кроме них из-под его пера выходили десятки статей, заметок, рецензий. Всего список печатных работ С.А. Муромцева насчитывает свыше 180 наименований⁹. Наряду с напряженными научными исследованиями Сергей Андреевич постоянно читал в университете лекции и, по отзывам слушателей, был прекрасным оратором.

Бывшие ученики с особой теплотой вспоминали о Муромцеве-педагоге, о его поразительном умении соединять результаты своих научных исследований с материалами университетских лекций. «Труды, выросшие из лекций, – писал В.М. Нечаев, – отличаются... необыкновенной строгостью стиля, последовательной логичной стройностью и выдержанностью, – ведь их положения рассчитаны на то, чтобы научно дисциплинировать мысль слушателя – воздействовать не на его чувства, а лишь на его самостоятельное мышление, на его разум. В этом весь Муромцев как профессор»¹⁰. Нечаев уловил в преподавательской манере профессора-юриста Муромцева черту, которая была свойственна Сергею Андреевичу во всем, что бы он ни делал, – это отсутствие в его лекциях, выступлениях, печатных трудах стремления к дешевым, рассчитанным на исключительно внешний эффект приемам. Это же в Муромцеве отмечал и Г. Шершеневич, подчеркивавший, что на замечания о том, что преподаватель в своих лекциях должен снизить до уровня понимания своих слушателей, Сергей Андреевич неизменно отвечал, что предпочитает поднимать слушателей до своего уровня понимания¹¹.

Прирожденный либерал, сторонник создания в России правового государства, С.А. Муромцев в воспитании правосознания общества придавал большое значение публицистике. «Будущее не должно застать нас врасплох», – часто говорил он. В 1878–1892 гг. Сергей Андреевич возглавлял журнал «Юридический вестник», а с 1880 г. был избран председателем Московского юридического общества, члены которого под его руководством активно занимались подготовкой проектов более совершенных и столь необходимых России законов. Всех их объединяла идея создания на основе реформ правового государства. Вокруг «Юридического вестника» группировались либерально настроенные публицисты и правоведы. На рубеже 70–80-х годов XIX в. в журнале практически ежемесячно публиковались материалы по конституционной тематике, связанные не только с Россией, но и с другими европейскими государ-

Л.П. Муромцева

ствами. В таком же русле действовало и Московское юридическое общество, чья задача в тогдашней обстановке, по словам Муромцева, заключалась «в проведении в публику политических идей, усвоение которых требуется современным общественным состоянием России»¹².

Автором наиболее злободневных политических заметок в «Юридическом вестнике» был его редактор С.А. Муромцев, сблизившийся с выдающимся ученым-социологом, либералом по убеждениям М.М. Ковалевским. В сотрудничестве с единомышленниками – юристами В.Ю. Скалоном и А.И. Чупровым – Сергей Андреевич весной 1880 г. подготовил «Записку о внутреннем состоянии России» и передал ее получившему от Александра II весьма широкие полномочия графу М.Т. Лорис-Меликову, на которого либералы первоначально возлагали большие надежды, требуя созыва общероссийского земского представительства и гарантий демократических свобод. Они прямо призывали верховную власть привлечь общественные круги к более широкому участию в государственной жизни, создав из представителей земств «особое самостоятельное совещание» с законосовещательными функциями¹³. Рукописные копии «Записки» распространялись в либеральной среде, где она получила большой резонанс. Опубликовать ее в России тогда не удалось из-за запрета цензуры, потребовавшей вырезать крамольный текст из апрельского номера «Вестника Европы» за 1881 г. Но в том же году в Берлине вышло ее заграничное издание под названием «В первые дни министерства гр. Лорис-Меликова». Содержавшиеся в «Записке» идеи частично использовались при составлении так называемой Конституции М.Т. Лорис-Меликова – проекта ограниченных реформ, представленного императору Александру II накануне 1 марта 1881 г. Впрочем, к тому моменту один из авторов «Записки», С.А. Муромцев, уже успел разочароваться в Лорис-Меликове, видя в его деятельности как министра внутренних дел «много хорошего», но «ни одной решительной меры», а главное – отсутствие хорошо продуманного и последовательного плана действий¹⁴.

Политический климат России между тем постепенно менялся. Как известно, после убийства 1 марта 1881 г. народовольцами императора Александра II реакция перешла в наступление. С принятием реакционного университетского устава 1884 г. участь либерально настроенных профессоров была решена. С.А. Муромцев вместе с другими профессорами был уволен из университета «за распространение либерализма» и «политическую неблагонадежность». Таким образом, еще раз подтвердилась истина: либерализм в России безнаказанным не остается.

Оторванный от университетской среды, С.А. Муромцев сосредоточил свою деятельность в области практической юриспруденции. Огромная эрудиция, честность и принципиальность создали ему блестящую репутацию адвоката.

Вот какую характеристику Муромцеву как адвокату дал его коллега И.А. Кистяковский: «Русская адвокатура знает много талантов, богатых житейским красноречием, но в смысле того юридического красноречия, где слово – чекан, С. А. остается недостижимым образцом. Это не красноречие внешнего и широкого успеха, оно не трогает чувства, но нужна великая дисциплина ума, дабы явиться носителем именно этого красноречия»¹⁵.

Будучи честным и нравственно щепетильным человеком, Муромцев всегда тщательно изучал материалы дела, и если у него появлялось сомнение в достоверности какого-либо из документов, он обычно отказывался от защиты, хотя ему и предлагалось крупное вознаграждение.

Глубоко зная гражданское право и умело применяя его нормы на практике, Сергей Андреевич и в своей адвокатской деятельности оставался прежде всего ученым, стремившимся в выступлениях на судебных процессах развивать нормы действующего права, дать их исчерпывающее толкование. Такой подход к выполнению функций защитника, конечно, отнимал у С.А. Муромцева не только немало времени, но и сил и здоровья. Как вспоминал известный деятель кадетской партии и адвокат М.М. Винавер, который не раз вел вместе с ним судебные дела, они проводили «много дней, а подчас и ночей, в общей умственной работе»¹⁶. Защита прав личности от произвола – вот что стояло на первом плане перед Муромцевым-адвокатом, вот для чего не жалел он своих сил.

Наряду с адвокатской деятельностью Сергей Андреевич продолжал активно заниматься публицистикой: до 1892 г. редактировал «Юридический вестник», сотрудничал с газетами «Порядок», «Русские ведомости», «Судебной газетой», журналами «Вестник Европы», «Русская мысль», «Северный вестник» и другими изданиями, обосновывая на страницах прессы необходимость тесного взаимодействия власти и общества, ратуя за расширение сферы использования суда присяжных, за применение его в гражданском процессе¹⁷.

После увольнения и вплоть до восстановления в должности профессора Московского университета (июнь 1906 г.) Муромцеву лишь эпизодически доводилось заниматься преподавательской работой, читая лекции в Александровском лицее в Петербурге и в Русской высшей школе общественных наук в Париже.

На протяжении многих лет Сергей Андреевич активно участвовал в земском движении: не раз в 80–90-е годы XIX в. избирался глас-

Л.П. Муромцева

ным Московского губернского и уездного земств. Не смог он отказаться и от участия в выборах в гласные Новосильского уездного и Тульского губернского земских собраний. Муромцев заслужил репутацию радикала и в качестве гласного Московской городской думы (1881–1884, 1889–1893, 1897–1908). Сохранились свидетельства о его работе в Московском комитете грамотности и комиссии по народному образованию¹⁸. Не жалея сил, он, будучи гласным Думы, немало потрудился над разработкой ее постановлений по многим вопросам жизни крупнейшего города. Особый интерес у него вызывали проблемы создания юридической базы органов городского самоуправления, соотношения между местным и общероссийским законодательством. Занимался он решением и чисто хозяйственных вопросов: обсуждением отчета о строительстве Александровских казарм, рассмотрением проектов создания окрестной железной дороги, упорядочения Цветного бульвара, газового освещения Москвы. Особенно в первый период своей думской работы, в 1881–1884 гг., ему нередко приходилось выступать в качестве наиболее квалифицированного юридического эксперта по правовым вопросам работы Московской думы, ее гласных и председателя. Позднее, воздавая дань памяти Сергею Андреевичу, городская дума учредила премию и стипендию его имени при юридическом факультете Московского университета и поместила портрет одного из самых известных своих гласных в зале заседаний.

Пик плодотворнейшей деятельности С.А. Муромцева пришелся на конец 1904–1906 г.: начиная с ноября 1904 г. он – активный участник всех земских съездов, соавтор важнейших программных документов либералов.

Вскоре наступило Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. В стране грянула революция, ознаменовавшаяся не только выступлениями рабочих и крестьян. Невиданного ранее подъема достигло либеральное движение. В это время Сергей Андреевич Муромцев словно переживал вторую молодость. Не жалея сил, захватывая нередко ночные часы, он подолгу сидел над текстами столь нужных стране проектов законов, оттачивая до блеска их формулировки. И по праву проект конституции, представленный на рассмотрение земского съезда в июле 1905 г., именуется муромцевским. Этот документ стал теоретической основой последующего конституционного движения в России¹⁹. Высшими ценностями для Муромцева и других русских конституционалистов являлись права личности и законность. Все преобразования в России должны были (и в этом состояла его твердая убежденность) осуществляться исключительно правовым путем.

Конституционная модель Муромцева была призвана не столько заменить существующие законы, сколько постепенно наполнить их новым содержанием. Муромцев, как и многие другие либералы, считал наиболее целесообразным введение в России конституционного строя с помощью ряда реформ сверху, последовательно осуществляемых самой монархической властью.

«Проект изложен таким образом, – писал С.А. Муромцев, – что мог бы быть включен в Свод законов взамен ныне действующих статей 47–81 первой части первого тома, не затрагивая непосредственно остальных отделов ни первой, ни второй части первого тома Свода и предоставляя уже дальнейшему ходу законодательства дать то или другое выражение влиянию новых начал на старые части законодательства»²⁰.

Впервые проект конституции был опубликован 6 июля 1905 г. в газете «Русские ведомости». Он состоял из шести разделов и 113 статей, представляя собой достаточно сжатый и четко сформулированный документ²¹. В проекте Основного и Избирательного законов уже в первых статьях первого раздела провозглашалось, что «Империя Российская управляется на твердых основаниях законов», проекты которых «исходят от Императорской власти или от Государственной думы и не иначе получают силу закона, как по одобрении Государственной думы и по утверждении Императором за собственным Его Величества подписанием»²². Особое значение имело и декларировавшееся равенство всех российских граждан перед законом, «не взирая на различия их племенного происхождения, веры или сословного положения»²³. Проект был направлен на введение в стране всеобщего равного избирательного права, последовательным сторонником которого являлся С.А. Муромцев, широко использовавший при его разработке тексты европейских конституций и избирательных законов. Можно, таким образом, считать, что проект Муромцева на определенном этапе создавал основу и возможность исторического компромисса конституционно-либерального движения и монархического правительства, объединения их усилий по преодолению революционного кризиса. Возможность эта оказалась тогда нереализованной²⁴.

С 12 по 18 октября 1905 г. в Москве в разгар Всероссийской политической стачки проходили заседания первого учредительного съезда партии конституционных демократов. С.А. Муромцева, принявшего деятельное участие в его подготовке, избрали в состав Центрального комитета, а в апреле 1906 г. он прошел в I Государственную думу от кадетов по Москве²⁵. С избранием в депутаты Думы С.А. Муромцев становился и потенциальным кандидатом от партии на пост ее спикера.

Л.П. Муромцева

Известный как талантливый председатель еще с 80-х годов XIX в., времен расцвета Московского юридического общества, блестяще зарекомендовавший себя в 1904–1905 гг. на земско-городских съездах, Муромцев, по мнению многих современников, был лучшей кандидатурой на этот пост. К его известности как председателя добавлялось еще и профессиональное знание парламентских порядков европейских стран, безупречный нравственный авторитет как политика «чистых рук».

Избранный 27 апреля 1906 г. на высокий и ответственный пост председателя I Государственной думы, к которому он готовился всю предшествующую жизнь, Сергей Андреевич возложил на себя огромное бремя ответственности и перед депутатами, и перед всей Россией.

Четкость, последовательность и беспристрастность Муромцева, его некоторая председательская жесткость, культура и корректность дисциплинировали Думу. Плавная речь, античный профиль самого Муромцева, старомодные обращения вроде «господа совет», эстетство – все это способствовало умиротворению депутатов. «Председательствует – как обедню служит», – привел В.А. Маклаков меткое наблюдение одного депутата-крестьянина. Он «в последовательной, систематичной, ясной и красивой речи заставлял всех внимательно себя слушать и подчиняться его доводам»²⁶. Трудно представить кого-либо другого на посту председателя Думы, кто смог бы поддерживать порядок в собрании из почти 500 человек²⁷.

Установив для себя с первого же дня сверхжесткий режим работы с десяти часов утра и зачастую до трех часов ночи, Муромцев совмещал организационную работу в Думе и председательство на большинстве заседаний парламента с активной законодательной работой, прежде всего в части подготовки основных статей Наказа (регламента) Думы²⁸.

Как подчеркивал депутат I Государственной думы Н. Езерский, «если Дума не блуждала первое время ощупью, не раскалывалась в ненужных вопросах процедуры... по возможности сокращала время, тратимое на выполнение формальностей... то этим в значительной степени Дума обязана такту и твердости своего председателя»²⁹.

Объективности ради надо отметить наличие в воспоминаниях наряду с восторженными отзывами и более сдержанных, критических оценок деятельности I Государственной думы, особенно в мемуарах представителей правительственного лагеря. Так, известный государственный деятель России С.Ю. Витте писал позднее, что «было бы правильнее ее прозвать “Думою общественно-увлечения и государственной неопытности”, а не “народного возмездия”»³⁰.

Да, первый опыт парламентаризма давался России с большим трудом. Но вряд ли стоит винить в этом думских депутатов, даже самых радикальных и нетерпеливых, выражавших установки своих политических партий, интересы и настроения своих избирателей. Как председатель I Государственной думы, С.А. Муромцев сделал все, что было в его силах, дабы направить ее работу в нормальное парламентское русло.

По словам А.А. Кизеветтера, видного историка и члена Центрального комитета кадетской партии, «свое дело Муромцев выполнял так превосходно, что все члены Думы без различия партий восхищались его председательствованием и признавали его своим общим вождем». Дополняя эту высокую оценку, А.А. Кизеветтер далее писал: «Строгий, суровый, торжественный стоял он на своем месте и вел заседание твердо, в полном сознании правоты своих действий. Но, несмотря на его суровость, все члены Первой Думы не только слушались его, но и сердечно любили его. Они все чувствовали, что Муромцеву Дума была дорога, потому что ему дорога была родина, для блага которой он пошел в Думу»³¹.

Введение в России законодательной выборной Думы было важнейшим в ее истории событием и крупнейшим завоеванием народа, достигнутым в годы Первой российской революции.

Центральным в I Государственной думе стал аграрный вопрос, особенно бурно обсуждавшийся народными избранниками. Депутаты требовали ликвидации крестьянского малоземелья, отмены смертной казни, объявления амнистии политическим заключенным, установления ответственности министров перед представительным учреждением, всеобщего равенства и соблюдения законности в стране. Такая непокорная Дума оказалась слишком большой обузой для царского самодержавия. Созданная на пять лет, она просуществовала всего 72 дня. 8 июля 1906 г. Николай II подписал Манифест о ее роспуске под предлогом того, что думские депутаты «вместо работы строительства законодательного уклонились в не принадлежащую им область». Как видим, ростки парламентаризма приживались в России на заре XX в. с большим трудом. В знак протеста против роспуска Думы около двухсот депутатов во главе с С.А. Муромцевым собрались в Выборге, где подготовили воззвание «Народу от народных представителей», в котором призвали население к гражданскому неповиновению – отказу от уплаты налогов и от призыва на военную службу до созыва нового всероссийского представительного учреждения. В Выборгском воззвании, в частности, говорилось: «Когда вы избирали нас своими представителями, вы поручили нам добиваться земли и воли. Исполняя ваше поручение и наш долг, мы составляли законы для обеспечения

Л.П. Муромцева

народу свободы, мы требовали удаления безответственных министров, которые, безнаказанно нарушая законы, подавляли свободу; но прежде всего мы желали издать закон о наделении землей трудящегося крестьянства путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских и церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих. Правительство признало такой закон недопустимым, а когда Дума еще раз настойчиво подтвердила свое решение о принудительном отчуждении, был объявлен роспуск народных представителей»³². Наряду с другими поставил свою подпись под документом и С.А. Муромцев – человек глубоко порядочный и честный, поборник права и парламентаризма, внутренне, возможно, и не вполне согласный с такой формой протеста. Вскоре власти привлекли к судебной ответственности бывших думских депутатов, подписавших Выборгское воззвание, так и не получившего ожидавшейся широкой поддержки населения. Их лишили избирательных прав и права быть избранными в Государственную думу.

Но Муромцев, не сломленный духовно, продолжал жить с верой в лучшее для страны будущее, занимаясь подготовкой Наказа для будущей Думы. Утешение он находил в изречении из библейской притчи, ставшем его своеобразным жизненным девизом: «Сторож, скоро ли рассвет? Еще темно, но день уже близок...»³³. Достоинейшим было его поведение и во время суда над депутатами I Государственной думы 12–18 декабря 1907 г. в Петербурге, и в период трехмесячного пребывания в Таганской тюрьме в Москве³⁴. Правда, здоровье Сергея Андреевича после всех сложных перипетий научной и общественно-политической деятельности оказалось резко подорванным. Тем не менее он продолжал напряженно работать: и в роли адвоката, и в качестве профессора по кафедре гражданского права Московского университета, и как преподаватель на Высших женских юридических курсах, в Коммерческом институте, а с 1 октября 1908 г. входил в число лекторов «первого призыва» Народного университета им. А.Л. Шанявского. В судьбе Народного университета Муромцев сыграл важную роль как преподаватель, но прежде всего как юрист и член попечительского совета в процессе становления этого нового типа вуза в России. Он участвовал в подготовке Положения об университете им. Шанявского, прошедшего думское обсуждение с незначительными поправками. Ему довелось участвовать и в разработке Устава «Общество для усиления средств Городского университета», и в деятельности академического совета по разработке учебных планов этого вуза³⁵.

В 1908 г. вышла книга С.А. Муромцева «Основы гражданского права. Человек и общество», а через два года его «Статьи и речи»

в пяти выпусках (последние два выпуска уже после кончины автора, успевшего подготовить их к печати).

Вот далеко не полный перечень дополнительных обязанностей Сергея Андреевича уже в достаточно пожилом возрасте: председатель суда чести при Обществе деятелей периодической печати и литературы, член редакции Энциклопедического словаря братьев Гранат, один из организаторов Общества мира в Москве, член Общества народных университетов.

Выражением жизненного кредо С.А. Муромцева в этот период стала его проникновенная речь, произнесенная 26 апреля 1909 г. на торжественном собрании в Московском университете, посвященном 100-летию со дня рождения Н.В. Гоголя: «Чествование Гоголя есть чествование духовной народной мощи – той жизнедеятельной силы народного духа, которую сам Гоголь постоянно сознавал в основе своего художественного творчества. Чествование Гоголя есть обращение к чувству общечеловечности, призыв к нелицемерному и горячему служению народу, к самоусовершенствованию личности, как составной единицы человеческого общежития»³⁶.

В том же году чествовали и самого оратора по случаю 25-летия его адвокатской деятельности. А 23 сентября 1910 г. Сергей Андреевич скромно отметил свое шестидесятилетие и, хотя летом в связи с ухудшением здоровья пришлось обращаться к врачам, юбиляр был переполнен жизненными планами: готовил проекты законов для будущей, либеральной по составу, думы; задумывал новый курс лекций, новые научные работы³⁷. Но этим планам не суждено было осуществиться. В ночь с 3 на 4 октября 1910 г. Сергей Андреевич скончался от сердечного приступа.

Весть о смерти С.А. Муромцева разнеслась по всей России от Петербурга до Владивостока. Скорбные некрологи напечатали многие русские и зарубежные органы прессы. Похороны председателя I Государственной думы 7 октября 1910 г. надолго запомнились москвичам. В течение нескольких часов по центральным улицам и площадям первопрестольной к Донскому монастырю двигалась огромная траурная процессия. Такой массовой манифестации Москва не знала, пожалуй, со времен Первой русской революции³⁸. Студенты, стоявшие с двух сторон цепью, порой с трудом сдерживали натиск многотысячной толпы. В ней можно было встретить и молодых людей, и убеленных сединами уважаемых господ, и интеллигенцию, и рабочих. Полиция тоже присутствовала, но держалась незаметно, не вмешиваясь в организацию похорон. Десятки колесниц везли венки с траурными лентами. В центре не работали магазины, учебные заведения. Так провожали в последний путь благороднейшего человека, отдавая дань глубокого уважения его

Л.П. Муромцева

памяти. Имя Сергея Андреевича Муромцева знала тогда вся просвещенная Россия.

Многим из присутствовавших на траурной церемонии запали в душу проникновенные слова юриста Ф.Ф. Кокошкина, депутата I Государственной думы от Москвы:

«Сергей Андреевич Муромцев был явлением пророческим в нашей жизни. Он не только учил нас началам правового государства, но и предсказывал их осуществление, предсказывал не словами, нет, – но сам собою, своею личностью, всем существом своим. В те времена, когда самая мысль о народном представительстве в России казалась многим бредом, люди проницательные, видя его в Московской городской думе, в московском земстве, могли предугадать, что представительный строй близится к нам. Ибо уже тогда в лице Сергея Андреевича мы имели народного представителя, и даже более того – главу представительного собрания. Пророчество сбылось. Москва помнит ту минуту, когда она отказывалась от своих исключительных прав на Муромцева, когда она отдавала его всей России...»³⁹.

Траурная церемония на Донском кладбище продолжалась до позднего вечера. Выступавшие говорили об удивительной целостности личности Сергея Андреевича, о верности его идеалам свободы, о том, что имя Муромцева навсегда останется символом российского парламентаризма.

Примечания

- 1 Конституционные проекты в России XVIII – нач. XX в. М., 2000. С. 348–410.
- 2 Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М., 1994. Т. 9. С. 41.
- 3 Государственная дума, 1906–1917: Стенографические отчеты. М., 1995. Т. 1. С. 36.
- 4 Милоков П.Н. Сергей Андреевич Муромцев. Биографический очерк // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911. С. 4, 7–8.
- 5 См.: [В.Н.] Из семейной и личной жизни // Сергей Андреевич Муромцев. С. 59–61. (Автором этих воспоминаний является Вера Николаевна Муромцева-Бунина, племянница С.А. Муромцева.)
- 6 См.: Цуриков А. Из воспоминаний старого товарища // Сергей Андреевич Муромцев. С. 75–79; Давыдов Н. К характеристике С.А. Муромцева (Из личных воспоминаний) // Там же. С. 65–74.
- 7 См.: Милоков П.Н. Указ. соч. С. 19.
- 8 См. более подробно: Зорькин В.Д. Муромцев. М., 1979; Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской империи, 1906–1917 гг. М., 1998; Аронов Д.В. Научная и общественно-политическая деятельность Сергея Андреевича Муромцева. Орел, 2001.

- 9 См. перечень публикаций С.А. Муромцева: Сергей Андреевич Муромцев. С. 407–419.
- 10 *Нечаев В.М.* С.А. Муромцев как ученый и профессор. СПб., 1910. С. 8.
- 11 *Шершеневич Г.* Муромцев как ученый // Сергей Андреевич Муромцев. С. 90.
- 12 Юридический вестник. 1882. Кн. I. Приложения. С. 5–6.
- 13 См. публикацию «Записки»: *Муромцев С.А.* Статьи и речи. М., 1910. Вып. V. С. 11–38.
- 14 Юридический вестник. 1880. Кн. X. С. 316–317; *Миллюков П.Н.* Указ. соч. С. 32–33; *Секиринский С.С., Шелохаев В.В.* Либерализм в России. Очерки истории (середина XIX – начало XX в.). М., 1995. С. 105–107.
- 15 *Кистяковский И.А.* Адвокатская деятельность // Сергей Андреевич Муромцев. С. 147–157.
- 16 *Винавер М.М.* Недавнее (Воспоминания и характеристики). Пг., 1917. С. 59–99.
- 17 *Кривонос М.* Муромцев Сергей Андреевич // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX // Энциклопедия. М, 1996. С. 375.
- 18 См.: *Астров Н.И.* В Московской городской думе // Сергей Андреевич Муромцев. С. 158–179; *Шаховской Д.И.* Работа в земстве // Там же. С. 180–204; *Муромцев С.А.* Статьи и речи. М., 1910. Вып. IV.
- 19 См.: *Кокошкин Ф.Ф.* С.А. Муромцев и земские съезды // Сергей Андреевич Муромцев. С. 205–250.
- 20 *Медушевский А.Н.* Конституционный проект С.А. Муромцева // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1996. С. 173–196.
- 21 Проект Основного и Избирательного законов в редакции С.А. Муромцева // Сергей Андреевич Муромцев. Приложение первое. С. 384–406.
- 22 Сергей Андреевич Муромцев. С. 385.
- 23 Там же. С. 386.
- 24 См.: *Медушевский А.Н.* Сергей Андреевич Муромцев // Российские либералы. М., 2001. С. 304.
- 25 Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994. С. 183–184.
- 26 *Маклаков В.А.* Вторая Государственная дума. Лондон, 1991. С. 68.
- 27 См.: *Лукоянов И.В.* У истоков российского парламентаризма. СПб., 2003. С. 145.
- 28 *Винавер М.* Муромцев – адвокат и председатель Государственной думы // Сергей Андреевич Муромцев. С. 270.
- 29 *Езерский Н.* Государственная Дума первого созыва. Пенза, 1907. С. 19.
- 30 *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 356.
- 31 *Кизеветтер А.А.* Сергей Андреевич Муромцев. Председатель Первой Государственной Думы. М., 1918. С. 12–13.
- 32 Политические партии и движения России: Документы и материалы. М., 2001. Т. 1. С. 26.
- 33 Венок на могилу Сергея Андреевича Муромцева. М., 1910. С. 49, 91.
- 34 См.: Суд над первой Государственной Думой 12–18 декабря 1907 г. СПб., 1908; *Обнинский В.П.* 90 дней в тюремном заключении. Тюремные заметки. М., 1917.

Л.П. Муромцева

- 35 *Шаховской Д.* Из последних лет жизни // Сергей Андреевич Муромцев. С. 377;
Речь. 1908. 6 декабря.
- 36 *Муромцев С.А.* Статьи и речи. Вып. I. С. 37–41.
- 37 *Винавер М.М.* Указ соч. С. 59–60.
- 38 См.: Венок на могилу Сергея Андреевича Муромцева. М., 1910.
- 39 Там же. С. 48.

Рецензии

Р.М. Валеев, Н.Е. Тюрина, Г.Р. Шайхутдинова

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
О.И. ТИУНОВА, А.А. КАШИРКИНОЙ И А.Н. МОРОЗОВА
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ МЕЖВЕДОМСТВЕННЫЕ
ДОГОВОРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
(М.: НОРМА, 2008, 247 с.)

Накануне 40-летия Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. на книжной полке ученых-международников и практических работников появилась новая монографическая работа, посвященная малоисследованной в отечественной науке международного права проблеме.

В отечественной правовой доктрине данная работа является продолжением и развитием учения о праве международных договоров, существенный вклад в которую в указанном аспекте был внесен одним из авторов настоящего труда – профессором О.И. Тиуновым.

До сих пор в рамках указанной тематики в основном исследовались международные договоры, заключаемые от имени государств и правительств. Что касается межведомственных договоров, в том числе Российской Федерации, то они затрагивались весьма поверхностно.

Рецензируемая работа существенно восполняет этот пробел. В каждой из семи глав, из которых она состоит, международные межведомственные договоры рассматриваются как разновидность международных договоров с присущими им общими характеристиками и выделяются специфические черты, в силу которых они составляют отдельную категорию.

Используя метод дедуктивного анализа, авторы работы обосновывают принадлежность межведомственных договоров к числу международных договоров и применение к ним тех положений международного права, которыми регулируются межгосударственные и межправительственные соглашения, включая положения Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (с. 4–5).

Так, указывается, что вступление в силу международных договоров межведомственного характера может быть выражено в соответствии с положениями Венской конвенции, но большинство из них все же вступает в силу с момента подписания и не требует выражения согласия на их обязательность в форме федерального закона. Однако ратификация межведомственных договоров не исключается, если они затрагивают вопросы обороноспособности страны (с. 24–37).

Авторами особое внимание обращено на значение межведомственных соглашений для реализации договоров, заключенных на более высоком уровне и указывается на необходимость их заключения в кратчайшие сроки после заключения и вступления в силу основного договора.

Полученные выводы по отдельным аспектам соотношения межведомственных договоров с договорами более высокого уровня имеют большое практическое значение и должны учитываться в процессе имплементации норм международных договоров в национальное право и при применении их судебными органами. С учетом обоснования того, что международные межведомственные договоры являются одним из источников современного международного права, особого внимания заслуживает тезис о возможности вхождения положений межведомственного договора не только в правовую систему РФ, но и в систему российского права (с. 40–41). При этом авторы подвергают справедливой критике ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в которой говорится, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, что не согласуется с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ.

Среди межведомственных договоров в работе выделяются договоры в сфере деятельности Министерства иностранных дел Российской Федерации, заключаемые этим органом с ведомствами иностранных дел других государств, и рассматривается координация международной деятельности федеральных органов исполнительной власти.

Анализируя статус международных межведомственных договоров, авторы особое внимание обращают на проблему реализации этих договоров, которая является наиболее сложной и слабо разработанной в отечественной доктрине международного права. Для решения данной проблемы и восполнения указанного пробела ими предлагается, кроме проведения научных исследований, принятие Федерального закона «О реализации международно-правовых актов Российской Федерации».

Особо следует отметить обращение авторов монографии к одной из наиболее интересных и дискуссионных проблем науки международного права – вопросу об иерархии норм международного права. В монографии анализируются различные точки зрения по данной проблеме (Г.И. Тункина, И.И. Лукашука, А.Н. Талалаева, Н.Н. Ульяновой, В.В. Ершова и других).

Заслуженой авторов рецензируемого труда является весьма тонкий юридический анализ различных научных подходов к решению этого вопроса, аргументированное несогласие с определенными суждениями, высказываемыми отечественными исследователями, и четкая юридическая квалификация и разграничение общего международного права, его общепризнанных принципов и норм. В монографии сопоставлены две важнейшие категории современного международного права – общепризнанные принципы и общепризнанные нормы международного права. Фундаментальное значение для науки международного права имеют выводы о соотношении указанных категорий и об их характере. Так, общепризнанные принципы международного права являются в то же время общепризнанными нормами международного права, но не каждая общепризнанная норма международного права является общепризнанным принципом. Общепризнанные нормы могут быть императивными и диспозитивными. Общепризнанные нормы, которые признаются в качестве основных принципов международного права, как правило, носят императивный характер. Общепризнанные нормы, которые не признаются в качестве общепризнанных принципов международного права, носят, как правило, диспозитивный характер.

В работе дана дополнительная характеристика общепризнанных принципов международного права. Так, на с. 92 указывается «квазиправовой» характер данных принципов. Небезынтересным представляется также заключение относительно дифференциации общепризнанных принципов и общепризнанных норм международного права по юридической силе: как правило, первые – императивны, вторые – диспозитивны (с. 94).

С целью определить место норм международных межведомственных договоров в иерархии норм международного права авторы провели исследование вопроса о месте общепризнанных принципов международного права в этой иерархии. Именно таким нормам справедливо отдана высшая ступень в иерархии норм международного права. В свою очередь, международные межведомственные договоры должны соответствовать общепризнанным принципам международного права. К сожалению, авторы, проведя столь серьезный теоретический анализ, не предложили собственной иерархии норм международного права.

Вместе с тем указанный анализ позволил сделать ряд выводов, касающихся международных договоров межведомственного характера, подтверждающих их принадлежность к источникам международного права и значение для международного правопорядка. Параллельно были высказаны суждения по ряду других вопросов теории международного права (имплементации норм международного права, согласования международного и национального права, правовым аспектам интеграции и др.).

Обращается внимание на то, что при применении международных межведомственных договоров вполне возможны ситуации, в которых международный межведомственный договор вступает в противоречие с межправительственным международным договором, посвященным тому же вопросу. Авторы приходят к выводу о том, что данную коллизию невозможно разрешить на основе ст. 30 Венской конвенции о праве международных договоров, поскольку в этом случае нужно будет признать, что более поздний межведомственный договор будет иметь преимущество перед более ранним межправительственным договором по тому же вопросу. Поэтому авторы монографии предлагают исходить из правила иерархии международных договоров, основанной на учете уровня органов государства, представляющих его на международной арене, что кажется вполне справедливым, способствует укреплению и стабилизации межгосударственных договорных отношений.

Заслуживает внимания предложение авторов монографии закрепить правовую норму об иерархии международных договоров по отношению к межведомственным договорам или хотя бы ограничиться принятием документа рекомендательного характера. Также весьма своевременным представляется предложение о введении правовой экспертизы на соответствие межведомственных международных договоров международным договорам более высокого уровня. Первые должны способствовать реализации положений межгосударственных и межправительственных международных договоров и ни в коем случае им не противоречить.

Научная ценность монографии определяется не только вкладом в развитие доктрины международного права. Решая задачи, определяемые тематикой исследования, авторы проникают в глубинные пласты правовых представлений. Известно, что в правовой литературе до сих пор допускаются ошибочные оценки соотношения таких категорий, как правовая система, система права, система законодательства. Разграничивая данные понятия, авторы формулируют положения, которые имеют значение для общей теории права. В том же аспекте представляют интерес положения, касающиеся объекта и предмета договора (с. 119–120).

Рецензии

Последняя глава данной работы, посвященная роли межведомственных договоров в обеспечении и защите прав человека, является квинтэссенцией всего исследования, так как наглядно показывает конечную и главную цель любых научных изысканий – благо человека. Благодаря этой главе монография получает свое логическое завершение и, думается, оправдывает ожидания даже самого взыскательного читателя.

Г.Ю. Курскова, А.А. Макеева

МУРОМЦЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ. X МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

15 апреля 2010 г. на юридическом факультете Института экономики, управления и права РГГУ состоялась десятая Международная научная конференция «Эффективность законодательства в современных социально-экономических условиях». Основные направления работы конференции охватывали такие проблемы, как понятие, юридическая диагностика и методы измерения эффективности закона; социальная и экономическая функции современного государства; критерии эффективности государственного управления в условиях социально-экономической нестабильности; правовые инструменты активизации социально-экономической политики государства; политика «сбережения народа» в исторической ретроспективе; влияние интеграции и дифференциации правового регулирования на развитие системы российского законодательства и другие. Выступления участников конференции были опубликованы в изданном Сборнике материалов.

В конференции приняли участие ученые из многих городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Астрахани, Самары, Костромы, Екатеринбурга, Тулы, Новгорода). Присутствовали также преподаватели и аспиранты из филиалов РГГУ (Дмитрова, Железнодорожного, Домодедова и др.). Среди зарубежных участников – проф. Европейского института социальной безопасности Поль Шукенс (Бельгия) и завкафедрой международного права Экономического университета в Братиславе Станислав Мраз (Словакия), которые не первый год являются гостями юридического факультета и заинтересованно сотрудничают с педагогическим коллективом в научной и учебной сферах. Впервые участвовала в конференции РГГУ проф. кафедры теории права Центрального национального университета Пекина, постоянный член Государст-

венного совета по теории права Китая Чжан Цзюньцзе. Более 80 человек выступили с докладами и научными сообщениями на пленарном и секционных заседаниях конференции. Активными слушателями, а равно участниками обсуждения выступлений стали студенты 1–5 курсов юридического факультета.

В связи с подготовкой к празднованию юбилейной даты создания Российского государственного гуманитарного университета (являющегося преемником Народного университета им. А.Л. Шанявского) приказом ректора Е.И. Пивовара конференции юридического факультета, которая проводится в качестве ежегодного научного мероприятия, был присвоен статус «Муромцевские чтения».

Пленарное заседание открыл первый проректор – проректор по учебной работе, д-р экон. наук проф. В.В. Минаев. Он отметил, что присвоенный конференции статус Муромцевских чтений является, несомненно, признанием заслуг юридического факультета в развитии научной деятельности университета, однако он накладывает и высокие обязательства в части содержания и глубины проводимых исследований. Примером и показателем такого уровня разработок является научное наследие Сергея Андреевича Муромцева – выдающегося русского мыслителя, политического деятеля, известного адвоката, представителя демократической профессуры, труды которого вошли в золотой фонд отечественной юридической науки. В.В. Минаев подчеркнул, что проведение международной конференции является важным событием в жизни университета в целом. Проректор обратил внимание и на то, что наряду с признанными профессионалами в области юриспруденции в конференции принимают участие аспиранты и студенты РГГУ. Он также отметил значимость изданного сборника материалов конференции, демонстрирующего большой интерес научной общественности к затронутым проблемам. В заключение В.В. Минаев пожелал участникам успешной и плодотворной работы.

Далее выступила директор Института экономики, управления и права РГГУ, д-р экон. наук, проф. Н.И. Архипова, которая отметила, что каждую весну на ежегодную конференцию юридического факультета собираются известные специалисты, преподаватели, аспиранты, которые обсуждают важные вопросы в области права и правоприменения. Настоящая же конференция отличается новым статусом – Муромцевских чтений, который, безусловно, придаст творческий импульс нашим будущим исследованиям.

Выступление канд. ист. наук, доцента кафедры публичного права юридического факультета В.Н. Белоновского было посвящено краткой биографии С.А. Муромцева, его роли в создании Народного университета им. А.Л. Шанявского. Презентация исторических

Г.Ю. Курскова, А.А. Макеева

материалов, которая сопровождала выступление В.Н. Белоновского, вызвала большой интерес у присутствующих.

Своеобразным продолжением знакомства с научной и политической деятельностью С.А. Муромцева стало выступление его внучатой племянницы – Людмилы Петровны Муромцевой, канд. ист. наук, доцента исторического факультета МГУ. Она рассказала о характере, личностных качествах и поступках своего дяди в сложные для него периоды жизни, его стойкости во времена невзгод, представила фотографии из личного архива семьи. Ее рассказ вызвал овацию зала.

Далее на пленарном заседании выступили ораторы, проблематика сообщений которых непосредственно раскрывала заявленную тему конференции: О.И. Тиунов, засл. деятель наук, засл. юрист РФ, судья Конституционного суда РФ, д-р. юрид. наук, завкафедрой международного права юридического факультета ИЭУП РГГУ, с докладом «О роли норм международного права в гармонизации законодательства государств как фактора его совершенствования»; В.В. Минаев, д-р. экон. наук, проф., первый проректор – проректор по учебной работе РГГУ, – «К вопросу о заключении договора об оказании платных образовательных услуг»; С.Н. Станских, помощник председателя Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий, – «Зарубежная конституционная экспертиза как важный элемент на пути к эффективному управлению и законодательству»; Ю.А. Леонова, главный специалист Центра инноваций и информационных технологий Федеральной нотариальной палаты, – «Возможность участия нотариуса в заключении электронной сделки»; Поль Шукенс, д-р, проф. Европейского института социальной безопасности, – «Европейская социальная хартия: проблемы интерпретации с точки зрения защиты социальных прав»; Станислав Мраз, канд. юрид. наук, проф., завкафедрой международного права факультета международных отношений Экономического университета в Братиславе, – «Правоспособность Европейского союза на заключение международных договоров»; Чжан Цзюньцзе, д-р. юрид. наук, проф. кафедры теории права юридического факультета Центрального национального университета Пекина, постоянный член Государственного совета по теории права Китая, – «Об эффективности закона в Китайской Народной Республике»; А.А. Дорская, д-р. юрид. наук, проф., завкафедрой международного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, – «Соответствие национального законодательства международно-правовым стандартам как критерий эффективности законов».

После пленарного заседания конференция продолжила работу в рамках следующих секций: «Факторы и показатели эффективности законодательства», «Развитие конституционных основ национального законодательства», «Приоритеты современного социального законодательства», «Гражданское законодательство в современных социально-экономических условиях», «Правовой статус субъектов гражданско-правовых отношений», «Интеллектуальная собственность и инновационная экономика: проблемы правового регулирования», «Финансовое законодательство и правореализация», «Правосудие и проблемы защиты правопорядка».

Итоги конференции были подведены руководителями пленарного и секционных заседаний, которые высказали пожелания по организации и проведении следующей конференции в рамках Муромцевских чтений.

В.В. Селюкова, В.О. Бежанов

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАРОДНОГО
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.
«КРУГЛЫЙ СТОЛ», ПОСВЯЩЕННЫЙ
ГОДУ УЧИТЕЛЯ

Под таким названием 14 апреля 2010 г. состоялся студенческий «круглый стол» на юридическом факультете Института экономики, управления и права РГГУ. Он был приурочен к мероприятиям, проводимым в рамках объявленного в нашей стране Года учителя. Участие в «круглом столе» приняли не только студенты и преподаватели РГГУ, но и представители ряда московских школ.

Тема обсуждения была выбрана не случайно: о кризисе института представительства в мире, и в частности России, говорят многие политики, государственные деятели и ученые. Эта проблема привлекает к себе внимание и самых высших эшелонов российской власти. Так, Президент Российской Федерации Д.А. Медведев неоднократно обращался к ней в своих ежегодных посланиях Федеральному собранию в 2008 и 2009 гг., им были внесены также предложения по совершенствованию качества народного представительства в стране, повышению авторитета органов представительной власти. Президентские инициативы в настоящее время получили необходимое воплощение в виде федеральных законов, которые вступили в силу. Однако очевидно, что проблема не решается только принятием законов, она требует, помимо прочего, всестороннего и компетентного обсуждения широкой общественностью, в том числе и на уровне студенческих «круглых столов», демонстрирующих оригинальность и нетрадиционность мышления молодых.

Следует заметить, что научно-исследовательская работа студентов юридического факультета ИЭУП РГГУ является неотъемлемой частью подготовки к будущей профессии. Студенты активно участвуют в конференциях, в том числе и международных, «круглых столах», викторинах, различных конкурсах, добиваются весьма

впечатляющих результатов, о чем свидетельствуют получаемые грамоты и благодарности. Каждый год в средствах массовой информации издаются более 20 студенческих работ. Как правило, написанные с юношеским максимализмом, без политических и идеологических шор, они выражают смелые и в чем-то даже радикальные исследовательские суждения. Порой студенческие тексты с точки зрения техники русского языка уязвимы, но профессионально читать их приятно, подчас удивляешься меткости постановки проблемы.

Не стал исключением и данный студенческий «круглый стол». Его участники анализировали такие серьезные проблемы, как воззрение на сущность народного представительства Б.Н. Чичерина (студент Анатолий Левчук), роль императивного мандата в системе представительства современной России (студент Павел Бранзбург), влияние СМИ на формирование органов представительной власти (студентка Светлана Дзгоева), юридическая ответственность депутатов представительных органов (студентка Залина Закуева), сравнительный анализ формирования представительных органов в России и Республике Армения (студентка Лусине Карапетян), роль избирательных комиссий в формирование представительных органов власти (студентка Кристина Чемерис), защита избирательных прав граждан Российской Федерации (студентка Наталья Лими́на), особенности методик распределения депутатских мандатов (студентка Наталья Михайлова). Вопросам совершенствования технологичности и компьютеризации выборного процесса посвятил свое выступление Илья Рябов, который проанализировал функционирование Государственной автоматизированной системы «Выборы».

Выступления на «круглом столе», обмен мнениями, дискуссии, которые прошли в его рамках, способствовали уточнению взглядов молодых исследователей, позволили им внести коррективы в курсовые работы, конкретизировать положения и выводы в публикациях, подготовленных для издания в сборнике Института экономики, управления и права «Юность науки».

Н.В. Бандурина, С.В. Тимофеев

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
БАНКОВСКОГО КРИЗИСА В РОССИИ 2008–2009 гг.
«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

7 апреля 2010 г. кафедрой финансового права юридического факультета ИЭУП РГГУ был организован и проведен «круглый стол» на тему «Экономические и правовые проблемы банковского кризиса в России 2008–2009 гг.».

Актуальность темы, вынесенной на «круглой стол», была проиллюстрирована деканом юридического факультета ИЭУП РГГУ, заведующим кафедрой финансового права, кандидатом юридических наук доцентом С.В. Тимофеевым, который обратил внимание присутствовавших на экономические и юридические процессы, происходящие в российской экономике в целом и банковском секторе в частности, связанные с мировым финансовым и банковским кризисом.

В ходе «круглого стола» были исследованы проблемы цикличности мировых экономических кризисов, их влияние на национальные экономики в условиях глобализации, предпосылки банковского кризиса в России, его развитие и относительная стагнация и др.

Кроме того, в докладах были освещены вопросы государственной поддержки банков, направленной на поддержание стабильности банковского сектора Российской Федерации и клиентов банков, ставших неплатежеспособными в результате банковского кризиса; проанализированы прикладные проблемы влияния банковского кризиса на различные сферы экономики, в частности налоговую, инвестиционную сферы и структуру инвестиций, в том числе иностранных инвестиций, сферу кредитования физических лиц, малого и крупного бизнеса, в том числе ипотечное кредитование и др.

Выступили приглашенные эксперты – банковские работники ЗАО «Райффайзенбанк», КБ «ЛОКО-Банк» (ЗАО) с докладами о современном состоянии банковского кризиса, сравнительном ана-

© Бандурина Н.В., Тимофеев С.В., 2010

лизе банковских кризисов России за последние 15 лет, с предложениями по дальнейшему развитию банковского сектора в послекризисных условиях.

Дискуссию также поддержали преподаватели кафедры финансового права юридического факультета ИЭУП РГГУ:

кандидат юридических наук доцент Ю.С. Сидорович, которая выступила с сообщением об изменениях в налоговой сфере в условиях банковского кризиса;

кандидат юридических наук доцент Н.В. Бандурина, доложившая об изменениях структуры инвестиций, в том числе иностранных, в результате изменений экономической макросреды государства;

доктор юридических наук профессор А.Д. Селюков, выдвинувший предложения по стагнации экономики Российской Федерации и конкретные меры по выходу из банковского кризиса.

В работе «круглого стола» также приняли участие студенты 3-го и 4-го курсов финансово-правовой специализации юридического факультета ИЭУП РГГУ, которые высказывали ценные дополнения и замечания по ходу выступления докладчиков. Особое внимание привлекла информация И.А. Ищенко, Э.И. Сараждиновой о кризисе в ипотечной сфере, К.О. Долгих о последствиях банковского кризиса в налоговой сфере и др.

Участники «круглого стола» не только выступали с научными сообщениями, но и активно включались в дискуссии, отстаивали свою точку зрения.

В заключительной части «круглого стола» были выработаны предложения по совершенствованию законодательства в области устранения последствий банковского кризиса в России 2008–2009 гг., уменьшению его влияния на различные сферы экономики государства.

Abstracts

N. Bandurina

SOME QUESTIONS OF A LEGAL STATUS OF THE STATE CORPORATIONS IN MODERN CONDITIONS

In the present article some legislative problems of fastening legal the status of the state corporations are considered. So, the mechanism of creation of the state corporation, assignation in fund are analyzed, etc. the author also investigates offers of corresponding Council at the President of the Russian Federation on perfection of institute of the state corporations in Russia.

Key words: Corporation, state corporation, administration, federal property, state, non-profit organization.

V. Bejanov

THE PROBLEM OF PROTECTION NEEDED IN ADMINISTRATIVE TORT LAW IN THE RUSSIAN FEDERATION

In this article suggests new approaches to the definition of “emergency” and “justifiable defense” in the administrative and tort law.

Key words: administrative infraction, necessary defence, extreme necessity, amenability.

V. Belonovskiy

LEGAL LIABILITY FOR THE NORMS OF THE ELECTIVE CONSTITUTION TO THE CONSTITUENT ASSEMBLY OF RUSSIA

In this article examines related to the establishment of measures of liability for the norms of the Elective constitution to the Constituent

Assembly of Russia in 1917, including measures of criminal liability, Administrative responsibility and state legal liability, applied in electoral practice within the last formation of the representative body parliamentary type in Russia.

Key words: constituent assembly, representative body, legislative body, voting list, offence, crime, obstruction, bribe, amenability, punishment, penalty, electoral rights forfeit, jail.

V. Belonovskiy

MUROMTSEV SERGEY – A LAWER,
A STATESMAN, A SCIENTIST

In the article personal data of S. Muromtsev are given. The closest attention focused on establishment of National University of A.L. Shanyavskiy.

V. Bugorski

LEGAL WORK IN THE FIELD
OF DECLARING CONFORMITY
OF QUALITY OF THE GOODS
AND SERVICES

Since February, 15th, 2010 new, more simple order of certification of some the goods – by declaring has taken effect. According to it quality of some products, before subject to obligatory certification, can be confirmed by conformity declaring operating technical or to a sanitary code. So, manufacturers of cosmetics, a foodstuff and alcohol instead of the certificate on these goods have the right to confirm their quality to the trading organization-seller and the citizen-buyer having presented the declarations signed by them. The declaration is signed by the manufacturer on the basis of own researches or with third party participation – the accredited laboratory chosen by him. The certification body is authorized to assure the declaration of the manufacturer. All procedure of certification is spent by the organizations accredited for this purpose in which accreditation Rostehregulirovanie is engaged. The same organizations choose laboratories.

Key words: legal work, declaration area, goods and services.

I. Chestnov
SOCIAL DESIGNING
OF LEGAL IDENTITY UNDER
THE GLOBALIZATION

The article offers a culturological interpretation of law. The principal attention is given to a problem of social designing of legal identity of the subject of law – the base of legal system – under the globalized world.

Key words: law comprehension, subject of law, legal identity, culture, globalization process.

A. Dorskaya
THE CONTRIBUTION OF RUSSIAN EXPERTS
IN CHURCH LAW TO THE DEVELOPMENT
OF JURIDICAL SCIENCE

The article covers the elaboration of such issues as the conception of particular system of law, the signs of jural state, civil marriage and civil divorce, the presence of guilt as a sign of crime, the assumption of criminal's repentance. These issues have been elaborating by Russian experts in church law, which was an independent school of pre-revolutionary juridical science.

Key words: law of the church, special legal system, ecclesiastical punishment, civil marriage, civil divorce.

L. Glukhareva, E. Timyna
STATE PARTICIPATION IN THE SOCIETY
OF THE KNOWLEDGE-BASED ECONOMY
DEVELOPMENT

In the article the content of the concept “Society of the Knowledge-Based Economy” is explained, the main characteristics of this concept are analyzed in respect to the foreign countries as well as to the possibilities of its development in the Russian Federation.

Key words: state deal, innovations, government innovation management, cognitive society, intellectual assert.

S. Glushkova

TO THE MATTER OF NEW APPROACHES
TO HUMAN RIGHTS RESEARCH

The article concerns new approaches to human rights studies. The author develops their contents, analyses new typologies of human rights, stresses the integral (interdisciplinary) nature of the science concerned human rights that is being formed in the modern period. The article presents new human rights generations, whose nature and the right to existence itself are still being discussed. The author examines the problem of the international standards' role and degree of influence on the attitude to human rights as well as new dimensions of human rights in terms of globalization. The author claims the necessity of enlargement of human rights catalogue, forming of the humanist treatment of human rights along with juridical interpretation in the essentially encyclopedic science of human rights.

Key words: human rights, generations of human rights, rights of person, language of humanitarian law, philosophy of human rights, international standards, ethnics specific, concepts of human rights, universal human rights.

M. Ilyicheva

SOME QUESTIONS OF CONTEST OF TRANSACTIONS
IN WHICH FULFILMENT THERE IS AN INTEREST

Article is devoted questions of contest of transactions with interest, namely to the bases of contest of the given transactions. In article is defined the circle of persons which can challenge transactions in which fulfillment there is an interest is defined, problems of legal regulation of contest of transactions with the conflict of interests rise.

Key words: transactions with an interest, interests conflict, contestation of a transactions, invalidity of transactions, shareholder, corporation.

E. Knyazeva

INSTITUTE OF ADOPTION IN FAMILY LAW
OF RUSSIA IN A THEORETICAL PERSPECTIVE

The article discussed the concept of the institution of adoption, its social purpose, the legal relations arising in the process of adoption, a comparative analysis of blood and family ties and relationships by adop-

tion, as well as the legal consequences of the relations arising between the adopter and the adopted.

Key words: adoption, foster parent, parentage, family legal relationship.

I. Kossov

THE FORMATION OF INSTITUTION
OF THE DEFENCE OF THE ACCUSED
IN PEOPLE'S COURTS
OF THE RSFSR (1917–1918)

The author examines some aspects of the formation of institution of the defense of the accused in people's courts of the RSFSR in the early period of their development (December 1917–1918). Main attention is paid for the analysis of the provisions of standard acts about the organization and implementation of the protection of defendants in criminal proceedings.

Key words: assertion, People's Court, land ordinance, advocacy, defense counsellor, bar.

N. Kosyakova

THE IMPROVEMENT OF INTER-BRANCH
RELATIONS OF LEGAL ENTITIES
IN THE MODERN ECONOMIC
CONDITIONS

In the present article the problems of inter-branch relations of legal entities in the market economy are investigated, particularly the gaps, contradictions in the legislation, regulating common legal institutions by different legal branches, into which legal entities enter, are analyzed, the forms of "joint" of inter-branch relations by identification the rules (conflict rules) in the legislation, that provide the harmonization of rules, regulating similar social relations by different legal branches, are proposed.

Key words: interdepartment connections, common legal institution, legal entities, private law, public law, conflict of laws, concession.

I. Krapchatova

THE ROLE OF EUROPEAN STANDARDS
IN THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL POLICY
IN THE SPHERE OF PROTECTION OF PARTICIPANTS
OF CRIMINAL PROCEEDINGS

This article surveys the problem of protection of participants of criminal proceedings from the standpoint of criminal law and procedure, and also analyzes the influence of European standards on criminal policy in this area. Ensuring the safety of participants in the criminal process is an integral part of the fight against organized crime, in which European law and cooperation with other states play the important role.

Key words: European law, criminal politics, defense of criminal procedure participants, legal cooperation.

E. Krupenya

ABOUT CONTENT OF CONSCIENCE
OF THE STATUS PUBLIC LAW SUBJECT:
THEORETICAL ASPECTS

In the article general theoretic issues of content of the legal conscience of status public law subject which acts as a basic psychological element and prerequisite important for self-regulation of active citizen legal behavior are shown.

Key words: Status public law, subject of law, public activity, legal conscience, legal psychology.

Ju. Kulikova

PRESIDENCY INSTITUTE IN THE RUSSIAN FEDERATION
AND THE CIS COUNTRIES: FROM THE HISTORICAL
BACKGROUND

In article the short review of scientific works of domestic researchers on studying of a question on occurrence, formation and development of institute of presidency in the Russian Federation and the CIS countries is given.

Key words: polity, system of government, presidency, constitutional status of president, division of powers, CIS, parliament.

E. Lapatukhina

PECULIARITIES OF PARLIAMENTS
OF THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

A parliament of the region of the Russian Federation represents interests of citizens who live in this region. That's why it occupies a special place in a legislative branch. So it is interest to research the structure of parliaments of the regions of the Russian Federation (their chambers and committees).

Key words: Legislative body of Federal subject, bicameral parliament, representation of electors, internal organizational structure of Federal subjects' legislative body.

E. Matveeva

TO A QUESTION ABOUT JUVENILE PROTECTION
OF INFORMATION

The development of technologies information opens new horizons for our children and youth. But it is important to remember that children must be protected from threats and violent media content, which can circulate in the telecommunication networks. The Legislation of our state lags far behind of the leading countries of the world in the sphere of ensuring information security of children. The absence of federal law does not allow to reliably protect children from harmful to children's information products, including the promotion of suicide, immoral, criminal behavior, abortion, demonstrations of cruelty and violence disseminated by means of electronic gaming and telecommunications networks.

Key words: violence and cruelty cult, age classification, legal control, international level.

A. Milokhova

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION
OF DAMAGE COMPENSATION BY A NON-TORT FEASOR

The article discusses the classification of liability for damage and obligations to compensate for damage by a non-tort feisor. The article studies the obligations of parents to compensate the damage committed by minors. Also the responsibility of state to compensate the damage caused by unstated persons to citizens is investigated.

Key words: civil responsibility, civil responsibility for damage, tortious liability, responsibility for juvenile damage, Government duty for indemnification.

L. Muromtseva

SOCIAL AND POLITICS ACTIVITIES
OF S.A. MUROMTSEV

The article deals with personal data of S.A. Muromtsev mainly with his political activities.

A. Netsvetaev

LEGAL REGULATION OF NATURAL RESOURCES
UTILIZATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article is devoted to the actual at the present time problem on legal regulation of natural resources utilization in the Russian Federation. It investigates the license-contract basis of law in the Russian Federation including the right on water use.

Key words: Nature, nature management, natural resources, elements of natural environment, water consumption right, water consumption agreement.

M. Nozdrin

FORMATION AND DEVELOPMENT
OF THE INSTITUTE INDEMNIFICATION
FOR MORAL HARM TO THE INDIVIDUAL
ENTREPRENEUR IN RUSSIA

Article is devoted to the short illumination of history of formation and development of the institute of indemnification for moral harm to the individual entrepreneur in Russia. Furthermore two basic approaches to the decision of a question on possibility of indemnification for moral harm to the individual entrepreneur are described. Indemnification is connected with harm drawing of the business reputation of the individual entrepreneur.

Key words: indemnification of moral harm, goodwill, sole trade, reputation harm, non-material harm.

N. Popova

ABOUT THE FUNCTIONS OF EXECUTIVE POWER

The problem of the determination of the functions of executive power in the juridical and political literature is not comprehended entirely scientifically and it is objective.

Key words: Executive authority functions, executive authority bodies, social administration function, executive force subject.

N. Ryzhkov

TWO FORMS OF THE CONTROL OVER FINANCIAL ACTIVITY OF CANDIDATES AND ELECTORAL ASSOCIATIONS. ABOUT A POSSIBILITY OF CANCELLATION OF INSTITUTE OF ELECTORAL FUNDS

Financial maintenance of election relations is one of the most important questions of the electoral law, but at the same time is one of the least investigated. In particular, from the moment of formation of institute of electoral funds on elections in 1990th years this institute of the suffrage practically was not investigated by scientists. Presented article is devoted problems of the control over financial activity of candidates and electoral associations, mainly, political parties, on elections. The author, who is directly connected with electoral process, reduced forms of the control of election committees behind the finance of political parties and are considered some other questions connected with financing of election campaigns of candidates and electoral associations in our country. In particular, the author is considered a question of necessity of existence of electoral funds.

Key words: Elections backing, backing control, fighting found, monetary fund, candidate, financing activities, election process.

Ju. Sidorovich

THE PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF EXIT TAX CHECK CARRYING OUT: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

The article is devoted to the research of the existing order of the exit tax regulation, which contains problems connected with decision registration, the process and terms of its realization.

Key words: tax audit, tax bearer, rating authority, subject of tax audit, tax audit period, tax reaudit, tax audit note.

Ju. Tikhomirova
THE DETERMINATION AND ESSENTIALITY
OF PECULIAR PROCEDURE
IN CIVIL PROCEDURAL LAW

In this article it tells about different juridical problems are connected with determination of “peculiar procedure” conception in theory of civil procedural law and so questions about exposing of peculiar procedure indications are taking special criteries into account.

Key words: Civil proceeding, special procedure, proceeding characteristics.

S. Timofeev
APPLICATION OF ALLOWING PROCEDURES
IN LEGAL REGULATION OF ENTERPRISE ACTIVITY
OF BANKS WITH FOREIGN INVESTMENTS INTO RUSSIA

In the present article legal problems of application of allowing procedures in activity of banks with foreign investments are considered. The author analyzes questions of the state registration of banks with foreign investments, licensings of their activity, quotas and participations in system of insurance of contributions.

Key words: Bank, overseas investment, government enrolment, licence, deposit insurance, foreign bank.

A. Turygin
FORMS OF THE ROYAL AUTHORITY LEGITIMATION
IN THE MEDIEVAL GERMAN HISTORY

The article is devoted to the problem of the analysis and definition of forms of the legitimation of the royal authority in the medieval German history. The author opens ways of maintenance of the process of perception and recognition of the royal authority, making conditional during the long period upon the preservation of the institute of the monarchy in Germany that allows to define also specific features of the medieval German statehood. The legitimation of the royal authority in the article is understood as the process of the maintenance and the recognition of the exclusive opportunities and the rights of the monarch which has been connected with “the selection” of the forms, methods

and means which were giving the chance to monarchs to underline and represent constantly the especial status of the royal authority.

Key words: legitimation, methods and forms of legitimation, ceremony of consecration and crowning.

R. Valeev, N. Turina, G. Shaihutdinova

REVIEW ON THE BOOK OF THE O.I. TIUNOV,
A.A. KASHIRKINA, A.N. MOROZOV "INTERNATIONAL
INTERDEPARTMENTAL TREATIES
OF THE RUSSIAN FEDERATION"

The authors of the monograph have developed the theory of the international treaties law, that has a specific features. The law status of those treaties is regulating by The Viennese Convention of the Law of International treaties. The content of the review stresses the essential contribution in the development of the theory of international law.

A. Vedenin

LEGAL CONCEPT "A PROPERTY COMPLEX" IN SYSTEM
OF CIVIL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Article is devoted new legal concept – "a property complex" and to its place in system of civil law of the Russian Federation. The given legal concept is new in the domestic legislation. Its absence and an accurate legal design complicates business activity in enterprise relations. Practical necessity of introduction of the given legal concept for the civil legislation of the Russian Federation is shown.

Key words: new legal idea, factory as a property complex, purchase and sale of property complex.

P. Vladimirova

LEGAL ACCOUNTABILITY FOR VIOLATIONS
OF LEGISLATION ON PROTECTION OF COMPETITION

Article is devoted to issues of legal responsibility for violation of legislation on protection of competition. We consider three types of liability: civil, administrative and criminal liability are analyzed relevant legal aspects of each of the types of liability.

Key words: competition, antimonopoly body, responsibility, supremacy, market-sharing, FAS.

I. Vorobyova

INTERNET COPYRIGHT PROTECTION

The article deals with legal matters concerned the impossibility of Russian Internet users to implement the defense of their rights. The author proposes the concrete ways to realize the procedures of administrative and judicial defense of intellectual property of the Internet.

Key words: individualization means, domain name, Internet, jurisdiction, arbitrage, court of referees, international jurisdiction.

E. Vorontsova

LEGAL MECHANISM OF CHOICE OF THE MANAGEMENT COMPANY IN THE HOUSING SPHERE

Annotation: the present article is devoted to the legal mechanism of choice (selection) of the management company in the housing sphere by holding a general meeting of the owners of flats in the apartment house or by results of the open tender for selection of the management company, holding by the municipal authorities.

Key words: regulatory organization, lodgment owners, apartment house, lodgment owners copartnership.

P. Zemsikova

THE CONCEPTION OF "GENERAL PRINCIPLES OF LAW RECOGNIZED BY CIVILIZED NATIONS"

The article considers the conception of "general principles of law, recognized by civilized nations". The author examines main approaches to defining the content and nature of such principles. The author enterprises an attempt to answer the key discussion questions relating to the use of this notion: whether the general principles are to be recognized by all States without exception, or only by a certain number of states? what are the criteria for designation of a State to the category "civilized"? whether it is correct to use the term in contemporary international law?

Key words: general law principle, international law, agreement, practice, legal system.

Сведения об авторах

Бандурина Наталья Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права юридического факультета ИЭУП РГГУ, 2506959@mail.ru.

Бежанов Валерий Оганезович – кандидат юридических наук, доцент, завкафедрой публичного права юридического факультета ИЭУП РГГУ, 2506959@mail.ru.

Белоновский Вячеслав Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры публичного права юридического факультета ИЭУП РГГУ, 2506959@mail.ru.

Бугорский Владимир Павлович – кандидат юридических наук, доцент кафедры информационного, предпринимательского и торгового права Российского государственного торгово-экономического института, 2506959@mail.ru.

Валеев Револь Миргалимович – доктор юридических наук, профессор кафедры международного и европейского права Казанского государственного университета (г. Казань), 2506959@mail.ru.

Веденин Александр Анатольевич – аспирант кафедры частного права юридического факультета ИЭУП РГГУ, 2506959@mail.ru.

Владимирова Полина Михайловна – кандидат юридических наук, ст. преподаватель кафедры финансового права юридического факультета ИЭУП РГГУ, 2506959@mail.ru.

Воробьева Ирина Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры частного права юридического факультета ИЭУП РГГУ, 2506959@mail.ru.

Воронцова Екатерина Борисовна – аспирантка кафедры частного права РГГУ, юрисконсульт Общества с ограниченной ответственностью «Гарантстрой-Сервис+М», 2506959@mail.ru.

Глухарева Людмила Ивановна – доктор юридических наук, профессор кафедры международного права юридического факультета ИЭУП РГГУ, 2506959@mail.ru.

Глушкова Светлана Игоревна – доктор политических наук, доцент, завкафедрой прав человека, замдекана юридического факультета, дирек-

тор Центра правового просвещения и прав человека Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), 2506959@mail.ru.

Дорская Александра Андреевна – доктор юридических наук, доцент, завкафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург), 2506959@mail.ru.

Земскова Полина Евгеньевна – преподаватель кафедры международного права юридического факультета ИЭУП РГГУ, 2506959@mail.ru.

Ильичева Марина Михайловна – аспирантка кафедры частного права юридического факультета ИЭУП РГГУ, 2506959@mail.ru.

Князева Елена Юльевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права юридического факультета ИЭУП РГГУ, 2506959@mail.ru.

Коссов Иван Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры частного права юридического факультета ИЭУП РГГУ, 2506959@mail.ru.

Косякова Наталия Ивановна – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой частного права юридического факультета ИЭУП РГГУ, 2506959@mail.ru.

Крпачатова Ирина Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, завкафедрой уголовного права и процесса юридического факультета ИЭУП РГГУ, 2506959@mail.ru.

Крупняя Елена Михайловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Московского городского педагогического университета, 2506959@mail.ru.

Куликова Юлия Альбертовна – ст. преподаватель экономико-управленческих и правовых дисциплин, директор филиала РГГУ (г. Железнодорожный), 2506959@mail.ru.

Курскова Галина Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры международного права юридического факультета ИЭУП РГГУ, 2506959@mail.ru.

Лапатухина Екатерина Сергеевна – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры публичного права юридического факультета ИЭУП РГГУ, 2506959@mail.ru.

Макеева Анна Андреевна – преподаватель кафедры международного права юридического факультета ИЭУП РГГУ, 2506959@mail.ru.

Матвеева Елена Владимировна – аспирантка кафедры уголовного права и процесса юридического факультета ИЭУП РГГУ, 2506959@mail.ru.

- Милохова Анна Владимировна* – кандидат юридических наук, доцент кафедры частного права юридического факультета ИЭУП РГГУ, 2506959@mail.ru.
- Муромцева Людмила Петровна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторического факультета МГУ, 2506959@mail.ru.
- Нецветаев Александр Георгиевич* – кандидат биологических наук, доцент кафедры публичного права юридического факультета ИУЭП РГГУ, 2506959@mail.ru.
- Ноздрин Михаил Сергеевич* – аспирант кафедры финансового права юридического факультета ИЭУП РГГУ, 2506959@mail.ru.
- Попова Наталья Федоровна* – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России, 2506959@mail.ru.
- Рыжков Николай Евгеньевич* – аспирант кафедры публичного права юридического факультета ИЭУП РГГУ, ведущий специалист-эксперт отдела правового обеспечения в сфере информации Правового управления Аппарата ЦИК России, 2506959@mail.ru.
- Селюкова Валентина Викторовна* – кандидат химических наук, доцент кафедры финансового права, зам. декана юридического факультета ИЭУП РГГУ, 2506959@mail.ru.
- Сидорович Юлия Сергеевна* – кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права юридического факультета ИЭУП РГГУ, 2506959@mail.ru.
- Тимина Елена Ивановна* – кандидат экономических наук, доцент кафедры математики и информатики Московского института экономики, менеджмента и права, 2506959@mail.ru.
- Тимофеев Станислав Владимирович* – кандидат юридических наук, доцент, завкафедрой финансового права, декан юридического факультета ИЭУП РГГУ, 2506959@mail.ru.
- Тихомирова Юлия Валерьевна* – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса юридического факультета ИЭУП РГГУ, 2506959@mail.ru.
- Турьгин Александр Александрович* – кандидат исторических наук, завкафедрой теории и истории государства и права филиала РГГУ (г. Кострома), 2506959@mail.ru.
- Тюркина Наталья Евгеньевна* – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Казанского государственного университета (г. Казань), 2506959@mail.ru.
- Честнов Илья Львович* – доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридичес-

кого института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ
(г. Санкт-Петербург), 2506959@mail.ru.

Шайхутдинова Гульнара Раифовна – доктор юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права юридического факультета Академии управления «ТИСБИ» (г. Казань), 2506959@mail.ru.

General data about the authors

Bandurina Natalia – LLM, associate professor of the Financial law department, law faculty, Institute of Economics, Management and Law, RSUH, 2506959@mail.ru.

Bejanov Valeriy – LLM, associate professor, the head of the Public law department, law faculty, Institute of Economics, Management and Law, RSUH, 2506959@mail.ru.

Belonovskiy Vyacheslav – Master of historical science, associate professor of the Public law department, law faculty, Institute of Economics, Management and Law, RSUH, 2506959@mail.ru.

Bugorski Vladimir – LLM, associate professor of the Information business and trade law department, Russian State Economic and Trade University, 2506959@mail.ru.

Chestnov Ilya – JD, professor of the State-legal disciplines department, St. Petersburg's Law school, branch of General Prosecutor's Academy (St. Petersburg), 2506959@mail.ru.

Dorskaya Alexandra – JD, associate professor, the head of the International Law department of Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg), 2506959@mail.ru.

Glukhareva Liudmila – JD, professor of the International Law department, Institute of Economics, Management and Law, RSUH, 2506959@mail.ru.

Glushkova Svetlana – Doctor of politics, associate professor, the head of the Human Rights Department, assistant dean of law faculty, director of the legal education and human rights Centre at Liberal Arts University (Yekaterinburg), 2506959@mail.ru.

Ilyicheva Marina – post-graduate student of the Civil law department, law faculty, Institute of Economics, Management and Law, RSUH, 2506959@mail.ru.

Knyazeva Elena – LLM, associate professor of the Financial law department, law faculty, Institute of Economics, Management and Law, RSUH, 2506959@mail.ru.

Kossov Ivan – LLM, associate professor of the Civil law department, law faculty, Institute of Economics, Management and Law, RSUH, 2506959@mail.ru.

- Kosyakova Natalia* – JD, Professor, the head of the Civil law department, law faculty, Institute of Economics, Management and Law, RSUH, 2506959@mail.ru.
- Krapchatova Irina* – LLM, associate professor of the Criminal law and procedure department, law faculty, Institute of Economics, Management and Law RSUH, 2506959@mail.ru.
- Krupenya Elena* – LLM, associate professor of the Theory and History of State and Right department, law faculty, Moscow City Pedagogical University, 2506959@mail.ru.
- Kulikova Julia* – the chief of RSUH branch in Zhelesnodorozhniy, assistant professor (Zhelesnodorozhniy), 2506959@mail.ru.
- Kurškova Galina* – LLM, associate professor of the International law department, law faculty, Institute of Economic, Management and law, RSUH, 2506959@mail.ru.
- Lapatukhina Ekaterina* – LLM, lecturer of the Public law department, law faculty, Institute of Economics, Management and Law, RSUH, 2506959@mail.ru.
- Makeeva Anna* – associate professor of the International law department, law faculty, Institute of Economics, Management and Law RSUH, 2506959@mail.ru.
- Matveeva Elena* – postgraduate student of the Criminal law an procedure department, law faculty, Institute of Economics, Management and Law, RSUH, 2506959@mail.ru.
- Milokhova Anna* – LLM, associate professor of the civil law department, Institute of Economics, Management and Law, RSUH, 2506959@mail.ru.
- Muromtseva Ludmila* – Master of history science, associate professor of the history faculty, Moscow State University, 2506959@mail.ru.
- Netsvetaev Alexander* – Master of biology, associate professor of the Public law department, law faculty, Institute of Economics, Management and Law, RSUH, 2506959@mail.ru.
- Nozdrin Mikhail* – postgraduate student of the Financial law department, law faculty, Institute of Economics, Management and Law, RSUH, 2506959@mail.ru.
- Popova Natalia* – JD, associate professor, leading scientific official of VNII MVD of Russia, 2506959@mail.ru.
- Ryzhkov Nicolay* – postgraduate student of the Public law department, law faculty, Institute of Economics, Management and Law, RSUH, 2506959@mail.ru.

- Selukova Valentina* – Master of chemical science, associate professor of the Financial law department, assistant dean of law faculty, Institute of Economic, Management and law, RSUH, 2506959@mail.ru.
- Shaihutdinova Gulnara* – JD, associate professor of the Constitutional and international law department, law faculty of Academy of Management “TISBI” (Kazan), 2506959@mail.ru.
- Sidorovich Julia* – LLM, associate professor of the Financial law department, Institute of Economics, Management and Law, RSUH, 2506959@mail.ru.
- Tikhomirova Julia* – LLM, lecturer of the Civil law procedure department, law faculty, Institute of Economics, Management and Law, RSUH, 2506959@mail.ru.
- Timofeev Stanislav* – LLM, associate professor, the head of the Finance law department, the head of law faculty, Institute of Economics, Management and Law RSUH, 2506959@mail.ru.
- Timyna Elena* – Master of Economics, lecturer of the Mathematics and Informatics department of Moscow Institute of Economics, Management and Law, 2506959@mail.ru.
- Turina Natalia* – LLM, associate professor the International and European law department, Kazan State University (Kazan), 2506959@mail.ru.
- Turygin Alexander* – Master of historical science, the head of the history and theory of state and right department, Kostroma’s branch of RSUH (Kostroma), 2506959@mail.ru.
- Valeev Revol* – JD, professor of the International and European law department, Kazan State University (Kazan), 2506959@mail.ru.
- Vedenin Alexander* – postgraduate student of the Civil law department, law faculty Institute of Economics, Management and Law, RSUH, 2506959@mail.ru.
- Vladimirova Polina* – LLM, associate professor of the Financial law department, law faculty, Institute of Economics, Management and Law RSUH, 2506959@mail.ru.
- Vorobyova Irina* – LLM, assistant professor of the Civil law department, law faculty, Institute of Economics, Management and Law, RSUH, 2506959@mail.ru.
- Vorontsova Ekaterina* – postgraduate student of the Civil law department, law faculty, Institute of Economics, Management and Law, RSUH, 2506959@mail.ru.
- Zemskova Polina* – lecturer of the International law department, law faculty Institute of Economic, Management and law, RSUH, 2506959@mail.ru.

Заведующая редакцией *Е.Е. Жигарина*
Корректор *Л.П. Буцева*
Художник номера *В.Н. Хотеев*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Формат 60×90^{1/16}.
Усл. печ. л. 19,5. Уч.-изд. л. 19,7.
Тираж 1050 экз. Заказ № 279.

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Мнусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru